

ПИОНЕР 2

1984

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

КОМАНДИРЫ — ВПЕРЕДИ!

Что рождается в спорах?

Женя Новоженов сидел в стороне от своего отряда. Только что он, командир, отказался участвовать в соревнованиях по плаванию. Пять очков терял отряд за каждого отсутствующего по неуважительной причине. Шел первый день Всесоюзной военно-спортивной игры «Зарница».

Саша Зубков, барабанщик, плюхнулся рядом: «Ну что, Женька, струсил? В кусты? Эх ты, командир!» Девчонки тут же присоединили к Сашкиному свое возмущение. Они все в заплыве участвовали. А вот трое ребят, кроме Жени, не поплыли. И даже молчаливый Сережа Лысенко смерил Женю уничтожающим взглядом: «Предаешь?»

Это было тяжелее всего. Никого Женя не предавал. Не виноват он, что плавает неважно. Негде пока в камчатском городе Елизово учиться плавать. И командир решил: лучше не плыть вовсе, чем сойти на середине дистанции, все равно потерять пять очков, да еще услышать насмешки над своей командой. Его главное дело было впереди. Женя твердо знал — на соревнованиях по стрельбе он вернет команде потерянные очки. Но он не сумел это объяснить ребятам, а большинство из них считало, что уж кто-кто, а командир обязан плыть в любом случае.

И Женя сидел в стороне от отряда. Был он невесел, но независим и спокоен. Он не оправдывался и не огрызался, только видом своим показывал — я поступаю правильно и готов отвечать за то, что делаю.

...Уже через сутки стало ясно, что командир принял верное решение. Команда завоевала первое место в соревнованиях по стрельбе. Лучшим снайпером отряда стал командир, Женя Новоженов. Два десятка потерянных на плавании очков оказались мелочью среди других куда более сложных зачетов «Зарницы».

Когда нервы у всех напряжены до предела, кое-кому легко изменяет выдержка. В такой ситуации не просто принимать решения и тем более не просто отстаивать мнение, позицию.

Что греха таить, порой девочки пытались присвоить командирские права. Лена Борисова, девчачий «лидер», говорит убедительно. Ей на помощь спешит Аля Орлова. А там и остальные присоединяются.

Непримиримый Саша Зубков бросается отбивать атаку, словно командир сам себя защитить не может.

А Женя Новоженов с девчонками не пререкается. Слушает спокойно — уважает чужое мнение. Наверное, потому, что умеет уважать свое. Всегда объясняет, почему он делает так, а не иначе. И удивительно — его негромкие фразы слышны лучше шумных тирад. Он никого без нужды не одернул, никого не обидел. И мнение свое отстоял и сохранил достоинство — коллектива и свое. Оправдал право быть командиром.

23 февраля — День Советской Армии и Военно-Морского Флота

Командир по имени Анжела

Девяносто команд юнармейцев на «Зарнице». Девяносто командиров. Из них семнадцать — девочки. Много? Мало? Девочки считают — мало, мальчики — слишком много...

На торжественном параде-открытии я заметила маленькую худенькую девочку впереди отряда. Она была такой стремительной, так твердо печатала шаг. После парада мы познакомились. Оказалось, команда из Ростова-на-Дону, командир — Анжела Юсупова. Я не думала, что знакомлюсь с командиром отряда, который увезет с «Зарницы» почетных призов больше всех.

Когда Анжелу Юсупову выбрали командиром и ей впервые пришлось подавать команды, выяснилось, что голос у нее не командирский. Анжела осталась в пустом физкультурном зале и маршировала под свои собственные команды, пока не охрипла. Потом еще не раз и не два шагала по пустому залу, потому что знала: какая команда — такое исполнение. И вот теперь ее отряд занял второе место по строевой подготовке на Всесоюзном слете.

Победа в смотре строя и песни. Победа в зачете по дорожному движению. Победа в двоеборье ГТО. А до этих побед весь учебный год команда начинала день не с урока в классе, а с тренировки в бассейне. Выходные — тоже. Некоторые ребята тренировки пропускали. Анжела — никогда. Быстрее всех девочек в команде проплыла она на «Зарнице» свою дистанцию. Успех? Конечно. Но успех — это не случай, а результат долгого труда, упорства, выдержки. И в конечном счете — позиции.

В тройки стрелков девочек берут редко: здесь все лучше выходит у мальчишек. Анжелу в тройку включили. Надо было быстро, на время, собрать и разобрать автомат и преодолеть препятствия на местности.

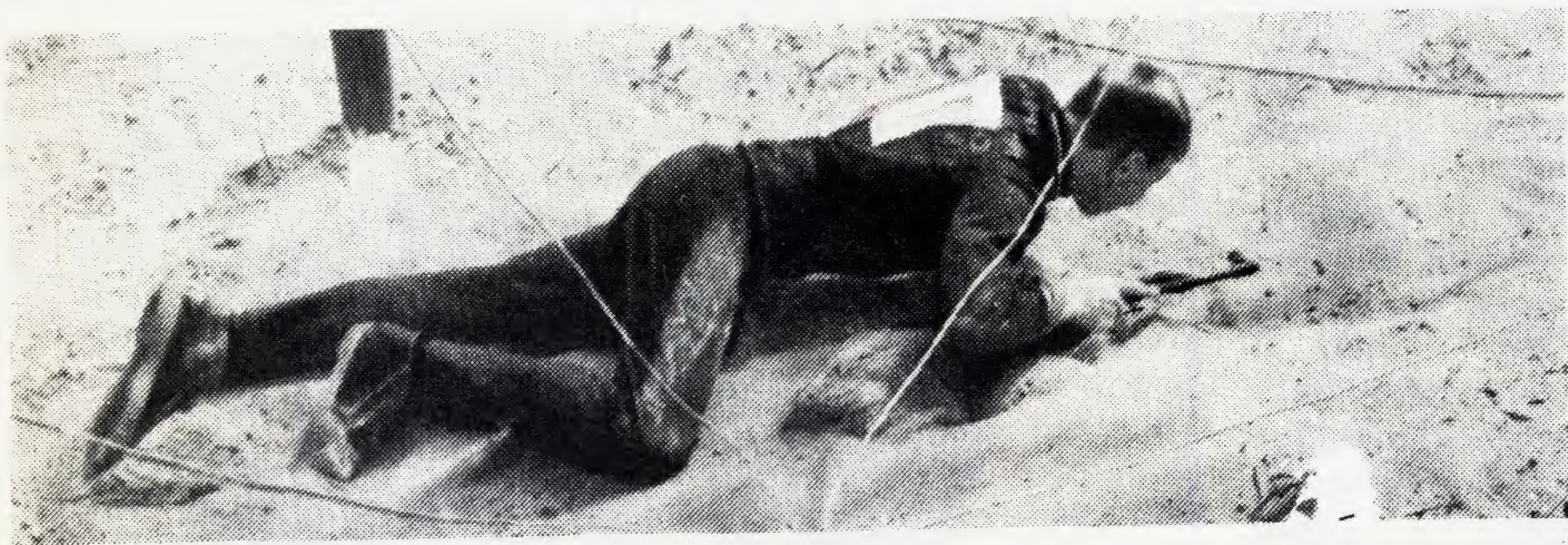
Дожидаясь своей очереди, Алеша Коклюгин и Саша Гнилицкий прятались от жары в тени деревьев. Анжелы рядом не было. Я нашла ее возле первого этапа соревнований — сборки и разборки автоматов. Анжела следила за движениями соревнующихся. Смотрела, за что судьи снимают очки, слушала, какие делают замечания. Пока от долгого ожидания и волнения мальчишки «расклеивались», она сосредоточивалась. Автомат Анжела собрала куда быстрее партнеров и показала второй результат в этом виде соревнований. И это тоже результат человеческой позиции.

Во время торжественного вручения призов девочку, в руках у которой было столько кубков и грамот, что ей помогали держать их военрук и товарищи по команде, окружили корреспонденты. Анжела не успевала отвечать на вопросы. Стеснялась, не знала, в какой из поставленных микрофонов говорить.

— Трудно быть командиром? — спросил ее какой-то журналист.

Это останется теперь с ними навсегда — стремительный бросок в атаку по сыпучему песку, теплая вода из разогретой солнцем фляги и весь, от начала до конца, нелегкий путь к победе.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

Выходит с 15 марта 1924 г.

ФЕВРАЛЬ 2

Москва 1984 г.
Издательство «Правда»

Анжела пожала плечами.
— Трудно.
Она сказала правду.

Команда, которая говорила «Не-е-е-э-э-этт!»

— Ну что, ребята, волнуетесь?
— Не-е-е-этт!
— А боитесь?
— Не-е-е-э-ээтт!
— Жарко?
— Не-е-е-э-э-этт!

Все нет да нет! Вот такие содержательные диалоги происходили у меня с командой из Эстонии. В этом отрицании каких-либо трудностей, кроме легкой бравады, было и своеобразное гордое мужество. Ни вслух, ни про себя мы не признаемся, что нам трудно, что нам жарко, что мы боимся.

— Айвар, а тебе они тоже всегда отвечают «не-е-е-э-этт»?

Айвар Кюннапуу, командир юнармейцев из эстонского города Сууре-Яани, смеется.

— Теперь уже не-е-е-э-э-этт. Раньше — да-а.

Так сложилось, что в одной команде две республики — республика мальчиков и республика девочек. И до того республика девочек независима, что руководить ею Айвару приходится порой с помощью своего замполита — девчачьего «представителя» Кюлли Тазак. Мальчишкам как скажешь — так они и сделают. А девочкам еще доказывать надо, что сначала эту тренировку хорошо бы провести, а уже потом другую. Они вроде бы согласятся, а сделают все равно по-своему.

Девочки, считает Айвар, даже если не правы, признаваться в этом не любят. Кто хочешь в их промахе виноват — сам Айвар, мальчишки, погода, наконец. Пришлось даже выработать для них особую, «разумную» политику: отдавать им приказания на минуту раньше, чем ребятам. Пусть обсудят, поспорят. Командир их охотно выслушает. И решит вместе с ними, как лучше поступить.

Кюлли сама была командиром и с Айваром согласна — с мальчиками командиру легче. Но зато с девочками надежнее. Если девочкам все ясно, можно не сомневаться, они все сделают точно.

Принимать решения командиру приходится быстро. И чем лучше в команде ребята понимают друг друга, тем легче командиру руководить. Вот получили на руки карты и сейчас уйдут со старта разведчики. Последний их взгляд — на Айвара.

— Не торопитесь,— только и позволяет сказать себе командир.

— Да, Айвар,— отвечает ему Рутт Ленно.

Но сказали они друг другу больше, чем я слышала. И отлично поняли друг друга. Все будет нормально, командир.

* * *

Трудно быть командиром. Думать не о себе, о других. Решать не за себя, за всех. Решать правильно, быстро. Приказывать. А как приказать товарищу? Может быть, даже другу?

Командиру, его приказам должны верить. Назначить командира просто. Стать им труднее. Стать человеком, мнение которого будут уважать, слову которого будут подчиняться. Точку зрения которого станут признавать.

Г. ПОТАПОВСКАЯ

Фотографии В. МАШАТИНА.

Алла СУРОВА

МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ...

Мне не забыть минуты страшной той,
как поджигали рожь тугую под Смоленском.
Бросалась в ноги золотой волной
и выпрямлялась,
гордая по-женски.
И сильная крестьянская рука,
засеявшая это поле,
дрожала от горячей боли,
но не оставила врагу
ни колоска.
Я колос
обгорелый,
скорбный,
с тех пор храню,
и нет покоя мне.
И проросли
обугленные зерна
неукротимой ненавистью черной
к великому несчастию —
войне.

* *
*

Домой с войны шагал солдат,
А в ранце нес он целый сад.
Мечтал он, как домой придет
И пот войны со лба сотрет.
Потом лопату он возьмет.
И день и ночь готов подряд
Лелеять землю, ладить сад.

1944-й. Это год, когда наши войска вышли к Государственной границе и пограничный столб с Гербом СССР вновь встал на свое законное место. Сорок лет прошло с тех пор.

Границы Родины священны и неприкосновенны. В нашей стране принят Закон о Государственной границе. Границу зорко охраняют отважные пограничники. Об их службе сегодня наш рассказ.

Лидия ОБУХОВА

ДЕНЬ НА ЗАСТАВЕ

Фотографии В. СМИРНОВА.

В дозоре...

Добрый вечер или доброе утро?

Когда начинается новый день? Странный вопрос! Часы пробьют двенадцать, стрелки покажут полночь — вот и конец одних суток, и начало новых.

Всегда ли так? А вот послушайте, что я расскажу.

Наша страна большая, и граница у нее очень длинная. Даже вообразить это трудно: 67 тысяч километров! И не по ровной дороге, не по линеечке отмерена пограничная черта. Она проходит через густые леса, по многим рекам, карабкается высоко в снежные горы, пересекает песчаные пустыни, где горячий ветер обжигает губы, как кипяток. А на Дальнем Востоке граница идет по Тихому океану.

Представьте, что из воды высунулась большая скала, глыба голого камня. Ни одного деревца, ни одной травинки на ней не растет. Птицы гнездятся редко, да и то только на солнечной стороне. Корабли причалить не могут: волны разобьют их о каменные клыки.

Зимою море вокруг покрывается толстым льдом и дуют ураганные ветры. Это остров Ратманова. На нем нет жителей, одна пограничная застава. Кто-то поставил указатель: до Москвы 6480 километров, до Северного полюса 2690 километров, до Америки 4 километра. Вот какова самая восточная точка нашей страны!

А город Кушка—самая южная точка. Пограничники шутят: дальше Кушки не пошлют. Куда уж дальше! Пройдешь десять шагов по раскаленной, высохшей почве, а на одиннадцатом поднимешь ногу и остановишься: дальше начинается чужая страна.

В любом месте границы, если оставить за спиною полосатый пограничный столб с советским гербом — серпом и молотом,— перед тобой лежат уже другие страны. Где и язык чужой и законы не наши.

Но почему мы заговорили о границе, если поначалу речь шла о часах и о том, когда начинаются новые сутки? Этому есть своя причина. Пограничные сутки не сходятся ни с какими другими. Они начинаются не в полночь, не на рассвете даже, а вечером. В это время на всех заставах нашей страны — горных, лесных, морских — проходят боевые построения. Все, кто не несет службу и не находится в этот момент в пограничном наряде, становятся по команде «смирно».

Начальник заставы обходит строй, придирчиво осматривает солдат. Как они стоят? Аккуратно ли одеты? Бодрые ли у них лица?

День клонится к вечеру. Солдаты стоят в две шеренги, спиной к заходящему солнцу. Оно горит в донышках зеленых фуражек, будто это светофоры.

— День прошел спокойно,— говорит начальник заставы.— Происшествий на заставе не было. Хорошо несли службу сержант Ветров и солдат Солнцев. Выношу им благодарность. На охрану Государственной границы СССР приказываю выступить...

И начальник заставы называет солдат по фамилиям: кому, с какого часа, по какому маршруту идти охранять свой участок.

Так начинаются пограничные сутки.

Дом в лесу

Застава, о которой мы расскажем, на западной границе Советского Союза. Соседи с запада — социалистические страны: Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния. Граница эта дружественная. Одна-

ко служба есть служба. Пограничники несут ее повсюду бдительно и исправно.

Застава расположена в дремучем лесу. Этот лес называется пущей, он тянется на много километров. Здесь живут вольно и непугано многие звери: лоси, олени, кабаны, хищные рыси, похожие на больших злых кошек с кисточками на ушах, и великаны зубры.

А застава — бревенчатый дом, огороженный невысоким забором. У ворот стоит часовой. Поблизости вышка с крутой деревянной лестницей. На вышке, под навесом, в маленькой дощатой будке постоянно находится наблюдатель с биноклем. От восхода солнца и до темноты он следит за окрестностями. Ему далеко видно: и лес, и маленькое озеро, один берег которого наш, советский, а второй уже находится за границей, и дорога — она тоже ведет в другую страну, поэтому перегорожена полосатым шлагбаумом.

Вокруг заставы селений нет, только вековые деревья стоят стеной. Да еще высокие травы по колено. Ветерок из леса веет то грибной сыростью, то сухим запахом сосновой смолы. Иногда сосны отступают, и тогда над лесной дорогой смыкают ветви липы или клены, будто девушки взялись за руки в хороводе. Становится темновато, идешь, как по зеленому тоннелю, пока не выберешься на поляну, где над головой синее небо, а от яркого света в глазах запрыгают по траве голубые пятна.

Есть поляны, сплошь заросшие земляникой: под ногами красно, ступить некуда. А то раздвинешь кусты, и шагах в двадцати пасется лань, жует листья у самого забора.

Вот она какая, лесная застава!

А фамилия начальника заставы — Непогодьев. Поэтому шутники прозвали заставу «бюро непогоды».

— Тебя нам только не хватало! — сказали они Дождикову.

Но такими озорными они были в минуты отдыха или во время занятий по хозяйству. На заставе, кроме воинской службы, много простой работы: надо самим мыть полы, чистить картошку на кухне, топить по субботам баню, ухаживать за лошадьми, доить корову, вскапывать огород, пилить дрова, вязать веники. С лопатами в руках, обнаженные по пояс, солдаты становятся похожими на прежних школьников. Они поддразнивают друг друга, балуются, шутят.

Но стоит раздаться команде дежурного: «Солнцев и Дождиков, на службу!» — как оба отставляют лопаты, которыми только что сгружали опилки для спортивной площадки, и поспешно покидают веселый круг, чтобы через минуту появиться уже в полном снаряжении, в маскировочных куртках и с автоматами через плечо. Они подтянуты и строги: не друзья-приятели, а пограничный наряд. Старший наряда Солнцев имеет право приказывать младшему, Дождикову, как командир. Оба отмеряют парадным шагом путь от крыльца заставского дома до фанерного щита, который водружен посреди двора. На щите нарисована карта Советского Союза. Они стоят перед нею несколько минут молча, задумчиво глядят на знакомую извилистую линию границы. Их собственная застава отмечена маленькой красной точкой.

— Есть выступить на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик! — четко, с гордостью говорит Дождиков.

Солдат Дождиков

Когда новобранец Дождиков прибыл на заставу, он никак не мог понять, почему его фамилия вызвала дружный смех. Оказывается, на заставе уже служат Солнцев, Ветров и Громов.

Соседи с запада — социалистические страны...

Дождиков учится

Дождиков не сразу привык к заставе, к ее порядкам. В первое утро все вышли умываться раздетыми до пояса, а он в майке. Все побежали к озеру, а он к рукомойнику.

— Погода пасмурная,— сказал.— Пойду в баню, тогда и вымоюсь хорошенько.

Прапорщик рассердился, а солдаты вокруг засмеялись.

Дождиков с неохотой поплелся к озеру, плеснул на шею и плечи свежей холодной водой. И удивительно — это ему понравилось.

Озеро было неглубокое. Повсюду торчали заросшие островки, будто шапки из зеленой овчины. Высовывались рогатыми головами вывернутые с корнем пни.

В другой раз прапорщик велел скосить траву на заставском дворе.

Дождиков говорит:

— Я косить не умею, товарищ прапорщик. Я не деревенский.

Прапорщик служит на границе не первый год. По возрасту он старше всех солдат. Человек хозяйственный, приглядчивый, держится солидно, носит густые усы. Конечно, ему больше по нраву солдаты, у которых дело в руках спорится, за что ни возьмутся. Но он знает: учить надо всех. Недаром говорят: граница воспитывает. Это верно. Но приходят-то на нее служить еще невоспитанные!

Прапорщик ответил спокойно:

— Ничего, научишься. Пограничник должен все уметь. Бери косу, следи за мною. Так, так. Запомнил? Начинай.

Однажды Дождиков разравнивал граблями контрольно-следовую полосу вдоль границы. Ее перепахи-

вают часто и очень старательно: борозда к борозде, рубчик к рубчику. Опытный пограничник заметит на ней даже птичий след. Но Дождиков путал поначалу отпечаток лосиного копыта со следом сапога.

— У тебя нарушитель под носом пройдет, а ты и не заметишь,— говорит ему Солнцев, старший наряда.

Солнцев служит на заставе второй год и в следах разбирается отлично.

— Вот олень пробегал,— Он наклоняется над вспаханной полосой.— А это след лягушки.

Теперь и Дождиков видит бесформенные отпечатки плоского брюха.

— Здесь полевая мышь копала норку. А эта кучка земли побольше, значит, кротовый вход.

Пограничнику надо быть хорошим следопытом. Чтобы незаметно перейти контрольно-следовую полосу, нарушитель иногда привязывает к ботинкам коровьи копыта. Зоркий, внимательный глаз сразу приметит: так ли расположены следы, как шагает животное? Глубокие отпечатки или мелкие? Ведь человек весит меньше, значит, ступает легче.

Настал день, когда и Дождиков заметил в заглохших кустах малинника рядом с контрольно-следовой полосой отпечатки копытца, почти невесомые на влажной глине.

— Чьи следы? — спросил Солнцев.

Дождиков старательно сощурил глаза. Сказал полувопросительно:

— Коза?

— Четыре с плюсом. Косуля.

Так день за днем он учился быть пограничником.

Контрольно-следовую полосу перепахивают очень старательно: рубчик к рубчику. Опытный пограничник заметит на ней даже птичий след.

Раз картошка, два картошка...

Прежние хозяйственные познания Дождикова не шли дальше того, чтобы налить себе чашку чая и намазать маслом ломоть хлеба. Если ни матери, ни сестер не было дома, он принимался жарить яичницу. Простое дело! Поставил сковороду на газовую горелку, разбил пару яиц, выбросил скорлупки в мусоропровод и жди, пока сковорода зашипит, а яйца поджарятся.

На заставе все оказалось сложнее. Он ворчал, когда его отправили к повару подсобником. Хотелось держать в руках боевое оружие, а не кухонный нож. Но прапорщик пошевелил усами, бормоча под нос что-то весьма нелестное в адрес городских белоручек, и закончил уже громко излюбленным присловием:

— Пограничник должен уметь все!

Он ушел, оставив Дождикова посреди кухни в полном подчинении у повара. Поваров было двое, они дежурили по очереди: неделю стряпали, неделю несли боевую службу.

Повар оглянулся через плечо. Он сидел на корточках, дул изо всей мочи на растопку. Лицо под высоким белым колпаком багровело от натуги. Заставская кухня не имела еще ни газовой, ни электрической плиты, топили по старинке дровами. Благо сухого валежника да поваленных стволов в пуще достаточно.

— Ну,— сказал повар,— чего уставился? Натаскай в котел воды да садись чистить картошку.

«Вода — это мигом»,— обрадованно подумал Дождиков. И ошибся.

Колодец был во дворе. Как опускают вглубь ведро на цепи, а затем накручивают цепь на деревянный вороток движением рукоятки, Дождиков, конечно, видал. Немудреное занятие. Но зловредное ведро внезапно вырвалось у него из рук и полетело, грохоча цепью, в сырую темноту колодезного сруба. Валик завертелся так стремительно, что железная рукоятка только сверкала на солнце. Дождиков едва отскочил, а то бы непременно зашибло.

Ведро плюхнулось и ушло ко дну. Самое время вытаскивать. Дождиков принялся прилежно вертеть рукоятку в обратную сторону, наматывая цепь. С первым ведром он кое-как справился. Но повару-то требовалось их не меньше десяти. Пока бегал взад-вперед, взмок. И рука заболела от верчения. Каждое следующее ведро казалось все тяжелее и тяжелее.

«Сяду за картошку, отдохну»,— подумал с надеждой Дождиков. Но снова ошибся. Он выпустил из виду, что чистить овощи придется не для домашней кастрюльки, а в объемистый солдатский котел. Он уже дважды порезался — глаза бы его не глядели на проклятущий нож! — когда сзади подошел повар, посмотрел из-за плеча придирчивым оком и покачал головой.

— Нет, брат,— сказал он.— Так дело не пойдет. Очистки толще сапожной подошвы. Из-за тебя мы раньше времени изведем весь припас. Следующей весною сам будешь сажать огород, каждый карто-

фельный кустик окучивать, поливать. Узнаешь цену труду. А теперь следи за мной: картофелину в левую руку, нож в правую... поехали!

Повар присел на табурет — и картошка, словно живая, повернулась в его руках. Лезвие ножа лишь слегка прошлось по ней, как чудилось Дождикову, и вот она — кругленькая, беленькая, облупленное яичко, да и только! — уже летит в ведро с чистой водой. Кожура вроде длинной ленты из папиросной бумаги — на свету просвечивает.

— Понял? — спросил повар.

— Не понял,— честно сознался Дождиков.— Ты фокусник, что ли?

Повар засмеялся.

— Мне через два часа ребят кормить. Они из наряда вернутся голодные как волки. Так что поторапливайся.

— А сколько надо этой картошки? — робко спросил Дождиков.

— Сегодня немного, только в суп. Ведра полтора, пожалуй, хватит.

Рогатая Хозяюшка

Поздно вечером, склонившись над толстой разграфленной книгой ежедневных нарядов, начальник заставы поставил против фамилии Дождикова две буквы «х» и «р» — хозяйственные работы.

Дождиков подумал было, что снова придется дежурить на кухне, но усатый прапорщик разбудил его чуть свет и повел наискось по заставскому двору, густо заросшему отавой — новой травой после первого покоса.

Роса брызгала из-под сапог, рассыпаясь холодными матовыми шариками. Голенища стали мокрыми, словно оба переходили вброд реку.

Утро на глазах наливалось ярким румянцем. Только у пограничников сутки не разделены на две половины: одна для работы, другая для сна. Сутки не начинаются и не кончаются, они длятся, как в живой природе, переходя друг в друга вместе с зарей, с круговоротом звездного неба, с передвижением солнца от одного края горизонта к другому. Пограничник засыпает в любое время, едва опустит голову на подушку, вытянет усталое тело на жестковатом матрасе. Зато встает тоже проворно, не зевая и не потягиваясь. Сверяясь не с часами, а следуя приказу командира.

Дождиков, разбуженный спозаранку, шел бодро, без всякой сонливости. Прапорщик приоткрыл дверь хлева. Петли звучно скрипели в утренней тишине. Изнутри пахнуло теплым коровьим дыханием, повеяло сладкими запахами соломы и молока. Дождиков еле разглядел что-то крупное, шерстистое, безостановочно жующее ленивыми челюстями.

— Будете ходить за коровой,— сказал прапорщик.— Выгонять ее на пастбище, чистить хлев, доить... ну, и все такое.

Искоса бросив на солдата настороженный взгляд, он прибавил, что подойник, вилы, лопата — все хранится в углу. Ожидал, что тот, как обычно, обидчиво возразит, мол, ничему этому не обучен... Но Дождиков промолчал. В нем вспыхнула азартная злость, задор.

Заметно подобрев, прапорщик распахнул дверь настежь, впустил в потемки хлева свет и воздух.

— Дадим кого-нибудь в помощь...

— Справлюсь,— отозвался Дождиков.

Корову на заставе прозвали Хозяюшкой. Она в самом деле чувствовала себя в пуще хозяйкой. Белки

На вышке пограничник высоко над всеми. Даже птицы некоторые летают ниже.

ее не опасались, косули уступали дорогу. А один вороватый зубр, повадившийся забираться в пустой хлев к кормушке, завидев Хозяюшку, пускался наутек, задрав хвост.

Заставская корова была животным кротким, но самостоятельным. Целыми днями паслась вдоль линии границы, никогда ее не переступая, а вечером возвращалась на заставу с полным выменем. Дождиков напяливал белый халат, который был ему не по росту, усаживался на низкую скамеечку и, угостив корову коркой черного подсоленного хлеба, принимался за дело.

— Молодчина, Хозяюшка,— ласково приговаривал Дождиков.— Стой смирно. Сама понимаешь: надо — значит надо.

Зеленый луч

Поначалу Дождикову казалось, что куда как трудно носить рацию! Если уходил в дневной дозор в одиночку и никто его не видел, норовил держать не по уставу, а как ловчее. Ворчал про себя: лишняя тяжесть! Есть же вдоль участка скрытые розетки: подошел к стволу, вставил вилку телефонной трубки и докладывай на заставу. Хоть вертолет вызывай.

Но однажды Дождиков пересекал лесную дорогу и неожиданно наткнулся на свежий отпечаток шин. Не свой, не заставский след! Куда уж тут бегать, искать розетку... Он включил рацию.

— Лесник, лесник! Я — четыреста десятый. Как слышите? Вижу чужой след...

— Порядок,— отозвался дежурный.— Только что

прибыли гости из-за кордона. Визит дружбы. У них и вправду шины другие. Правильно заметил.

Но рация показалась Дождикову детской игрушкой после нескольких занятий с переносной станцией наземной разведки! Станция наземной разведки — металлическая тренога, похожая на диковинного марсианина. Сверху ящик-голова, посылающий сильные электрические импульсы, в средней части брюшко, начиненное сложной аппаратурой с боковым телеэкранчиком, на котором мерцает развернутый в ровную линию пронзительно-зеленый луч.

Дождиков очарованно приник к резиновому наглазнику, похожему на раструб голенища.

— Что, понравилась техника? — спросил прапорщик.— То-то. А теперь быстро меняем место наблюдения. Темп, темп!

— Товарищ прапорщик,— сказал Дождиков, перетаскивая треногу и пыхтя от усилия.— А если поставить локаторную систему вдоль всего участка? Тогда пешком в наряды ходить незачем? Да и заставы в будущем станут не нужны!

Прапорщик ворчливо отозвался:

— Локатор, конечно, сработает, но задержать нарушителя и принять решение он не сумеет. Механизму доверяй, а сам проверяй. Понятно, Дождиков? Научной фантастикой будете увлекаться в свободное от занятий время.

Дождиков в дозоре

По берегу озера вдоль контрольно-следовой полосы, размякшей после недавнего дождя, идет пограничный наряд. Опускается липкий вечерний туман. И лес, такой приветливый днем, в темноте становится мрачным, даже пугающим.

Дождиков вырос в городе. Деревья он видел раньше только в сквере: подстриженные, с побеленными стволами, чтобы вредная гусеница не доползла к листьям. А здесь дикая, дремучая пуща. Каждый пень похож на волка; в треске веток чудятся чьи-то крадущиеся шаги.

Первое время, пока Дождиков не привык к лесу, его ставили на пост у ворот. Отпечатал двадцать шагов в одну сторону, повернул обратно. Постоял немного под навесом-грибом, осмотрелся вокруг и снова шагает. Несет службу.

Трудно вставать глухой ночью, сыро, зябко. Но когда уже проснулся, принял дежурство, сжал руками автомат — тут не до сна, не до праздных мыслей. И сколько таких ночей пройдет за время службы! То тихих, лунных, с черными длинными тенями — тени, как стрелки на часах, медленно движутся к рассвету,— то облачных, бурных — пуща тогда так и загудит, замашет ветвями, будто отбивается от врагов... Есть

У стен легендарной Брестской крепости...

о чем рассказать в письмах родным и друзьям — пусть почувствуют, что такое застава!

Нравились ему дежурства на вышке. Один, высоко над всеми. Даже птицы некоторые летают ниже. Дождиков в детстве мечтал стать моряком, карабкаться на мачту или стоять на капитанском мостике. Пограничная вышка тоже капитанский мостик: в ветреный день по зеленым верхушкам будто волны катятся. Скоро он узнавал сверху деревья, как хороших знакомых. Осокорь с морщинистым стволом — его и четверым не обхватить! Ель-великанша, вся усыпанная шишками. В бинокль хорошо видно, что ниже к земле шишки черные, с растопыренными чешуйками, семена из них, видно, высыпались, а сверху висят молодые, липкие от смолы, зеленые. Больше других нравилась Дождикову одна сосна. Она стояла вдали на пригорке, открытая ветру, не такая стройная, как деревья в бору, а приземистая, сучковатая. Зато ветви у нее были, как расплеснутые крылья. Бури она не боялась, любую непогоду встречала смело, не пряталась за других. Дождиков уважал ее.

Но вот опускаются сумерки, окрестность теряет цвет, сливается в сплошное серое пятно. Только лес темен, как мокрый валун, да дорога слабо белеет... Конец дежурству!

В свой первый ночной дозор Дождиков пошел вместе с начальником заставы капитаном Непогодьевым. Капитан знал, что молодой солдат может оробеть в ночном лесу. В лесу нужна привычка: здесь и звери бродят, и филин ухает, мало ли что может померещиться?

Пробирались они узкой тропой вдоль заросшего камышом и осокой озерка. Вдруг послышалось всполошенное шуршание утиного выводка.

— Как вы думаете, чего они шебаршат? — спросил начальник заставы.

— Может быть, корм ищут, товарищ капитан? — неуверенно предположил Дождиков.

Тот покачал головой.

— Кормятся утки днем. А сейчас их кто-то спугнул. Могла рядом щука проплыть; она не прочь утащить утенка под воду. А скорее всего, мы сами прошли неосторожно, зашумели. Но мог быть и чужак. Ни одну тревогу пропускать без внимания нельзя: птицы, трава — все нам в помощь.

Под ночным небом, полным звезд, пуща лежала единым телом. Верхушки деревьев угольно очерчивали ее. Тишину сменяли внезапные порывы ветра. Так они и проходили все пять часов. А когда возвращались на заставу, уже занималась заря. Их сапоги были обрызганы крупной росой.

Дождиков удивился:

— Товарищ капитан, как у нас с вами быстро время прошло! И интересно.

Начальник заставы ответил:

— Так граница, она вообще интересная. Я вот пятнадцать лет служу, и мне до сих пор интересно.

Зубры приходят в гости

Пуща не просто глухой, дремучий лес. Это лес заповедный. Все сохраняется таким, как если бы человека вообще не было на земле, а жили одни звери, птицы и рыбы...

Деревьев в пуще не рубят, они падают сами от старости или от удара молнии. Упавшие стволы время от времени приходится убирать, иначе они начнут гнить и заразят здоровый лес. У леса тоже есть свои болезни.

В школу провожает вся застава...

Но один поваленный ствол обязательно оставляют. Он называется «ловчее дерево». Кого же оно ловит? Оказывается, к нему сползаются отовсюду враги леса — вредные козявки, жуки-короеды, личинки, гусеницы. Гнилая древесина и потрескавшаяся кора гораздо удобнее им для жилья, чем крепкое дерево, которое надо прогрызть или просверлить, чтобы забраться внутрь. Так мертвое «ловчее дерево» спасает живой лес.

Грибы в заповедной пуще попадаются большие, как тарелки. В их прогнутых шляпках застаивается дождевая вода.

В пуще никто не живет. Стоит только пограничная застава, да подальше от рубежа несколько домиков для научных работников и лесных сторожей.

Главная забота охранителей пущи — зубры. В пуще зубров всячески оберегают и даже подкармливают, когда выпадает много снегу. Зубры любят зеленые ветки и высокую траву, и зимою им нечем питаться. Тогда лесники развозят для них по кормушкам запасенное сено. Хотя зубров в пуще много, все они на строгом учете. У каждого свой паспорт, своя кличка.

На заставу пришел к начальнику взволнованный научный работник.

— Мы опасаемся, — сказал он, — не перешли ли шесть зубров границу?

Капитан Непогодьев вызвал Дождикова.

— Проверьте контрольно-следовую полосу, — приказал капитан. — Исчезли шесть зубров.

— Есть проверить контрольно-следовую полосу! — ответил Дождиков.

Зубров он побаивался только первое время; все старался обходить этих лесных великанов, похожих на мощных быков с густой гривой. Когда зубр злится, он язык высовывает и лижет ноздри. А язык у него синеватый, будто чернил напился. Но если зубров не дразнить, не лезть им на глаза, они будут смирно и

добродушно пастись, не обращая ни на кого внимания. Пограничники с зубрами хорошо знакомы. Зубры то и дело «нарушают» границу.

Дождиков прошел вдоль контрольно-следовой полосы: зубриных следов на ней не оказалось. Он уже возвращался на заставу, как вдруг чуть не впритык к глубокому оврагу наткнулся на целое зубриное семейство. Оно расположилось на лужайке возле прямых, как колонны, сосновых стволов. Мать-зубриха, горбатая, пепельно-коричневая, почему-то все время бодала трех зубрят-погодков. Они лежали в траве, сбившись в кучу, отмахиваясь хвостами от оводов, и иногда подходили к матери. А та их гнала.

«Почему она их гонит?» — удивился Дождиков.

Наконец рассмотрел: крошечный зубренок, наверное, новорожденный, не больше крупной собаки, лежал у ее ног. Вот она и боялась, как бы старшие его не затоптали.

«Значит, их пятеро,— подумал Дождиков.— А где же шестой?»

Внезапно у подножия дальнего дерева столбом встала пыль. Вы видели, как валяется лошадь? Точно так же резвился зубр. Когда он встал на ноги, то его величина, мощный загривок и висячая бахрома на шее произвели самое внушительное впечатление. Это был рослый и, возможно, свирепый зверь. Лучше ему на дороге не попадаться. Дождиков свернул за кусты и поспешил на заставу доложить, что нашлись все шестеро.

«Это хорошо, что я пешком,— подумал Дождиков.— А был бы на мотоцикле, этот большущий мог бы за мною погнаться».

Зубры спокойно относятся к автомобилям, но терпеть не могут мотоциклов. Треск вызывает у них ярость, и они кидаются преследовать отвратительную тарахтелку. Бегают зубры очень быстро, их скорость до пятидесяти километров в час. Мотоцикл едет по асфальту, а зубры наперерез дороге между деревьями. Поэтому по пуще лучше ходить пешком.

Старый пулемет

Лесная застава не всегда была такой мирной, как сейчас. На нашей земле тоже не всегда был мир. Если начинается война, пограничники первыми принимают удар. Они стоят у границы Родины и защищают ее до последней капли крови. Пограничники не сдаются и не отступают.

Так было в первый день Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 года, когда на нас напали фашисты.

Вечер накануне прошел тихим и спокойным. Летние ночи коротки, в четыре часа утра стало совсем светло, но солнце еще не всходило. В этот момент прозвучали первые выстрелы. Стреляли с той, чужой стороны.

На лесной заставе тотчас раздалась команда: «В ружье!», и пограничники приготовились к обороне.

Они спрятались за кусты, залегли вдоль оврага. Враги подумали, что на заставе сопротивляться некому. Фашистские разведчики прошли по лесу и не заметили никого. Пограничники были совсем рядом, но ничем не выдали себя. Их было слишком мало, они берегли силы для решающего боя.

Вскоре показалась фашистская пехота. Вокруг стояла по-прежнему тишина. Пограничники только поглядывали на командира, держа оружие наготове. Когда до цепи вражеских солдат оставалось шагов сто, начальник заставы громко скомандовал:

— За Родину! Огонь!

И в тот же миг раздались дружные залпы, застрочил пулемет...

Четыре года шла война. И лишь когда враг был изгнан из нашей страны и полностью разбит, отыскали в лесу могилу пограничников. За голубой деревянной оградой воздвигнут теперь небольшой обелиск со звездой, а у подножия обелиска стоит старый пулемет.

Пионеры приносят сюда по праздникам цветы.

Маленькая дочка капитана Непогодьева, когда отец привел ее к голубой ограде, спросила:

— В этой могиле лежит солдат? Как его зовут?

Отец вздохнул.

— Не знаю, дочка. Может быть, это даже твой дедушка, мамин папа. Он тоже погиб в самые первые дни войны.

Самая западная Надя

Маленькую дочку капитана Непогодьева на заставе прозвали «самая западная Надя», потому что ни одна советская девочка с таким именем западнее ее уже не живет.

Так же, как под Кушкой есть своя «самая южная Таня». А на последнем северном клочке нашей земли благополучно живет «самый северный Юра».

Так вот, пятилетняя Надя, выросшая на заставе, тоже неплохо разбирается в пограничных делах. Целый день она бегает в трусиках по лесу, комар ее не берет. Кожа у нее такая гладкая, смугло-золотая, словно она не девочка, а маленькая ланька.

— Ты не боишься заблудиться, попасть за границу? — спросил ее Дождиков.

— Как же я заблужусь? — с великолепным спокойствием ответила Надя.— А контрольная полоса?

Надя не зубренок, она знает, что на контрольно-следовую полосу ступить нельзя ни при каких обстоятельствах. Где начинается чужая страна, она определяет по-своему.

— Там дорога без асфальта, из белых камушков. Чтобы сразу было видно, где они, а где мы.

— Хочешь, я тебе достану заграничный камушек? — спрашивает хитрый Дождиков.

Но Надя еще хитрее.

— Нет,— отвечает она.— Я люблю свои камушки!

Когда солдаты собираются на спортивной площадке, она тоже стоит здесь в своей белой панамке. Смотрит, как они бегают, прыгают, подтягиваются на перекладине, и громко хлопает в ладоши.

А когда солдаты идут на стрельбище — на широкий луг с фанерными мишенями, и усатый прапорщик достает из круглых жестяных коробок патроны для стрельбы в цель, Надина панамка тоже белеет в стороне, как большой одуванчик. Она пограничная дочь и не боится выстрелов.

Но вот над заставой гремит через динамик голос дежурного:

— На боевой расчет стройся!

Пограничные сутки подходят к концу.

Сейчас капитан Непогодьев встанет перед строем и скажет торжественно:

— Приказываю выступить на охрану Государственной границы Союза Советских Социалистических Республик!

...А солнце еще не зашло. Но спускается все ниже. И наконец, коснувшись озера, быстро тает, как кусок сахара, если его бросить в стакан с чаем.

— До свидания,— говорит самая западная Надя.— Я иду спать.

А ночные наряды снова уходят в пущу.

ФЕСТИВАЛЬ

Эту песню в дни VI Всемирного фестиваля, который проходил в столице нашей Родины городе Москве в 1957 году, казалось, пела каждая улица, каждый дом, каждая площадь. Она звучала на стадионах, в лучших концертных залах столицы, в подмосковных колхозах и совхозах, куда приезжали делегаты и гости Всемирного форума. Она сдружила тысячи юношей и девушек зарубежных стран и Советского Союза. Она перелетела границы и до сих пор, как знаменитая «Катюша», напоминает сегодняшним сверстникам о незабываемом Московском фестивале.

Не слышны в саду даже шорохи,
Все здесь замерло до утра,
Если б знали вы, как мне дороги
Подмосковные вечера.

Песня «Подмосковные вечера» и Гимн демократической молодежи, который прозвучал на I фестивале, стали паролем дружбы, паролем солидарности, паролем мира.

И вот на грандиозном антивоенном митинге молодежи, который состоялся в Москве 29 ноября прошлого года, прозвучало радостное и важное сообщение: Ленинский комсомол выступает с инициативой провести в Москве в 1985 году, в год сорокалетия Великой Победы над гитлеровским фашизмом, XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

Что такое Всемирный фестиваль молодежи и студентов? Каковы его цели и задачи? Кто его проводит и кто участвует в этом форуме молодежи?

Фестиваль — это праздник молодости, красоты и сил юношей и девушек планеты. Фестиваль — это демонстрация солидарности, борьбы за мир, против гонки вооружений, против крылатых ракет с ядерными боеголовками, против агрессивной сущности империализма. Фестиваль — это встреча молодежи по интересам, по профессиям. Фестиваль — это спортивные состязания лучших спортсменов всех пяти континентов.

На Всемирный фестиваль молодежи и студентов приезжают юноши и девушки разных взглядов, идут жаркие дискуссии, но демократическую молодежь мира всегда объединяла главная цель — борьба за мир, борьба против происков империалистов, неоколониалистов.

Фестивальное движение имеет свою давнюю историю. Его идея родилась в победном 1945 году в Лондоне на Всемирной конференции молодежи. Год рождения Всемирных фестивалей молодежи и студентов — 1947-й. И первой столицей фестивалей стала Злата Прага — столица Чехословакии, где 25 июля и состоялось торжественное открытие I Всемирного фестиваля. А 17 августа на красивой Вацлавской площади 150 тысяч юношей и девушек впервые пропели Гимн демократической молодежи.

Год 1949-й. Будапешт. II Всемирный фестиваль молодежи.

Год 1951-й. ГДР — Берлин.

Сюда приехали 26 тысяч делегатов из 104 стран земного шара.

А в 1953 году посланцев молодежи мира уже встречал Бухарест. В Обращении, которое единодушно было принято, говорилось: «Юноши и девушки! Объединимся для того, чтобы наши мечты и надежды на лучшее будущее стали действительностью! Молодежь всего мира, вперед!»

На V Всемирном фестивале, который проходил в 1955 году в Варшаве, в год, когда исполнилось 10 лет со дня взрыва атомной бомбы в Хиросиме, состоялся грандиозный митинг за запрещение атомного и водородного оружия.

После Московского фестиваля VII Всемирный проходил в Вене в 1959 году. Главный его лозунг: «Нет — войне! Да здравствует мир!»

В 1962 году демократическая молодежь собралась в Хельсинки. Почетным гостем этого фестиваля стал первый космонавт Земли Юрий Алексеевич Гагарин. Его всюду встречали улыбками и аплодисментами. На фестивале прозвучал его спокойный и уверенный голос в защиту мира.

София. Снова ГДР — Берлин. Солнечная Гавана — вот этапы фестивального движения. Именно в этих городах началась специальная детская программа фестиваля. Пионерские организации многих стран посылали свои делегации, вожатых, пионерских работников. Проходили интересные встречи, митинги, праздники искусств, спортивные состязания. А Берлинский фестиваль впервые открывала детская интернациональная колонна. Каждый раз ребята привозили делегатам памятные сувениры, проводили ярмарки солидарности, а заработанные средства перечисляли в Фонд мира.

Вот и ты, читатель «Пионера», станешь свидетелем, а может быть, и участником XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Подробнее познакомьтесь с историей фестивального движения, проведите в дружинах малые фестивали, позаботьтесь о сувенирах для зарубежных посланцев, проводите международные конкурсы и викторины. О самом интересном мы ждем сообщений в «Пионер».

ВЕНГЕРСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

Венгерское государство возникло в конце X — начале XI века. Однако впервые о венгерском флаге упоминается в 1608 году.

При коронации короля Матьяша II из династии Габсбургов «деревянный помост был декорирован полотнищами красно-бело-зеленых цветов».

В 1611 году королевский указ предписал изготовить «60 шелковых военных знамен с красно-бело-зелеными полотнищами».

Со временем трехцветие стало символом освободительной борьбы. Головные уборы венгерских революционеров всегда украшали красно-бело-зеленые кокарды.

В огне революционных боев цвета венгерского знамени обрели близкий и понятный народу смысл.

Белый цвет стал символом нравственной чистоты и благородства идеалов революции, зеленый — надежды на будущее, красный — крови патриотов.

После освобождения Венгрии Советской Армией от фашистского ига Венгрия была объявлена республикой, а 18 августа 1949 года — народной республикой. Конституция 1949 года утвердила Государственным флагом красно-бело-зеленое знамя. Вначале на нем изображался тогдашний герб республики: на светло-голубом поле, обрамленном пшеничными колосьями, располагались перекрещенные золотые молот и колос. Над ними — красная пятиконечная звезда. В 1957 году герб с полотнища флага удалили. В законе Венгерской Народной Республики от 1957 года говорилось: «Флаг — знак государства, выраженный посредством национальных цветов, и излишне обременять его особым знаком герба».

Символика флага Венгрии в настоящее время чаще истолковывается так: красный цвет — цвет революции, белый — мира, зеленый — процветания.

И. КУРКОВ.

Если ты читал наш журнал в прошлом году, то помнишь, что в сентябрьском номере «Пионера» мы начали разговор об ученье письмом Лены Овечкиной, юнкора пресс-центра «Родник» Феодосийского Дома пионеров. Лена написала: «Ученье — это жизнь». Эти слова понравились многим. Возникли вопросы, на которые мы пытались вместе найти ответы: **Что нужно сделать, чтобы хотелось учиться, чтобы учиться радостно? Как сделать, чтобы никто не пропускал уроки без уважительных причин? Как учить уроки, чтобы всем было интересно? Как помогать отстающим?**

Итак, УЧЕНЬЕ — ЭТО ЖИЗНЬ. С этим трудно не согласиться. Но, соглашаясь, каждый размышляет по-своему и действует тоже.

Для некоторых ребят достаточно понимать, что учиться НАДО. НАДО в наш век научно-технической революции, в наш образованный век быть грамотным и знающим и не отстать от других и от времени. НАДО приносить пользу стране и окружающим людям и стать мастером своего дела, лучшим в своей области знания и умения. И вот сознание того, что все это НАДО, помогает многим ребятам дисциплинировать себя и хорошо учиться.

«Чтобы хотелось учиться, — пишет нам **Наташа Шулянская из г. Одессы,** — *самое главное понять, как важно учиться. Если человек не хочет этого понять, никто не сможет его заставить».* Бесспорность своей позиции Наташа подкрепляет еще словами А. П. Чехова: *«Наука — самое прекрасное и нужное в жизни человека».* И вот Наташа отличница, хотя и утверждает, что учиться трудно. И... *«я бы не сказала, что радостно»,* но НАДО, потому что *«познаешь новый мир».*

Есть такие ребята, и их, хочется верить, большинство, которым учиться НРАВИТСЯ. И они учатся с радостью, с интересом, всякий день открывая для себя что-то новое.

«Я просто не могу понять, — размышляет вслух **Лена Сошникова из села Полоцкое Кизильского района Челябинской области,** — *как это кто-то не любит учиться. Лично я ЛЮБЛЮ учиться, мне учиться очень НРАВИТСЯ. Особенно по математике. Как-то в библиотеке я взяла энциклопедию и стала ее перелистывать, и поняла, что можно узнать столько увлекательного. И я стала читать, а потом на уроках смогла добавлять то, что узнала из энциклопедии, и на уроках мне стало намного интереснее. Мне и общественной работой заниматься НРАВИТСЯ, потому что я ЛЮБЛЮ узнавать новое. И у меня никогда нет минуты поскучать...»*

Бывают и такие случаи, что ребята стремятся не к знаниям, а к хорошим отметкам. Это разные вещи, и путать их опасно. Получать хорошие отметки, чтобы не огорчать родителей, чтобы учителя не сердились, чтобы потешить свое самолюбие — в любом случае, ЕСЛИ НЕ РАДУЕТ ПРОЦЕСС УЧЕНЬЯ и НЕТ ПОНИМАНИЯ ВАЖНОСТИ И УВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ОТКРЫТИЯ МИРА, — напрасная работа. Трата времени впустую. Человек мало приобретает сам и еще меньше сможет дать потом людям.

«Некоторые так и сяк исхитряются, чтобы получить хорошую отметку, — рассказывает **Оля Суйкова из г. Москвы,** — *и зубрят, и подсказку ждут, и списывают. Только радости мало. Как хорошо подумать. Подумать самому. Прикинуть. Посчитать. Проверить. Понять и запомнить. И вот тогда уж получить хорошую отметку. Отметка — это же не самоцель. Отметку с собой в жизнь не понесешь. Знания остаются в памяти человека. На работе списывать не будешь. И жить чужим багажом не будешь. И думать за тебя никто не станет. Какую же отметку поставит тебе жизнь?..»*

КАКУЮ ОТМЕТКУ ПОСТАВИТ ТЕБЕ ЖИЗНЬ, если ты не научишься учиться? Не сумеешь организовывать себя? Не захочешь жить, всякий день делая пусть хоть самое маленькое, но открытие?

Как помочь тем, кто замешкался в пути? Кому пока не хочется учиться? Давайте попробуем разобраться.

Очень любопытно ищет ответ на вопросы **Игорь Ревякин из г. Тамбова.** Он пишет: *«Да, у нас в школе тоже есть такие ученики, которые не хотят учиться. Почему? Они с первого класса упустили знания и теперь думают — все кончено. Что сделать, чтобы хотелось учиться, чтобы радостно? Первое, НУЖНО ПОВЕРИТЬ В СЕБЯ, что ты сможешь. Второе, НЕ БОЯТЬСЯ УЧИТЕЛЯ, довериться ему, и он тебе все объяснит. Третье, ПОДУМАТЬ О СВОЕМ БУДУЩЕМ: в школе же человек не может все узнать, человек должен всю жизнь учиться. Значит, надо научиться учиться. Секрет простой: чтобы учиться радостно, надо учить уроки отлично. И тогда захочется учиться еще лучше».*

Как помогать отстающим? Об этом хорошо говорит **Нина Стасюк из поселка Чныррах Николаевского района Хабаровского края.** *«Я думаю, прежде всего надо понять, в чем причина отставания? Тогда можно помочь. Помогать надо терпеливо, не задаваясь и не показывая превосходства. Строго контролировать, оставаясь добрым товарищем. Бывает и так, что кое-кому стоит*

сказать: «Смотри, Катя или Петя как учится. Разве ты хуже?» Мы ходим в школу не для того, чтобы ответить урок учителю и получить отметку. Мы учимся, чтоб узнавать и открывать, а потом все свое богатство отдать людям. Но для радости, чтобы ХОТЕЛОСЬ учиться, надо постараться сделать все, чтобы ученье шло интересно. А интересно, когда интересно слушать учителя, учеников и самому хочется участвовать. Кто может заинтересовать других, если вызубрит параграф? Нужно больше параграфа прочитать в других книгах и все это тоже рассказать, и своими, не заученными словами. Жизнь — это самый серьезный предмет. И я так скажу: если сейчас запустишь свой характер, то и жизнь будешь познавать по параграфу и жить будет скучно. Надо, ребята, еще сейчас научиться интересоваться всем, научиться радоваться жизни...»

НАУЧИТЬСЯ РАДОВАТЬСЯ ЖИЗНИ, УЧИТЬСЯ РАДОСТНО — кто же не хочет этого?! Но не получается всегда, почему? Почему же?

Таня Зубкова, г. Вольногорск, Днепропетровская обл.: *«В нашей дружине нет настоящей пионерской работы. У многих ребят нет пионерских поручений. И нет друзей. Я считаю, что учиться будет тогда интересно, когда будет в школе интересная жизнь».*

Л. Р. (человек побоялся назвать имя), г. Барнаул: *«Нашей учительнице надо только одно, чтобы мы учились хорошо. А как мы будем хорошо учиться, если у нас всегда плохое настроение?! Класс у нас недружный. В походы нас не пускают. Вечера у нас не было ни разу. И никто никому не друг...»*

Лена Б. (опять струсил человек назваться полным именем), г. Сокол, Вологодская обл.: *«У нас в классе мальчишки всем дают обидные прозвища. Придешь утром в школу с хорошим настроением, а как услышишь про себя что-то неприятное, сразу все настроение испортится. И на уроке уже плохо слушаешь учителей».*

Светлана Иванова, г. Челябинск: *«Мы всю работу сваливаем на «главных» — на председателя отряда и старосту класса. И они, как тяжеловозы, вывозят ее на своих плечах. А отряд превращается в болото, где никто никому не в помощь. Нас одних не оставляют ни на минуту. А так хочется одним без взрослых порассуждать о прочитанной книге, провести КВН, потанцевать. Но это непонятно взрослым. У нас все плохо относятся друг к другу. А слова эти звучат красиво. И должны бы оправдывать свой смысл: друг к другу. Хорошо бы нам всем сдружиться, тогда, может быть, и учились бы все во сто крат лучше».*

Таня Алексеева, поселок Палатка, Магаданская обл.: *«У меня очень бедная речь. В обществе я теряюсь. В споре ничего не могу доказать противнику. Не могу ярко переубедить. И меня не уважают. И это мне мешает отвечать урок. И отбивает желание учиться. Все равно не получится, как у эрудированных девчонок и мальчишек».*

Да, конечно, нельзя не согласиться с этими ребятами: атмосфера дружбы и дружелюбия в классе очень помогает учиться. Как же создать такую атмосферу, чтобы каждому среди других было спокойно и радостно? И хотелось учиться, и весело было жить? Это сложный вопрос. И ответить на него рецептом трудно. Одно можно сказать с уверенностью: для того, чтобы создать в классе атмосферу доброты и тепла, создать условия, чтобы способности всех развивались на пользу ему самому и окружающим, ПОТРУДИТЬСЯ ДОЛЖЕН КАЖДЫЙ. Каждый должен ЧТО-ТО ОТДАТЬ, ЧТОБЫ ВЗАМЕН ПОЛУЧИТЬ РАДОСТЬ ОБЩЕНИЯ С ДРУЗЬЯМИ.

Вот прочтите письмо **Татьяны Павловой из г. Барабинска Новосибирской обл.:** *«Наш городок невелик. В нем нет музеев, театров, консерваторий. Правда, при Доме культуры есть кружки — хоровой, танцевальный, драматический. Но разве это может помешать образованию? Однажды мы взяли и сами написали сценарий по сказке «Золушка». И стали ее ставить. И шить костюмы. Мальчишки отказались играть. Что ж, мы сами сыграли мужские роли. Мне досталась роль принца, потому что я высокого роста. Спектакль удался на славу. Малыши бегали за нами. На нас с Леной Ходаренко показывали пальцем и говорили: «Смотрите, Принц и Золушка!» Когда мы начали репетировать «Василису Прекрасную», мужские роли девочкам уже не пришлось играть. И в классе стало дружнее. И учиться стали лучше. Так что и в маленьком городе можно интересно жить, открывая для себя мир. Все зависит от нас самих».*

Этот разговор, ребята, конечно, не мог разрешить все вопросы и дать на них ответы-рецепты. Давайте будем относиться к нашему разговору, как к попытке обдумать свою школьную жизнь. Понять: зачем и для чего мы учимся? Как сделать ученье радостным и желанным? Мы можем продолжить обмен мнениями, если кто-то из вас захочет высказать свою точку зрения и поделиться своим опытом: КАК СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ УЧИТЬСЯ ХОТЕЛОСЬ?

Мы будем признательны тем ребятам, которые сумеют ответить на самые трудные, но очень важные для всех нас вопросы:

КАКИЕ ОТКРЫТИЯ УДАЛОСЬ ВАМ СОВЕРШИТЬ В ПРОЦЕССЕ УЧЕНЬЯ? КАК УЧИТЬ УРОКИ, ЧТОБЫ В КЛАССЕ ВСЕМ БЫЛО ИНТЕРЕСНО?

Паролем на наши страницы для продолжения этого разговора будут по-прежнему слова из письма Лены Овечкиной: «УЧЕНЬЕ — ЭТО ЖИЗНЬ».

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Анатолий **МАРКУША**

БОЛЬШИЕ НЕПРИЯТНОСТИ

РОМАН

Продолжение. Начало в № 1.

Рисунки В. МОЧАЛОВА.

С тех пор, как подросли мои дети, я постоянно слышу от них и от их приятелей: «Расскажи, расскажите про войну!» И всегда эта просьба приводит меня в замешательство. Почему? Казалось бы, что уж такого трудного. Но мне не хочется разочаровывать ребят: они ждут повествования возвышенного, историй красивых, захватывающих, непременно с подвигами!

А мне все еще видятся разбитые войной дороги, изрытая мертвая земля, неуют фронтового бытия и тяжкий, бессменный труд... Ребят занимает, какой род войск был на войне «главным»? И кто сделал для победы «больше всех»? Но я-то точно знаю: это пустая затея — определять, кому было труднее — пехотинцам, артиллеристам, танковым или авиационным экипажам, саперам или подводникам...

Всем было немыслимо, невозможно тяжко.

Отчетливо помню: мечтал — вот кончится война, и ничего-ничего не надо, только бы выспаться! Упасть, заснуть и не вставать — день, три, неделю, сколько бока выдержат... И вторая мечта — вымыться в настоящей бане, чтобы горячей воды вдоволь, чтобы мыло — туалетное, пахучее, а под конец — душ...

А ребята хотят услышать про свою войну, то есть про такую, какой она представляется им. Чтобы разведчики хватали «языков» пачками, чтобы воздушные тараны хотя бы раз в день совершались и эшелоны противника подрывались на каждом втором мосту...

Увы, я не могу рассказывать моим дорогим мальчишкам о такой войне. Такой не видел!

Не праздничным делом, горькой необходимостью была война, и вовсе не напоминала она торжественный марш за славой и орденами.

Как бы объяснить: могилы Неизвестных солдат — не безобидные вечные факелы, как представ-

ляется многим и многим молодым (не в упрек им будь сказано), а горькие, обжигающие знаки живой памяти... Ведь у каждого Неизвестного обязательно и всенепременно было имя и была мама...

И все-таки теперь я буду рассказывать о войне. О моей войне. Нет, не ради занимательности повествования, а единственно из соображения истины. Хотя фрагменты из жизни — не полная жизнь, но, подобно каплям, повторяющим состав океана, они непременно должны отражать целое.

Война многое отняла у моего поколения — не перечислить убитых, калек, а сколько неосуществленных замыслов, сколько непройденных дорог... Но война и очень многое дала нам! Я имею в виду не только тридцатилетних генералов, отважно принявших ответственность за жизнь тысяч подчиненных, за будущее страны. Это — само собой! Стоит припомнить, как снизился, почти исчез процент маменькиных сынков в те годы, каким бешеным темпом мужало поколение!

Война взяла, и война дала...

Об этом я стану рассказывать, стараясь показать, как это получалось.

На кургане под Харьковом я видел полувысохший череп, вытесненный землей. Темно-коричневый череп всматривался пустыми глазницами в весеннее небо, поблескивая при этом стальными коронками на крупных зубах, и, как ни странно, над ним шевелились едва раздуваемые легким ветерком истонченные белые волосы. Тот череп остался в моей памяти символом минувшей войны.

Но видел я и кое-что пострашнее.

Под Харьковом, на аэродроме Рогань, меж оставленных врагом капониров — земляных самолетных укрытий — желтели здоровенные яркие игрушки-бабочки, у них были чуть приоткрытые, в пестрых разводах крылышки и выразительно нарисованные глазищи.

Для чего? По какой ошибке оказались эти бабочки на только что освобожденной земле?

Увы, никакой ошибки не произошло. Все было точно рассчитано. Ребенок, привлеченный яркой краской, поднимает игрушку с земли. Разглядывает, удивляется и, естественно, пробует раскрыть, развести крылышки. Минимальное усилие — срабатывает взрыватель. Человек исчезает — если он ребенок, остается калекой — если он взрослый, как мой друг Саша Косматых, летчик и кавалер семи боевых орденов...

Вот почему я должен и буду писать о войне.

* * *

Когда-то, в классе седьмом, Симка придумал нам сочинение: «Как ты понимаешь, что такое ответственность?»

Без особой натуги я накатал три или четыре страницы примерно таких разглагольствований: «Ответственность — это способность человека принимать на свои плечи и быть готовым нести груз чужих забот; обеспечивать безопасность, например, в условиях шторма или пожара; проявлять внимание к тем, кто нуждается в помощи...» И получил четверку. А внизу была ремарка Симона Львовича: «Но мало примеров!»

Согласен, примеров было действительно мало.

А откуда они могли взяться — примеры?

Что я знал об ответственности за дело, которому служишь, за слова, которые произносишь, за чувства, что вызываешь, за поступки совершаемые и за тайные мысли — тоже?

А отвечать приходится решительно за все: за ряд, состоящий из $n+1$ членов!

Вероятно, сегодня я бы написал лучше и без рассуждений — на одних только чистых примерах.

Мы летели на запад. Летели на новеньких, только что с завода, машинах. Как пахли эти свежеиспеченные «еропланы», не объяснить! Один трепетный, не выветрившийся еще дух эмалита чего стоил...

Вел группу командир полка, все складывалось нормально, только видимость была препаршивая: хотя в небе ни облачка, а впереди ничего не разглядеть — синевато-коричневая пелена стенкой... Такое бывает, особенно в жару. До аэродрома посадки было еще порядочно. И тут, километров за сто от цели, Носов неожиданно передал: «Группу вести Абазе. Сажусь на запасном».

Носов отвалил от строя и пошел на снижение.

Заняв место ведущего, я сверился с картой, поглядел на часы и сразу ощутил беспокойство — за спиной у меня летело восемь душ. Ни в какую телепатию не верю, мысли на расстоянии читать не умею, но то было физическое ощущение: они летят за мной, они смотрят вперед моими глазами.

Аэродром назначения открылся в расчетное время, но командный пункт приказал нам с посадкой не спешить: что-то на полосе у них было неладно...

Я велел ведомым доложить остаток горючего. Ребята доложили. Горючего было мало. У всех. Я велел затяжелить винты, уменьшить скорость, следить за красной лампочкой. Она загорается, когда горючего остается на десять минут. Предупредил командный пункт: горючего — в обрез. Мне ответили грубо и бесцеремонно: не паникуйте! Ждите на кругу.

И тут я услышал Сережу Ткаченко.

— Я «девятый», красная лампочка загорелась

Взглянул на посадочную полосу. Насколько удалось рассмотреть, никаких препятствий там не было. Чувствуя, как на лбу выступает испарина, стараясь быть совершенно спокойным, передал Ткаченко и командному пункту одновременно:

— «Девятый», снижение и посадка. Шасси выпускать на четвертом развороте. Внимательно... Командный, обеспечьте безопасность «девятому»...

И сразу услышал Остапенку:

— Я «двадцать шестой». Лампочка горит.

— «Двадцать шестой», следуй за «девятым»... Командный, на заходе два экипажа...

Они шли друг за другом, они тянулись на последнем. И я вздыхал с облегчением, когда слышал:

— «Девятый» — посадка.

— «Двадцать шестой» — посадка.

— «Ноль пятый» — посадка...

В воздухе оставались Жорка Катония и я. Мы были в районе третьего разворота, когда на приборной доске у меня замигал красный глаз. Я спросил Жору:

— Как горючее?

— Что-то еще есть, лампочка не горит.

— Понял,— сказал я.— Заходим парой. Бери превышение, с колесами не спеши.

Мы выполнили четвертый разворот, я начал выпускать шасси, обернулся взглянуть на Жору. Его машина висела на месте, колеса вышли из куполов. Я скомандовал:

— Щиточки, Жора! — и перенес взгляд на посадочную полосу.

Сел. Плавно притормозил. Обернулся. Катонии на полосе не было.

Еще ничего не зная, но уже тревожась, я развернул самолет, однако рулить не смог — винт встал, горючее кончилось.

Вдоль полосы бежали люди. На подходе к аэродрому тек канал, там был шлюз. Люди бежали к шлюзу.

Потом выяснилось: перед самым каналом двигатель дал перебой, видно, горючее отлило, машинально Жора поддернул самолет и, потеряв скорость, рухнул в шлюз.

Пока он расстегивал парашют, пока открывал кабину и пытался выбраться из ловушки, кончился воздух в легких. Жора захлебнулся.

Ведущим был я.

А вся полнота ответственности за группу лежит на ведущем.

Работала специальная комиссия. Я писал объяснительные записки. Отвечал на десятки, если не сотни вопросов. Не спал ночами. Ждал заключения. Наконец, мне дали подписать пространный акт, из которого я узнал, что первопричиной катастрофы был «отказ сигнальной лампочки аварийного остатка горючего, лишивший летчика возможности правильно определить запас горючего и сообразовать с этим свои действия». В акте отмечалось скверное руководство посадкой со стороны наземного командного пункта, за что на руководителя полетов наложили взыскание. Мое имя в документе не упоминалось. Официально действия ведущего под сомнения не брались.

С тех пор прошла, можно сказать, целая жизнь, а мне все снится порой спущенный шлюз и на дне обросшего какой-то гнусной зеленью колодца странно прикорнувший «Лавочкин» с загнутыми лопастями винта, и тело Жоры, уложенное на раскрытом парашютном куполе, и мертвые его глаза, полные недоумения и боли.

* * *

Мы переживали время Испании.

Далекая, малознакомая страна вдруг сделалась близкой и родственной. И всякий день начинался газетной сводкой военных действий. Бильбао, Толедо, Гвадалквивир звучали, словно с детства знакомые Минск, Тула, Ока...

В школе у нас проводился день Испании. Каждый класс придумывал, какой вклад он может внести в победу республиканцев, и принимал обязательства.

Мы решили собрать от рубля до трех с каждого — учитывались разные материальные возможности ребят — и накупить на сложенные в общую кучу рубли погремушек, сосок, мячиков, словом, всего-всего для самых маленьких испанчиков.

Своих домашних малышей, собственных сестренок и братишек, мы не очень жаловали, а тех, обожженных несправедливой войной, пожалели.

Говорят: чужая боль — не своя боль... Как сказать. Во всяком случае, Испания стала нашей болью.

Ко дню Испании наличность моя составляла рубль двадцать копеек; все вроде нормально — во всяком случае, внести свою долю, свой рубль, я мог. Но... только один!

Стоило возвратиться из школы и перешагнуть порог отчего дома, как я услышал: — По карманам лазишь?

А если Фортунатов или Наташка приволокут по трешнику? Если Сашка Бесюгин, с него станет, грохнет на стол десятку?

Словом, дело ясное,— оказаться последним, на самом нижнем пределе взноса... ну, знаете, на это Колька Абаза был не согласен! Никаких преступных замыслов, вроде ограбления табачного киоска или нападения на ночного прохожего, у меня не было. Собирался попросить денег у матери, и был уверен — мама не откажет, не пожалеет. Но родители ушли в гости, а когда вернулись, я крепко спал и не услышал...

Можно было по дороге в школу обратить в некоторый капитал пустую посуду, но и тут не повезло: закуток между дверьми оказался пуст, ни бутылочки, только пыльная мышеловка.

Подошло время выходить из дому, а родители еще спали. И тогда я принял решение пошарить в карманах отцовского плаща, что висел на нескладной трехногой вешалке в коридоре. Пошарил и наскреб девяносто шесть копеек. Как-никак, а до двух рублей дотянул.

Могу принести любую клятву: утаивать я ничего не собирался. Да и скрывать было нечего: не на папиросы я те копейки выудил.

Но я ничего не успел объяснить.

Стоило возвратиться из школы и перешагнуть порог отчего дома, как я услышал:

— По карманам лазишь? «Ручным» трудом занимаешься? Этого не хватало — воровства в доме! — Отец был вне себя и не мог затормозить.

Надо сказать, отец в молодости находился в услужении, прошел строгую выучку и навсегда усвоил — нет греха большего, чем воровство. Мелкая, крупная ли кража, вовсе не кража, а так — необдуманное присвоение чужой собственности — для него таких градаций не существовало: взято без спроса — украдено. И точка.

— Лазал в карман?

— Девяносто шесть копеек взял для...— Но тут отец влепил мне такую затрещину, что я едва удержался на ногах.

— Карманник, мерзавец,— задохнулся презрением ко мне отец, махнул рукой и отступил.

С тех пор я постоянно думаю о справедливости и о правде. Задаю себе задачи и пытаюсь решить. Вот, к примеру.

Ты — врач. К тебе обратился не очень близкий, но и не вполне посторонний человек. Он потому и пришел, что верит: ему ты непременно скажешь правду! Ты проводишь обследование, консультируешься с лучшими специалистами и приходишь к самому плачевному заключению. Увы, так бывает и даже нередко. Говорить ли правду больному?

Что будет высшей справедливостью — истина, полуправда или откровенная ложь?

Меня воспитывали на прописных истинах: врать плохо, скрывать правду безнравственно. Но всегда ли это бывает так? И только ли так?

Когда-то в школе приводился такой «жизненный примерчик»: Ваня разбил окно, учительница спрашивает: «Дети, кто это сделал?» И хорошие, честные дети должны все, как один, показать пальчиками на Ваню...

Надеюсь, теперь таких примеров не приводят. Верю, жизнь научила людей — лучше пусть окажутся перебитыми все стекла, лишь бы из ребят не вырастали ябедники и предатели...

Но самая трудная правда — правда о себе.

Ты совершил ошибку. Как не хочется говорить: я не прав! И мало найдется на свете людей, которые бы не пытались выкручиваться, уходить хитрым маневром из-под удара, лишь бы не произносить: виноват, ошибся.

И я выкручивался и врал, кончалось по-разному: иногда — благополучно, иногда — оказывался на гауптвахте, а то и хуже.

Вылетать в этот день мне не следовало: с утра разламывалась голова и подташнивало. Знал: начинается приступ малярии. Но я ничего не сказал врачу: обойдется... И еще пришло в голову: как бы ребята не подумали, что Абаза отлынивает от боевого дежурства. Тем более полоса на фронте установилась сравнительно тихая и дежурства чаще всего сводились к двухчасовому сидению в кабине. Подремлешь или почитаешь, кому что больше нравилось...

Однако на этот раз нас подняли на перехват. И перехват состоялся.

Я делал что положено, только получалось все как-то замедленно, с торможением. Жора — мой ведомый — держался молодцом. (Я возвращаюсь сейчас к тому времени, когда Катония был жив. В этих воспоминаниях важна не хронология — важно понять жизнь.) Чужого разведчика мы хоть не сбили, но от железнодорожного узла и причала, где накапливалась техника, отогнали.

Потом Жора отстал. Я запросил, где он, и услышал:

— Двигатель перегрелся, обороты уменьшил... тебя вижу...

Раньше, чем я успел принять решение, увидел — справа над кабиной прошла трасса. Едва повернув голову, в черепушке все гудело и будто наливалось водой, понял: меня перехватил «сто девятый»... Подумал лениво: «Кранты». И тут с правой плоскости полетели черные ошметки. В зеркале заднего обзора увидел: «сто девятый» приближается. «Все»,— решил я.

Но жить все-таки хотелось. С отчаяния убрал газ, сунул до упора ногу, надеясь скольжением обмануть противника. Он вот... рядом и должен был переиграть меня...

Чтобы выжить, надо было удивить, учудить... Как учил Суворов: удивил — победил...

Я перевел кран уборки шасси на выпуск. Подумал: створки сорвет... ну и черт с ними...

Створки между тем вроде не сорвало. Машина только вздрогнула, закачалась. И тогда я еще и посадочные щитки выпустил. Мой «Лавочкин» безропотно вытерпел и такое невиданное издевательство. Потеряв скорость, самолет обиженно захлопал предкрылками, предупреждая: смотри, я и в штопор могу махнуть...

Но дело было уже сделано, «сто девятый» благополучно проскочил и оказался у меня под носом. Я дал очередь и, кажется, попал.

Добил фашиста догнавший меня Жора, добил в тот момент, когда я едва не потерял сознание: перед глазами все поплыло, завертелось... Но я все-таки расслышал злой и испуганный Жоркин голос:

— Убери левый крен, командир! Обороты прибавь. Не ковылять!

Жора буквально привел, дотащил меня домой и усадил.

Один великий остряк сказал: правда — большая редкость, ее надо экономить. Сказано лихо. Только слова что звуки! Гармоничные колебания воздуха... Звуки исчезают, а жизнь идет дальше, настоятельно требуя правды и справедливости.

* * *

Когда у нас с Наташей в очередной раз произошел крупный конфликт и я поклялся больше никогда не замечать эту воображалу, на меня, что называется, «положила глаз» Галя. Плотная, рослая, лупоглазая, аккуратистка: все тетрадки в обертках, промокашки на ленточках, туфельки сияют, голова волосок к волоску причесана — это и была Галя. Вообще-то она мне нисколько не нравилась, но не мог же быть «оставленным» Абаза, и я легко откликнулся на Галино предложение заняться фотографией.

Тогда фотография была повальным увлечением среди ребят. Скорей всего потому, что наши заводы только-только начали выпуск дешевых фотографических аппаратов. Снимать мне не показалось особенно интересным, а заниматься в домашней лаборатории Галиного отца — да! Покоряла магия красного фонаря, будоражили запахи химических реактивов и процесс проявления, когда из ничего возникало что-то.

У Гали был занятный отец — толстый, краснолицый, веселый. Он шутил всегда, по любому поводу и... без повода.

А я жалел Семена Ильича: мне казалось, что своим заразительным оптимизмом он старается обмануть и себя, и окружающих, спрятать или боль, или обиду, а может быть, страх...

Помню, мы показывали Галиному отцу наши первые фотографии. Он аккуратно брал каждую карточку, поворачивал к свету и комментировал:

— Похоже на дело... Передержка... Передержка... Резкость хорошо, а диафрагмочка маловата... Передержка, передержка... Слушайте, ребята, попробуйте печатать на дневной бумаге.— Тут он как-то подозрительно шмыгнул носом и объяснил: — Накрываете форматку негативом, выставляете на солнышко... Минуты три в вашем распоряжении... Так что бегом в лабораторию...

— А в лабораторию для чего? — спросила Галя, видно, что-то понимавшая в дневной бумаге.

— Как для чего? Целоваться! Откуда у вас столько передержек иначе?

Семен Ильич подал блестящую идею. Хоть и минуло уже очень много времени, но всякий поцелуй и сегодня еще несет для меня едва уловимый привкус фотографических химикалиев.

Вскоре, однако, привязанность к фотографии пошла на убыль. А с годами обернулась резкой неприязнью. Особенно к фотографиям старым.

В крошечном, только что отбитом у врага местечке мы искали пристанища и хотя бы относительного тепла. Все здания были изувечены если не артиллерийским, то обыкновенным огнем, всюду в небо смотрели голые, обожженные трубы, кругом отвратительно пахло кладбищенским тленом. Деваться было решительно некуда.

Наконец мы решили вторгнуться в странно покосившуюся, едва прикрытую подобием крыши половину дома.

Зашли. Ничего не взорвалось — мы всегда опасались заминированных помещений,— ничего не провалилось. Внутри сохранилось даже что-то от былой жизни. Разграбленный шкаф, поломанные стулья, зеленый ковер, на две трети засыпанный штукатуркой и кирпичами. Но все это лишь скользнуло по сознанию, а навсегда поразило другое: фотографии неведомых людей — старая женщина в платке, немолодой грузный мужчина, девочка и еще девочка... У всех портретов были аккуратно прострелены глаза.

Не знаю, с какой дистанции метился «снайпер», но, даже если шагов с пяти, стрелял он, сукин сын, все равно здорово.

Мы ночевали в тех развалинах. Несколько раз я просыпался. И помимо воли тянулся взглядом к расстрелянным лицам. Тяжелая волна тоски и обиды ударяла в голову.

Утром я предложил моему товарищу похоронить фотографии. Он как-то странно поглядел на меня.

— Сдурел? Бумагу хоронить... Да где это видано?

И мы ушли. А память осталась.

С тех пор и не люблю старых снимков. Только куда от них денешься?! Взялся недавно разбирать свой стол и — пожалуйста, фотография! Я. Молодой, глазастый. На щенка похож. Гимнастерка туго перетянута офицерским ремнем, бриджи, что Каспийское море! Голенища сапог подрезаны. Пилотка на правом ухе. Ну-у, карикатура, пародия, анекдот, а в те годы казалось — в самый раз. Мода такая была!

Между прочим, летчикам-инструкторам, находившимся на казарменном положении, разрешалось носить только короткую прическу. Обычно мы стриглись боксом — затылок до макушки под машинку, а надо лбом — чубчик.

У меня были рыжие, довольно густые кудри, закручивавшиеся кольцами. И определить истинную длину чубчика представлялось затруднительным. Старшина Егоров утверждал, что чуб мой превышает четыре дозволенных сантиметра, а я настаивал: если кудри не растягивать, то прическа в норме и возвышается над черепом не более чем на три сантиметра. Спорили постоянно. Наверное, излишне яростно. В конце концов старшина Егоров взвился и, как говорит одна моя приятельница из пилотесс, встал на рога! Встал и рявкнул:

— Сегодня к шестнадцати ноль-ноль подстричься и доложить. Вам ясно, сержант Абаза?

Приказание старшины я повторил, все было ясно, только стричься не пошел. Дальше фронта не загонят, резонно рассудил я. И вообще, кто такой Егоров и кто Абаза? Как-никак я был летчиком-инструктором. А в авиации с незапамятных времен повелось: инструктор — бог! Пусть он рядовой, пусть разжалованный офицер или, напротив, генерал, все едино: прежде инструктор — потом остальное... Так что посмотрим, кто кого!

Но в армии не может быть невыполненных приказаний, такое противно самой идее вооруженных сил. Невыполнение приказа — деяние преступное, преследуемое судебно.

Нет сомнения, в законах старшина Егоров разбирался не хуже моего. И еще он знал: любая попытка не выполнить приказ — чрезвычайное происшествие, притом из тяжелейших.

Вероятно, отправляясь к комэску, старшина твердо рассчитывал, что будет не только поддержан, но и поощрен. Но Шалевич то ли был занят, то ли думал о другом, к рапорту Егорова отнесся без внимания и, я думаю, сказал примерно так:

— Это не разговор: «А сержант не выполняет!» На то вы и старшина, чтобы заставить.

Верно, в уставе сказано: в случае прямого неповиновения начальник имеет право применить силу, вплоть до оружия... Но попробуй примени — не расхлебаешься. А сохранить старшинский авторитет надо...

Вечером была баня. Любимый в армии день. Кроме всего прочего, есть в банном ритуале великолепная раскованность. Голые, лишенные погон, а с ними и званий, люди чувствуют себя свободно и непринужденно. Кто служил, знает. И это надо еще поискать подхалима, который выговорит в банном

Вдоль полосы бежали люди. На подходе к аэродрому тек канал, там был шлюз. Люди бежали к шлюзу...

пару: «А позвольте, товарищ капитан, спинку вам потереть?!»

Короче, была баня, и я склонился над шайкой, собираясь намыливать голову, когда почувствовал: кто-то схватил меня за волосы и ткнул в голову чем-то жестким и острым. Долго не раздумывая, повинуясь лишь защитному инстинкту, я развернулся и врезал налетевшему обидчику шайкой. Разлепив веки, обнаружил: в мыльной воде, стекавшей по кафельному полу, лежало бездыханное тело старшины Егорова. А рядом валялась машинка для стрижки волос.

«Запевай веселей, запевала, эту песенку юных бойцов...»

Да-а, неприятность вышла громадная.

И Егоров писал в рапорте: «Нанес мне физическое оскорбление по голове, когда я, добиваясь от сержанта Абазы безусловного выполнения приказания, начал укорачивать его прическу, превышавшую установленную норму над черепом...»

По всем соображениям эта неприятность должна была обойтись мне дорого. Но Шалевич своею властью дал мне всего пять суток ареста и закрыл дело. А вскоре мы с комэском улетели на фронт.

Может, я напрасно не люблю фотографий? Ничего этого скорее всего бы не вспомнить, не попадись на глаза старый залихватский снимок сержанта Абазы, летчика-инструктора образца 1941 года...

Большие неприятности, маленькие... А как их мерить, чем? Иногда приходит в голову: большие неприятности — те, что долго помнятся, что долго портят жизнь. А мера понесенного наказания вовсе не обязательно соответствует истинной величине неприятности.

Человека наказывают люди. И у каждого свое представление о справедливости, своя совесть.

Что сделала жизнь со старшиной Егоровым? Не знаю.

Что сделал он со своей жизнью? Не хочу гадать.

Наше последнее общение получилось довольно странным.

Я лежал на койке. В гимнастерке и в сапогах. Нарушение, конечно. Только мне было все равно: утром разбился Аксенов. Мой курсант. Разбился на сорок втором самостоятельном полете. Почему?

Вошел Егоров, спросил:

— Что вы делаете, Абаза? — и замер надо мной.

— «Погружался я в море клевера, окруженный сказками пчел, но ветер, зовущий с севера, мое детское сердце нашел...»

— Абаза! — В голосе старшины Егорова что-то изменилось.

— «Призывал я на битву равнинную — побороться с дыханьем небес. Показал мне дорогу пустынную, уходящую в темный лес...»

— Абаза! Послушай... ты чего это, Абаза? — встревожился Егоров.

— «Я иду по ней косогорами и смотрю неустанно вперед...»

Егоров попятился. Я поднялся с койки.

— «Впереди с невинными взорами мое детское сердце идет...» — читал я в отчаянии Блока.

Играя скулами, Егоров медленно отступал к двери. А я смотрел ему в лицо и продолжал:

— «Пусть глаза утомятся бессонные, запоет, заалеет пыль... Мне цветы и пчелы влюбленные рассказали не сказку — быль».

Больше мы никогда не виделись.

* * *

По городу бродили китайцы — чаще в одиночку, реже парами: показывали фокусы, жонглировали во дворах. У них были непроницаемые, будто изваянные лица. Представления шли без единого слова. Когда зевак собиралось много и они невольно начинали теснить артистов, хрупкий, нездешний человек — фокусник или жонглер — брал в руки веревку с ярким деревянным шариком на конце и так ловко раскручивал шарик, что он свистел под самым носом у зрителя, и все пятились, и круг делался шире...

Это — воспоминание очень далекого детства.

Мне нравились молчаливые китайцы, их незатейливый репертуар, как и те яркие игрушки из гофрированной бумаги — диковинные веера, шары, рыбы, драконы, — которыми китайцы приторговывали по ходу дела.

Но больше всего, можно сказать, на всю жизнь, поразил меня такой номер: между кольями, зарытыми в землю, протягивали веревку, и, легко балансируя двумя яркими веерами, артист ходил по этой веревке, присаживался, ложился... Было что-то колдовское в непринужденности, с какой человек держался на ничтожной опоре. Может быть, этот номер особенно мне нравился потому, что сам я отличался исключительной косолапостью — постоянно спотыкался, падал, все на свете ронял...

В нашем дворе был газон, огороженный проволокой, натянутой на железных штырях. Загородочка чисто символическая, высотой в каких-нибудь двадцать пять — тридцать сантиметров. И я надумал: а не освоить ли мне искусство баланса сначала на этой невинной проволоке?

Кто-то разъяснил мне назначение вееров. И, вооружившись двумя старыми вениками, я начал упражнения. Поначалу, едва вскочив на проволоку, я вынужден был тут же соскакивать, но постепенно мне удавалось удерживаться и сколько-то стоять. Потом я сделал важное открытие — двигаться по проволоке легче, чем не двигаться. В конце концов, хоть и с грехом пополам, я выучился передвигаться от штыря к штырю и даже, повернувшись, следовать обратно.

Упражнения прервала зима.

Весной я обнаружил — это было второе важное открытие, — что смотреть надо не под ноги, а в дальний конец проволоки, и тогда ощущение равновесия делается и острее, а вместе с тем, как бы это лучше сказать, спокойнее, что ли.

К концу второго лета я заметно преуспел в своих стараниях. Во всяком случае, ходил, и подпрыгивал, и поворачивался на проволоке почти без осечек. Верно, до сидения, а тем более до лежания над землей не дошел...

К нам прилетела бригада цирковых артистов. Это был великий праздник! В будни войны ворвалась вдруг веселая, дурашливая, бездумная струя из такого далекого детства. Пожалуй, никаких других артистов, а прилетали к нам и певцы, и танцоры, и декламаторы, не принимали так сердечно, так радостно, как цирковых!

В программе был и такой номер — девушка плясала на туго натянутой проволоке, лихо носилась между двух довольно высоких опор, а в заключение крутила заднее сальто.

Наверное, справедливости ради мне не следует называть ту артистку красавицей и слишком превозносить ее мастерство, но...

Выступление я смотрел из кабины дежурного истребителя, затянутый в подвесные ремни парашюта, пристегнутый к сиденью страховочным по-

ясом, со шлемофоном на голове... Исполнительница этого номера казалась феей, королевой красоты... Потом, уже в сумерках, мы принимали артистов в летной столовой. Из кожи лезли вон, чтобы накормить и напоить их по-царски. И я не отходил от королевы.

А когда кончился ужин и все вывалили на свежий воздух, как-то сама собой возникла музыка. Закрутились танцы. Признаться, я никогда не любил да толком и не умел танцевать, так что постарался увести королеву подальше от танцующих. Это мне удалось.

Совершенно не помню, о чем мы говорили, даже не уверен — был ли какой-нибудь разговор. Зато помню отчетливо: капонир, маскировочная сеть, натянутая десятимиллиметровым стальным тросом. И я, схватив два шлемофона — по одному в каждую руку,— подымаюсь на откос, чтобы пройти по этому тросу на глазах королевы.

Иду. Покрываюсь липкой испариной. Преодолеваю гнусную дрожь в коленках. Иду. Мне кажется, длина троса не пятнадцать метров, как было на самом деле, а все триста. Однако я иду!

Иду, рассчитываю: еще три шага... можно бегом. Пробегаю, прыгаю, подворачиваю ногу. Грохаюсь оземь. И попадаю в госпиталь с переломом ключицы...

Перелом ключицы — штука сама по себе достаточно неприятная, но если прибавить следствие (не было ли преднамеренного членовредительства — акции, в военное время строго наказуемой?), бесконечные расспросы доброжелателей (как это тебя угораздило?), долгое нелетное состояние, мучительные раздумья и одиночество, то придется признать — так я сам себе устроил одну из крупнейших неприятностей в жизни.

Но и это не все. С недавних пор замечаю: мой внук Алешка увлекается жонглированием, упражнениями на равновесие и вообще всякими цирковыми номерами... Меня раздирают противоречия: помогать ему или препятствовать?

Конечно, я хочу, чтобы он рос смелым и ловким — это понятно. Но, с другой стороны, упражнения на проволоке, даже самой невысокой, таят в себе какой-то процент неустранимого риска... И что толку от моего любимого утверждения: без риска нет воспитания? Это слова (пусть тысячу раз правильные), а все равно душа в тревоге...

* * *

Не знаю, следует ли после Коллинза, Бриджмэна, Галлая и Эвереста рассказывать о существе летно-испытательной работы.

Но об одном эпизоде умолчать не в силах.

Вскоре после того, как я закончил спецподготовку и приступил к исполнению своих обязанностей на новом уровне, меня позвал Лебедев.

Два слова об этом человеке. Умен, красив, осмотрителен, смел и азартен был он сверх всякой меры! Человек-легенда!

Позвал Лебедев и говорит:

— Ухожу в отпуск, программу заканчивать будешь ты. В чем, собственно, вся хитрость состоит? Тебе надо ничего не делать.

И он нарисовал мне картину полета, сложность которого я не оценил. По заданию следовало набрать четыреста метров, сделать обычный круг над аэродромом, выйти на посадочную прямую, снизиться до восьмидесяти метров и над ближним радиоприводом включить автоматику... До высоты шесть — восемь метров полагалось убедиться, что самолет надежно управляется без участия летчика, и тогда, сняв руки со штурвала, а ноги — с педалей, наблюдать...

Опущу техническую сторону дела: игра электронных импульсов, посылаемых на землю и возвращаемых землей, сложное преобразование радиосигналов в усилия гидравлической системы — предмет увлекательный, но плохо поддающийся популяризации.

А финал, как я мог себе представить, должен был выглядеть так: самолет без моего вмешательства приземляется, теряет скорость на пробеге, останавливается. Сам! После этого я заруливаю на стоянку и, дав осмотреть машину инженерам, повторяю взлет.

Лебедев, вводя меня в курс дела, сказал:

— Технически все более или менее ясно. С точки зрения психологии похуже. Действовать всегда легче, чем бездействовать. Понимаешь? И как привыкнуть? Надо, очевидно, поверить в эту холеру... Я старался и почти поверил, а природа, привычки, старый мой опыт — все бунтует: против!

— И решили отдохнуть в отпуске? — спросил я.

Лебедев ничего не ответил, хотя на его открытом, красивом, честном лице было ясно написано: «Ну и нахал ты, Абаза!»

Я сделал важное открытие — двигаться по проволоке легче, чем не двигаться.

На высоте восемьдесят метров, как только зазвенел звонок ближнего привода, я проверил скорость и перекинул красный тумблер вверх, выждал пять секунд и снял ноги с педалей. Педали заходили мелко и четко. Самолет надежно сохранял направление. Я отпустил штурвал. И штурвал задергался неживыми, пожалуй, слишком даже выверенными рывками.

Покачиваясь с крыла на крыло, машина, правда, самую малость, начала неприятно опускать нос. Бетон приближался, наплывал в лицо. Видны были черные следы стертой при торможении резины, различались отдельные масляные пятна, швы между плитами...

«А если эта холера приложит меня с последнего метра?» — подумал я вдруг. И, когда увидел, как пошел назад рычаг управления двигателями, мне показалось, быстро пошел, перехватил управление, выключил автоматику и ушел на второй круг. Справедливости ради надо признать: я едва сам не приложился с последнего метра: это опасная акробатика — воевать за штурвал у самой земли.

Четыре захода я сделал в тот день и... ни одной автоматической посадки.

Меня никто не торопил, не понукал. Давали время освоиться, привыкнуть, преодолеть себя.

На другой день, не стану объяснять как, я приземлился с первого захода на автомате. Зарулил на стоянку. Выключил двигатели и пошел к начлету. Отказываться.

Настроение было, как бы сказать... моросящий дождь с туманом.

А в просторной, светлой комнате начлета, бывшего планериста и рекордсмена, с потолком, расписанным кучевыми облаками и парящими планерами изумительной красоты, я обнаружил... Лебедева.

— Вы же в отпуске? — позабыв поздороваться, сказал я.

— Задержался на день: хотел посмотреть, как у тебя получится.

— Я пришел отказываться.

— А почему?

— Я не Гастелло.

Лебедев проворно поднялся со своего места, обошел начлетский стол, взял меня под руку и повел к двери. Уже около ангара он сказал:

— Как хорошо, что там никого не оказалось. Посторонним не следовало бы это слышать. Пошли на машину и слетаем вместе. Надо... перешагнуть, непременно надо. И никаких возражений.

Мы сделали тогда три посадки. На автомате, разумеется. Ничего более отвратительного я не испытывал.

Мы с Лебедевым перешли на «ты».

Его фотография — на моем столе. Обыкновенная, без черной рамки. Он смеется и говорит мне иногда весьма откровенные и отнюдь не комплиментарные вещи.

* * *

До чего же крепко вцепились в память — я и сейчас их вижу — эти корявые строчки: «График — изображение линиями свойств действий, явлений во всех случаях, когда таковые могут быть определены числами».

Со школы каждое слово помню. Все-все буквы, кажется, вижу. И это подтверждает: что такое график — я знал давно и твердо, но... знать — одно, а представлять, чувствовать — совсем другое.

Мне тысячу раз толковали: вот смотри, на вертикальной оси обозначаем температуру в градусах, а на горизонтальной — годы. Берем соответствующий год, поднимаемся по ординате до средней температуры и ставим точку. Ясно? Теперь следующий год, и еще... пока не образуется система точек. Остается последовательно соединить все эти точки, и получится график, наглядно рисующий состояние климата, его изменения и тенденции в определенной точке земного шара за известный отрезок времени.

Я смотрел на кривую, вычерченную внутри прямого угла, и вроде бы понимал: сначала было холоднее, потом в течение пяти лет погода держалась более теплая... и снова средняя температура снизилась. Это я понимал, но никаких ощущений не испытывал. Я мог разобраться в графике, но не более того...

Наверное, мне не хватало воображения, или я не чувствовал большой необходимости проникать в глубинную суть бессловесных кривых. По математике и физике у меня бывали обычно четверки, чего еще?

Н. Н. был исключительно снисходителен ко мне: терпеливо отвечал на мои глупые, естественно, дилетантские вопросы, чуть жеманно рассказывал о замыслах...

Вот Аркаша Коркия был математик! Он таскал за собой «Занимательную алгебру» Перельмана и, как беллетристику, с увлечением читал «Сборник задач по математике». Уже в ранние школьные годы Аркаша пытался самостоятельно проникнуть в дебри дифференциальных уравнений...

— Скажи, ну чего там интересного,— допытывался я,— в этих закорючках? — (Я еще и не слыхивал про интеграл.)

И Коркия, волнуясь, начиная немного косить, пытался объяснить:

— Математика! Это всегда точность!.. Вот географию учишь: одно Сомали — французское, другое — итальянское... потом переделят... Или: Конго — бельгийское... там колония, тут протекторат... А в математике никакой путаницы: или решил, или не решил...

Мне интересно было наблюдать за Коркией, когда он, воодушевляясь, начинал размахивать руками и с неподдельным восторгом говорил, говорил и говорил о своей любимой математике. Увы, разделить его восторг я не умел. И был убежден — никогда не сумею.

Впрочем, меня это не слишком печалило: каждому свое! Вот и графики не моя стихия.

Где-то я подхватил латинскую мудрость: что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку — и толковал ее на свой лад: одному дано, а другому — фигушки... И тут ничего не попишешь!

Как бы я удивился, скажи мне тогда кто-нибудь:

— Придет время, Колька, и ты поймешь силу графиков, оценишь их образность и абсолютную убедительность!

Собственно, можно было б сказать и больше: придет время, ты станешь жить ради графиков и будешь рисковать головой ради единой неясной точки... и ощущать себя счастливым, когда сомнительная точка прояснится, и глубоко несчастным, когда другая, надежная, точка вдруг подведет тебя...

Испытания были закончены. Машина получила вполне приличную оценку. Правда, и список доработок, приложенный к акту, оказался довольно пространным. Но это обычно.

Теперь мне предстояло перегнать самолет из центра на восточную базу. Расстояние для истребителя надо было покрыть значительное, без подвесных баков не обойтись.

К расчету маршрута привлекли не только штурманские силы, но и представителя двигателистов. К концу дня графики расхода горючего, резко менявшие свой характер в зависимости от высоты и скорости полета, лежали на моем столе.

В авиации всегда так: хвост вытащишь — нос увязнет! Хочешь долететь быстрее, вроде ясно — увеличь скорость; но раз скорость больше, горючего может не хватить... В принципе, чем выше ты летишь, тем сопротивление воздуха меньше — значит, выгодно, но и тяга двигателя с высотой падает... Короче говоря: всякое решение — компромисс, взаимная уступка.

Расчеты были произведены. График полета готов. Инженерные рекомендации сведены в таблицу и перенесены в мой наколенный планшет.

Старший штурман и главный двигателист, подвергнув меня перекрестному допросу, украсили полетный лист необходимыми подписями и большой гербовой печатью.

Можно было лететь.

На семи тысячах, как обещали синоптики, облачность не кончилась. Но это меня не огорчило. Поставил заданные обороты, проверил режим горизонтального полета и, продолжая пилотировать исключительно по приборам, устремился к цели.

— Курс? — время от времени спрашивал я себя и отвечал: — Заданный. Скорость? Нормальная... Высота? — И сверившись с высотомером и вариометром: — Без отклонений.

А секундомер накручивал время. Цена минуты была достаточно высокой — двадцать километров! За каждые пять минут я пролетал сто километров...

Пройдя чуть меньше половины маршрута, проверил расход топлива: впереди, совсем рядом находилась точка возврата — край, последний расчетный рубеж, с которого я еще мог в случае чего вернуться на аэродром вылета.

Перешагнув точку возврата, я этой возможности лишался.

И тогда? Тогда — только вперед, только к цели.

За правильность принятого решения отвечает летчик. За успешное выполнение правильного решения отвечает тоже летчик. И за все остальное, что происходит в полете... отвечает летчик.

Точку возврата я прошел в расчетное время. А вскоре обнаружил: горючее в баке уменьшается быстрее, чем следовало.

Возможен дефект тарировки прибора. Но с чего бы? Летали-летали, и все сходилось... Возможно, нарушение регулировки двигателя? В наихудшем варианте — вульгарная утечка горючего?

А самолет летел. Минута — двадцать километров. И у меня не было возможности снять руки с управления, покопаться в двигателе, обдумать положение.

Усилием воли и воображения заставил себя увидеть график расхода горючего: его плавная и элегантная кривая показывала совершенно отчетливо — граница наименьшего потребления топлива на километр пройденного пути лежит на одиннадцати тысячах метров. Мешкать нельзя. Следовало идти вверх немедленно, сейчас же, но... На каких оборотах, в каком режиме набирать высоту, чтобы не проиграть в дальности?

Я заглянул в наколенный планшет и почувствовал себя крайне неуютно: надо дать полные обороты, чтобы получить максимальную скороподъемность...

Но все мое существо, долгий надежный опыт летчика поршневой авиации требовали: убрать обороты, снизить скорость, зажаться, экономить. Я понимал: у реактивных двигателей иные законы, только понимать — одно, надо еще найти в себе силу подчиниться закону. Повлажневшей ладонью я перевел рычаг управления двигателя вперед до упора, поднял нос самолета и доложил земле обстановку.

Солнце за облаками показалось особенно приветливым и более дружелюбным, чем всегда. Хотя, если смотреть на вещи трезво, солнце никак не могло повлиять на исход моего полета. Последние семнадцать минут маршрута были не лучшими. Нет ничего отвратительнее сознания: мне страшно, и делать нечего, только ждать...

Но все хорошо, говорят, что хорошо кончается.

Посадка была выполнена на аэродроме назначения. Время полета превысило расчетное всего на шесть минут.

Замерили остаток топлива, в баках оказалось еще двести двадцать литров. Как показала проверка топливомера, прибор подвирал, завышая расход,

когда остаток горючего становился меньше половины...

Мои действия в полете были признаны правильными.

Через неделю, может быть, дней через десять все благополучно и безболезненно забылось. Еще одна неприятность миновала. Но осталась память: непроглядно-серые, угрюмые облака и словно золотым, теплым светом прорисованный на них график расхода топлива. Элегантная инженерная кривая, полная смысла и дружественной информации. Не постесняюсь сказать — спасительная кривая!

* * *

Не стану утверждать, будто я родился ненасытным глотателем книг, этаким вундеркиндом-книгочеем, но азбуке и следом беглому восприятию печатного текста обучился рано — годам к четырем. Правда, сначала я особого интереса к книгам не проявлял, занимал сам процесс чтения — из букв таинственным образом возникали слова, понятия, картины...

Но когда я немного подрос, втянулся в чтение, увлекся, стал делить все книги на два сорта — «мои» и «не мои».

К «моим» относился «Робинзон», все, написанное Джеком Лондоном, «Герой нашего времени»... «Не моими» были сказки, позже — сочинения Жюля Верна, еще позже — Уэллса, а нынче — еще и детективы...

Вообще с литературой отношения у меня складывались непросто.

Мальчишкой я охотно читал — делая пространные выписки — экспедиционные отчеты, дневники полярных исследователей, письма братьев Гонкуров или письма Герцена... И засыпал над описаниями красот природы, будь они исполнены хоть рукой Гоголя, хоть вдохновением самого Тургенева. Я с подозрением относился к Толстому, особенно к его бесконечно долгим сложноподчиненным периодам...

Теперь я, кажется, начинаю понимать, чего искала моя заполошенная мальчишеская душа в книгах: подлинности и созвучного ей, душе, стиля.

В школьные годы я постоянно влезал в немыслимые дискуссии. Бурно ниспровергал Некрасова и отчаянно защищал Маяковского, с пеной у рта доказывал, что Куприн, и только Куприн,— лучший стилист отечественной литературы, а все остальные — поддельщики.

Слава богу, пришло время, я самостоятельно — с минимальной помощью Симона Львовича — открыл для себя Чехова и как-то сразу успокоился.

Оказалось, книги можно читать для собственного удовольствия, радуясь и горюя, забывая обо всем на свете, или, напротив, извлекая из поступков персонажей, из мыслей автора образцы для подражания. И этим открытием я обязан Чехову.

Чуть позже Галка дала мне потрепанную, без обложки книжку и заговорщически сказала:

— На одну ночь! Понял? Главное — начни.

Я поглядел на Галю. У нее было усталое, помятое лицо и глаза, как у кролика,— с краснинкой. Признаться, я удивился. Но книгу взял без особого интереса. Подумал: «Чудит Галка».

Читать начал вечером. Читал до утра, пока не кончил. Когда кончил, сам не понимая, что со мной происходит, обернул книгу на начало и во второй раз промчался по строчкам.

То был Хемингуэй. «Фиеста».

Чехов и Хемингуэй открыли мне многоцветье мира. До них я жил дальтоником — в черно-белой гамме.

От книг к живописи — шаг естественный. Искусство многолико и едино. Пристрастившись к книгам, я жадно потянулся к картинным выставкам, захотел понять, почувствовать мир цвета и света, молчаливый образный мир, способный, однако, звучать убедительнее всех слов...

И, думаю, все было бы хорошо — тихо, мирно, без огорчений,— не соверши я по молодости лет, по житейской неопытности, по щенячьей наивности одной грубейшей ошибки. Я начал рыться в писательских биографиях, раскапывать «сведения» о привлекающих художниках. Мне казалось, да что казалось, я был совершенно уверен: истинный писатель должен в точности совпадать с авторским образом, возникающим из его книг. Я нисколько не сомневался — хорошие картины пишут лишь хорошие люди, в то время как плохие картины создаются плохими людьми.

На этом я погорел, как швед под Полтавой.

Н. Н. написал много хороших картин. Не опасайся я излишне звучных слов, сказал бы — путеводных картин.

Особенно привлекали меня портреты мужественных, волевых людей, исполненные в его особой манере. Он умел совершенно особенно как бы смещать фокус, едва ощутимо снижать резкость, и глаза модели становились неуловимыми — «уходили» от вас, а могли «преследовать»...

Перед его полотнами подолгу задерживались посетители выставок. О них спорили.

День, когда мы познакомились, я считал праздничным днем. Н. Н. был исключительно снисходителен ко мне: терпеливо отвечал на мои глупые, естественно, дилетантские, вопросы, чуть жеманно рассказывал о замыслах, удивляя легкостью, с какой произносил: «в живописи», «в моем творчестве», «я личность творческая»... Постепенно мы сблизились, насколько позволяла разница в возрасте.

А потом... Потом я начал прозревать...

Он тряс руку Проторову и с придыханием говорил:

— Ну, старичок, порадовал. Спасибо тебе. Спасибо, милый. Не за все, нет... не за все... Но колористически... эт-т-то гениально. Веришь, Паша, умираю от зависти. Хоть и стыдно завидовать, а еще стыдней признаваться, все равно умираю.

Проторов целовался с Н. Н., прикладывал руки к сердцу, только что слезу не пролил, наконец, отошел: дело было на выставке, народу толкалась прорва, и нельзя было никого обидеть.

Н. Н. посмотрел ему вслед, изучающе глянул на меня и спросил с вызовом:

— Ты никак клюнул?

— То есть...

— Поверил? Ну-у, чудак! Художник Пашка грошовый... весь его колорит — чушь... Что говорить про раскраску, когда он нормального копыта нарисовать не может. Это лошадь? — Н. Н. ткнул мундштуком своей знаменитой трубки в проторовскую картину.— Это же гипертрофированная собака, навострившая уши... Но что делать, если люди не могут без дифирамбов. Лесть правит миром, старичок!

Я посмотрел на проторовскую картину еще раз, и действительно мне вдруг увиделась большая-большая собака с неестественным конским хво-

Добил фашиста догнавший меня Жора Катония...

стом... И как из другого помещения звучал голос Н. Н.:

— Дерьмо людишки, Коля, мелочь... Не морщись, милый, правды не надо бояться. Ты к совести своей чаще прислушивайся.

— Милорд! — кричал Н. Н. в телефон своему приятелю Тарману.— Запускайте ваш рыдван и извольте срочно припожаловать. Есть дело...

Спустя пять минут он вспомнил, что ему надо в МОССХ, и, как ни в чем не бывало, собрался уходить. Я напомнил:

— А Тарман?

— Колеса круглые! — беспечно объявил Н. Н.— Какая им разница, куда вертеться? Как приедет, так уедет. Ему нужнее, старичок.

Мы не поссорились с Н. Н. На это у меня не хватило мужества. Сначала несколько разошлись. Со временем дистанция возрастала... потом еще... и еще. Пока не стала стремиться к бесконечности.

* * *

«Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжая от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: «Эх! Стерва! Ну куда ты годишься?» — *Это написано Сергеем Александровичем Есениным. О себе, естественно. Написано, как видите, эпически спокойно. Может быть, потому, что с подачи дяди Саши маленький Сережа Есенин плавать научился и, по собственному его свидетельству, плавал, как охотничья собака...*

Странное совпадение — у меня тоже был лихой дядя, и тоже Саша. И случилось так, что именно он взялся обучить меня всем хитрым премудростям плавания... Впрочем, на этом сходство с обстоятельствами есенинской биографии кончается. И спустя пятьдесят с лишним лет вспоминать о моей школе плавания вовсе не весело.

Мой дядя Саша рывком вскидывал меня, маленького и тщедушного, над нагретым солнцем, гладким лодочным дном, поднимал над головой — курчавой, седеющей — и с размаху бултыхал в воду.

Орал ли он при этом, не знаю: сердчишко мое закатывалось куда-то вниз, холодело; горло перехватывал спазм; охваченный животным, неконтролируемым страхом, я ничего не слышал и не видел, только барахтался и беззвучно плакал, отчетливо сознавая почему-то — слезы теплее речной воды... Я начинал захлебываться...

До полной крайности своих экспериментов дядя Саша не доводил, но раза два ему все-таки пришлось нырять за мною в Клязьму, и однажды он делал мне искусственное дыхание. После чего решил: хватит! Колька — безнадега.

Да, плавать я не выучился. Но это не главная неприятность.

С той поры дядя Саша не уставал дразнить меня. Он с удовольствием рассказывал любому встречному и поперечному, какой оболтус и трус его племянник — даже плавать не может!..

Благодаря дяде Саше я рано узнал чувство страха, может быть, самое отвратительное из всех чувств, поселяющихся в человеке. И он же способствовал тому, что меня долгие годы преследовал ужас — как бы кто-нибудь не увидел, не расшифровал этого унизительного состояния. А боялся я всего: грома, темноты, собак, леса, ночных прохожих, но превыше всего — одиночества. Если родители, случалось, уходили из дому, оставляя меня одного в квартире, каждый угол представлялся опасным, каждый шорох — враждебным. Я забирался в кровать, укрывался с головой и млел в душной, влажной темноте, отчаянно жалея себя и ужасно боясь разлепить веки...

Законный вопрос: как с такими задатками я оказался в авиации?

Думаю, тут полезно будет одно уточнение: людей абсолютно бесстрашных, никогда и ничего не опасающихся скорее всего не существует! Но, если допустить, что исключения все-таки случаются, таких «героев» придется искать... среди дураков. Только умственно неполноценные особи могут ничего не опасаться, они, бедные, не в состоянии определить меры риска, которому себя подвергают или перед которым оказываются по воле обстоятельств...

Нормальному человеку свойственно бояться. Страх заложен в изначальной программе человека. Другое дело, если ты смел, даже худшим обстоятельствам не одолеть твоей воли. И в самый опасный момент ты найдешь силы контролировать ситуацию, находить выход из, казалось бы, безвыходного тупика...

Не мне, наверное, судить о собственной смелости. Но об одном скажу — выучиться плавать сделалось

Я снова подошел к краю площадки, сжался... и приказал себе: «Ну!».

моей навязчивой идеей. Вероятно, где-то в подсознании жила обида и беспокоили страхи, рожденные унижением. Словом, я старался, очень старался, но... безуспешно.

В конце концов пришел день, когда я понял — жить, не умея плавать, нет смысла. Мне исполнилось к тому времени двенадцать лет — возраст серьезный, хотя и не такой еще, когда человек понимает истинную цену жизни. Я решил подняться на вышку и с трехметровой площадки кинуться солдатиком вниз. А дальше пусть будет что будет: достоин жизни — выплыву, недостоин — потону. Тонуть страшно, но черт с ним... точнее — черт со мной...

Было рано и, мне казалось, очень холодно, когда я пришел на безлюдную реку и медленно, пересчитывая ступеньки, поднялся на вышку.

Заглянул вниз. Сердце дернулось, покатилось, как тогда, на Клязьме, и глухо задергалось. Были река, небо, вышка, был я сам, тщедушный и узкогрудый, на ногах-жердочках, изодранный кровавыми ссадинами и царапинами... Было небо над головой.

Не прыгнуть — значило обмануть себя, только себя. Выдумать какие-нибудь обстоятельства, всерьез мешающие исполнить задуманное, не получалось.

Я снова подошел к краю площадки, сжался, отчетливо почувствовав, как немеет кожа на руках, на спине, и приказал себе: «Ну!» И, как ни странно, прыгнул.

Падения толком не помню. Вода больно ударила в подошвы и резко выбросила меня назад — к небу, к солнцу, к жизни, с которой я только что готов был расстаться...

Не смею сказать — выплыл — это было бы грандиозным преувеличением. Теряя последние силы, я кое-как выбарахтался и вцепился в скользкую лесенку, что вела из воды на плот.

С трудом поднявшись, я упал на шершавые доски и долго не мог отдышаться. Меня колотило, меня пробирал адский холод, меня душил страх. Сколько времени прошло, не представляю, может быть, час, а возможно, пять минут. Важно другое: я поднялся в конце концов и... снова полез на вышку. И это действительно важно!

Извините, что, рассказывая об этом дне, я стараюсь не пропустить даже несущественные подробности; постарайтесь понять: за всю жизнь, я думаю, мне не пришлось совершить ничего более значительного.

Этот день едва ли не самый главный для меня.

Итак, я вылез. Постоял. Подрожал. Пожмурился на солнце.

И снова прыгнул.

Увы, плавать всерьез я не научился — ни тогда, ни позже. Но прыгать и не тонуть могу.

Надеюсь, теперь ясно, каким образом я в конце концов очутился в авиации.

Потом, спустя многие годы, когда мне бывало паршиво на душе, когда вдруг в наступление бросалась тоска, я всегда говорил себе: вспомни ТО утро на реке и жесткую воду, так больно бившую по пяткам. Иногда это помогало, иногда нет. Чаще, однако, помогало.

И, если позволите, посоветую: старайтесь до самого конца не совсем расставаться с детством, это очень помогает держаться на плаву...

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Наталия ЮРКОВА

Тайфун

Всем в море открытом —
линкору и шхуне —
Известно сегодня о мощном тайфуне.
Гудят корабли
И протяжно и грустно:
«Тайфун.
Всем. Всем. Всем.
Изменение курса».
Уйти от тайфуна в туманах и шквалах —
Нелегкая вахта для самых бывалых.
Скрипят, напрягаются мачты и тросы.
И вдруг:
— Все на палубу! Быстро, матросы!
Пусть ливень сплошной всюду хлещет
и злится,
Летят с островов от тайфуна
К нам птицы,
И помощи просят они человечьей —
Садятся на руки,
Садятся на плечи...
В брезентовых робах,
В рабочих бушлатах
Матросы за пазуху прячут пернатых.
И в кубрик десятками носят — в тепло.
Накормят, напоят, подвяжут крыло...
И снова в промокших до нитки бушлатах
Спасают прибившихся к судну пернатых.

Гончар

Всего лишь
Пара рук,
Простой гончарный круг,
Кусок невзрачной глины...
Откуда вы —
Кувшины,
Горшки,
Бокалы,
Блюда?..
Откуда вы, откуда —
Пузатые, веселые,
Высоко-узкогорлые,
Прямые,
Тонкостенные —
Необыкновенные?
Нужна не просто глина
Для крынки и кувшина,
Для блюда и бокала,
А чтобы все мелькало:
Проворный легкий круг
И пара ловких рук,
Чтоб воздух пел вокруг.
И было бы
Терпение,
Мечта
И вдохновение.

На борту «Кораблика» — фантастический рассказ. Особенно интересен он будет тем, кто умеет решать шахматные задачи, хотя смысл рассказа поймут, конечно, и те ребята, которые в шахматы не играют.

Автор — Саша ИЛЫШЕВ, шахматист, бадминтонист, юнкор и ученик 9-го класса «б» московской школы № 31.

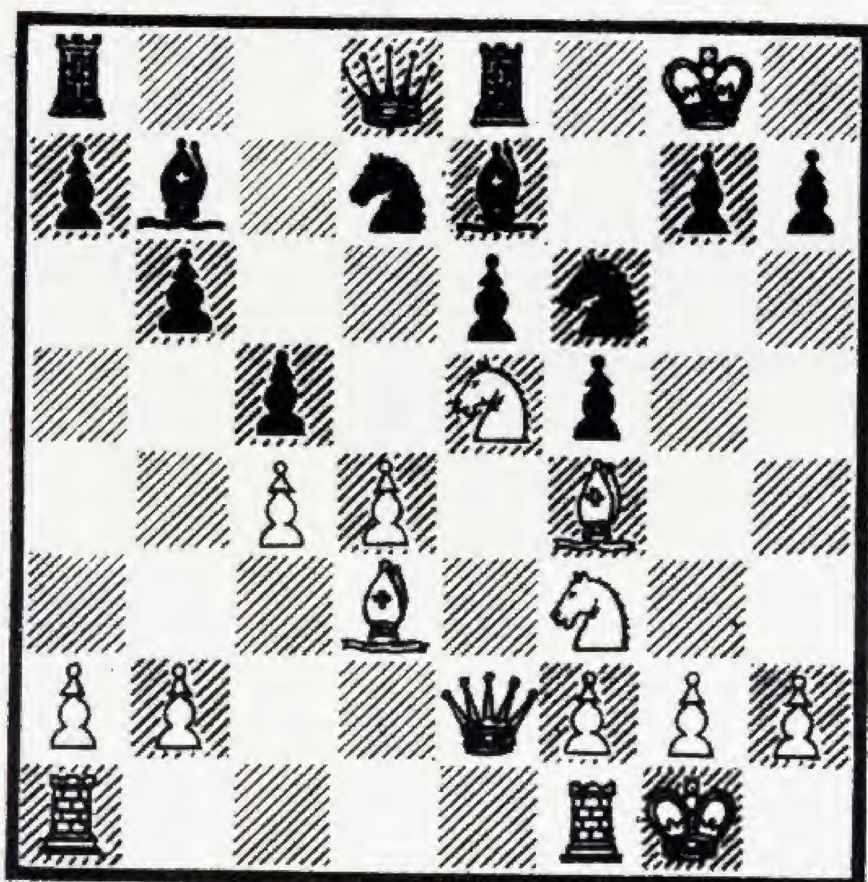
КОСМОС И ШАХМАТЫ

Космический спасательный корабль «Дельфин-3» курсировал в районе созвездия 12-А. Неожиданно командир корабля получил сигнал SOS с планеты Биона. «Дельфин» немедленно изменил маршрут и направился к ней. Вот уже на экране показалась Биона. Что ждет пилота на этой планете? Космонавт долго кружил над планетой, выбирая место посадки, затем надел скафандр и подготовил к вылету винтолет.

Из винтолета спасатель несколько раз подавал позывные, но космическая станция на Бионе молчала. Наконец, она показалась, однако людей не было видно. Космонавт, готовый к любым неожиданностям, почувствовал неладное. Он посадил винтолет, вышел и направился к станции.

Войдя, пилот увидел широкий, просторный вестибюль с большим количеством дверей. Все они вели к центральному пульту. Туда необходимо было проникнуть, но на каждой двери стоял свой шифр защиты, который космонавту не был известен.

Вдруг его внимание привлекла одна из дверей. На ней вместо шифра он увидел... шахматную доску с фигурами.

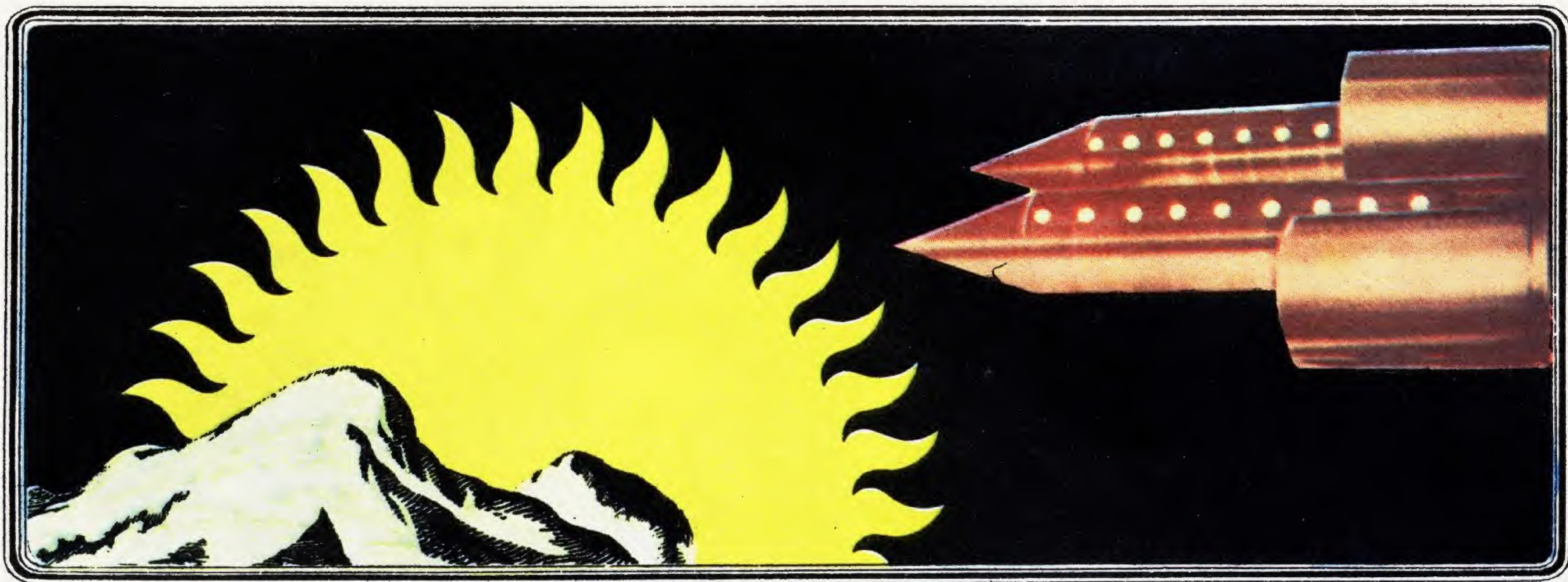

Видимо, дверь вела в шахматную комнату, и, чтобы войти в нее, нужно было решить позицию на доске. Спасатель задумался. Сорок минут прошло с момента получения сигнала SOS. А он еще не выяснил причину бедствия. Итак, единственный выход — решить позицию на доске. Космонавту мало приходилось играть в шахматы, но он сосредоточил все свои силы, подумал и затем стремительно передвинул коня на поле f7, подставив его под удар. «Конечно, черные возьмут коня,— говорил он сам с собой. — Но каким способом атаковать черного короля дальше?..» И тут его осенило. Ферзь бьет пешку на е6 с шахом!! Ферзя черные взять не могут, так как белый конь идет на поле g5 и дает мат. В этой позиции у черных единственное продолжение — король на f8. Спасатель передвинул коня на g5, и... дверь открылась. Значит, задача решена верно!

За дверью спасатель обнару-

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

жил лестницу, ведущую к центральному пульту. «Быстрее, быстрее, быстрее»,— стучало у него в голове. Он подбежал к центральному пульту, включил экран информации.

— В район расположения станции движется огромное облако — смерч. Люди эвакуированы в укрытие, но им угрожает опасность—не хватает воздуха,— сообщил командир Бионской экспедиции.

Спасатель переключил экран... Страшное свинцово-черное облако неотвратимо мчалось на станцию. По форме оно напоминало громадную акулу. Оставались считанные секунды для передачи команды на корабль. Облако было уже недалеко от станции, когда три спасательные ракеты, посланные с «Дельфина», взметнулись в небо. Раздался оглушительный взрыв. Грозное облако стало медленно рассеиваться.

Прежде всего надо было сообщить бионцам о том, что опасность миновала. Ведь это так важно — вовремя сообщить людям об их спасении!

— Все в порядке, вы спасены. Облака больше не существует,— передал он командиру бионцев.

— Большое спасибо, но как вам удалось пройти к центральному пульту?

— Через шахматную комнату.

— Если не было бы шахмат, мы бы погибли.

— Они всегда помогают в трудный момент... Но мне надо спешить, люди ждут помощи и на других планетах. Прощайте.

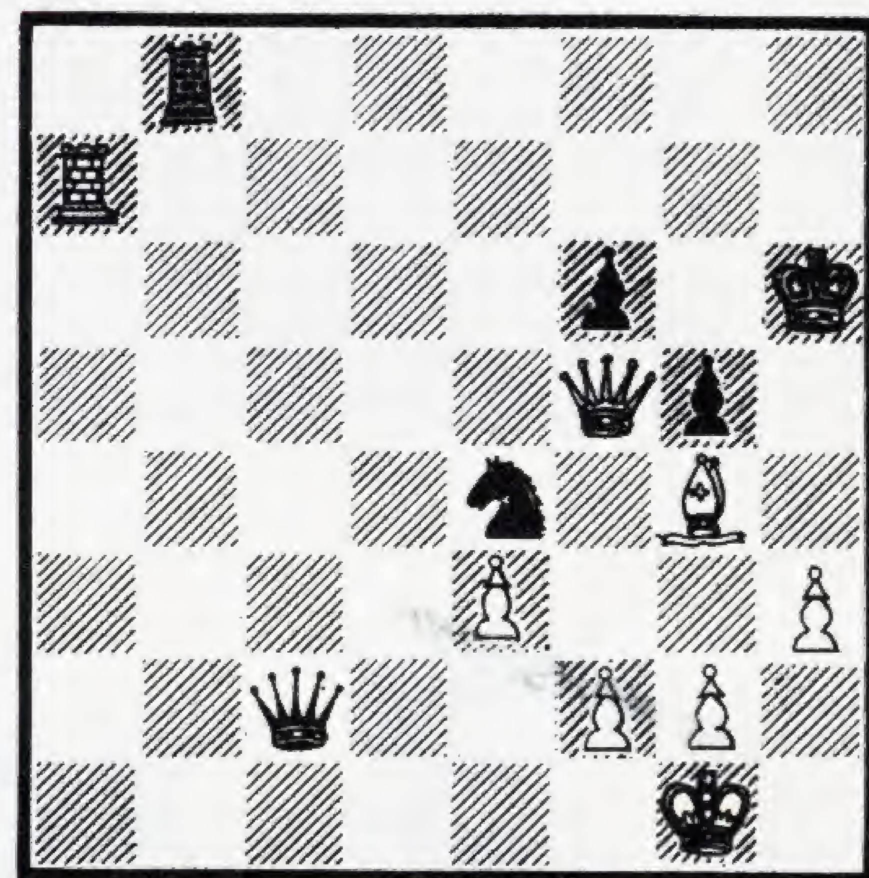
— До свидания.

Космонавт покинул станцию также через шахматную комнату. Выходя, он попытался закрыть дверь, но, как ни старался, дверь не двигалась с места.

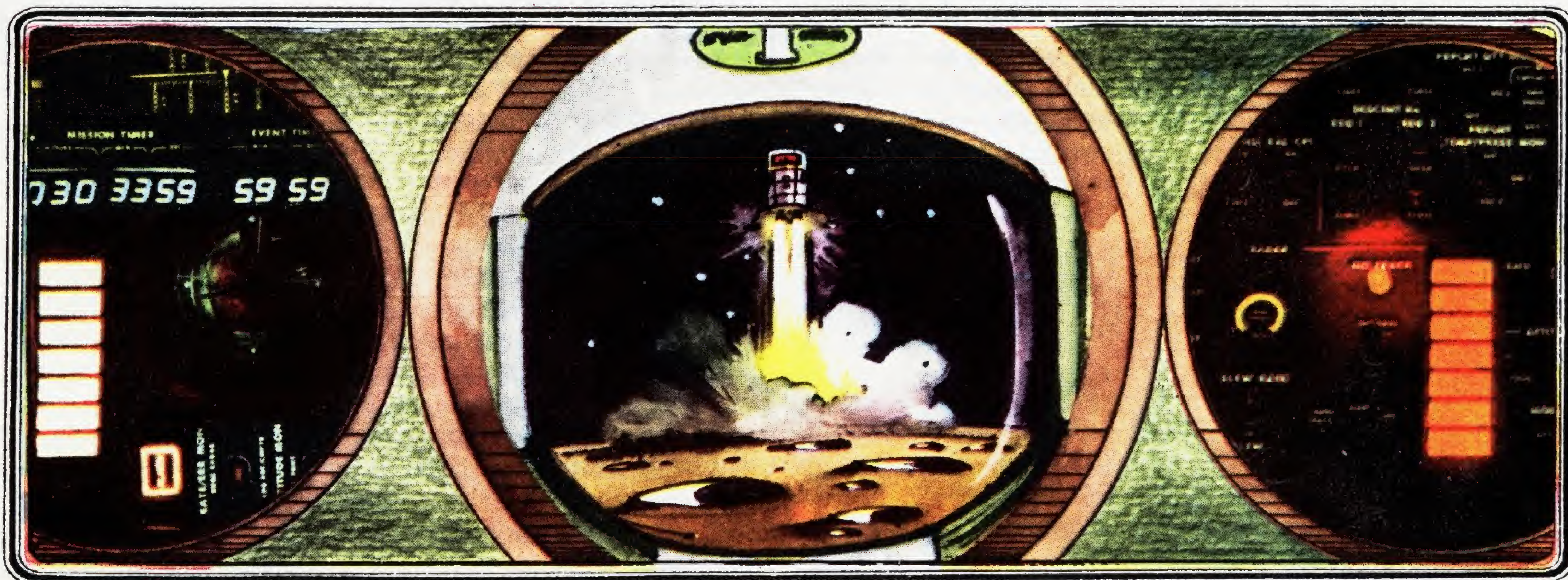
Вдруг он догадался: надо поставить новую позицию! Космонавт немного подумал и расставил фигуры на доске.

— Надо идти на жертвы! — весело сказал он.

Вот эта позиция:

Ребята! Найдите, как в этой позиции черные при своем ходе делают ничью. Тогда вы поймете, какой смысл вложил космонавт в слова: «Надо идти на жертвы».

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

В гости к Гайдару

На крутом холме у седого Днепра в центре древнего украинского города Канева высится здание Библиотеки-музея А. П. Гайдара.

Идея создания в Каневе Библиотеки-музея принадлежит самим пионерам. Это они, юные каневцы, в 1961 году через газету «Юный ленинец» обратились к пионерам и школьникам Украины с призывом построить недалеко от могилы писателя-воина Библиотеку-музей Аркадия Гайдара. Их первый взнос составлял 800 рублей. И тогда на банковский счет № 70035 — счет гайдаровского фонда — начали приходить почтовые переводы и банковские перечисления.

С какой гордостью пионеры Донецка сообщали о перечислении первого взноса — двух тысяч рублей, а ворошиловградские — о двух с половиной тысячах!

Помню, как мы все волновались, когда читали письмо на перевод достоинством в 19 копеек из города Сумы: «Дорогие товарищи! Сегодня мама дала мне 20 копеек на мороженое. Но день сегодня пасмурный, начинается дождь, и мне перехотелось есть. Высылаю деньги на строительство музея Аркадия Гайдара. Стройте быстрее, товарищи! Салют Гайдару! Александр Охрименко». Это письмо помещено в одну из витрин музея.

И началось строительство музея, поступали первые экспонаты. По совету Тимура Аркадьевича Гайдара — сына писателя — я выступил по радио в «Пионерской зорьке» с обращением к ребятам. Сказал, что вдохнуть жизнь в будущий музей, который строится на их средства, должны сами пионеры. Тогда нас взволновало письмо, написанное воспитанниками юнкоровского клуба «Ветерок» харьковского Дворца пионеров и школьников имени П. Постышева. Ребята написали, что сидеть сложа руки и ждать, пока взрослые пригласят их посетить музей любимого писателя, они не намерены, что они уже сейчас готовят свои экспонаты и скоро привезут их в Канев. У этих ребят слова не расходились с делом. Скульптура, изображающая Мальчиша-Кибальчиша, аппликация из цветного стекла «Есть охранять революцию!», высеченный из мрамора «горячий камень» — эти талантливые работы, сделанные добрыми руками юных харьковчан, до сих пор украшают экспозицию нашего музея.

И еще об одном удивительном экспонате мне очень хотелось бы рассказать читателям «Пионе-

ра». Его прислал в Канев из Одессы писатель В. Г. Лясковский. Это была сумка Гайдара. Вместе с сумкой — письмо, в котором Владимир Георгиевич рассказал, как в 1941 году недалеко от Канева сражалась 227-я стрелковая дивизия 26-й армии Юго-Западного фронта. В село Степанцы Каневского района Аркадий Гайдар приехал вместе с бригадой корреспондентов «Комсомольской правды». Когда он узнал, что в тыл к гитлеровцам идет наша разведка, то попросил командира дивизии разрешить пойти с разведчиками и ему, Гайдару. Трудно было уговорить комдива, ведь он знал, как нужен Гайдар стране и детям. Но все-таки уговорил. Наутро разведка вернулась. Гайдар на своих плечах принес здоровенного гитлеровца. «Язык» был нужен для разработки стратегического плана отражения атак и контрнаступления. Командир дивизии трижды поцеловал Гайдара и спросил, чем он может отблагодарить его. Аркадий Петрович, человек в высшей мере скромный, сказал, что в «Комсомольской правде» будет напечатан его очерк «Ракеты и гранаты». Это о разведчиках 227-й дивизии. И он просит командира, чтобы тот прочитал этот очерк разведчикам — людям, несомненно, очень храбрым и надежным. В это время молодой корреспондент «Комсомолки» Володя Лясковский подал Гайдару его сумку с рукописями, орденом, документами. Сумка кирзовая, невзрачная... Комдив увидел все это и сказал Гайдару: «Аркадий Петрович! У меня есть новенькая кожаная сумка. Я дарю ее вам, а эту сумку подарите своему товарищу...» Так сумка Гайдара осталась у Владимира Георгиевича. В письме, присланном вместе с сумкой, писатель Лясковский рассказал о том, что с ней он был почти на всех фронтах Великой Отечественной, что с нею он дошел до Берлина и на стене рейхстага расписался от имени Аркадия Гайдара.

В начале лета 1967 года ленточка у входа в музей была торжественно перерезана. С тех пор в гостях у Гайдара побывало около **трех миллионов** посетителей.

Со всеми нашими гостями встречаются и гайдаровцы Канева. Многие из них — тимуровцы. Они помогают престарелым, ветеранам войны и труда, солдатским вдовам, малышам. Особая забота тимуровцев Канева — о Библиотеке-музее А. П. Гайдара. Группа юных экскурсоводов проводит экскурсии по музею, вместе с гостями ребята идут к могиле Гайдара, дежурят в музее, ведут большую переписку с пионерами страны, помогают разыскивать новые гайдаровские материалы.

Недавно работникам Библиотеки-музея удалось прочитать еще одну очень интересную страничку жизни Аркадия Гайдара. Речь идет о фотографии «Аркадий Гайдар среди детей. 1934 год». Раньше мы не знали о детях, сфотографированных с писателем. Сопоставляя документы, решили, что этот снимок был сделан в Ростове-на-Дону, куда Аркадий Петрович ездил в 1934 году. Но оказалось, что старая фотография была сделана в Москве, в сентябре 1934 года. Нам удалось встретиться с одним из тех, кто запечатлен на снимке. Это Юлий Павлович Павлов, которому в ту пору было 8 лет. Он передал нам на вечное хранение оригинал фотографии и рассказал о судьбах шестнадцати ребят, окруживших Гайдара.

Что же это за ребята? Оказалось, что жили все они в том же доме, что и Гайдар, на Большой Дмитровской, 15/3. Аркадий Петрович был любимцем этих детей. Когда он возвращался домой, а в отъезде он бывал очень часто, это был настоящий праздник для ребят двора. Они какими-то особыми сигналами сообщали друг другу о приезде своего любимца. И вот Гайдара окружали дети. Самого маленького он подбрасывал высоко вверх и усаживал на своем плече. С другими беседовал. Рассказывал о новых своих книгах, делился задумками, а то и читал новые главы... Расспрашивал детей о том, что в его книгах им нравится, а что не очень.

В тот день Аркадий Петрович пригласил ребят в соседнее кафе на чашечку чая с пирожными, а потом в фотоателье «сфотографироваться на память».

Повесть Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» появится в конце 1940 года. Она появится после того, как мальчишки — друзья Гайдара помогут тяжелобольному сыну писателя К. Г. Паустовского — найдут на окраине Москвы в аптеке очень нужное, но редкое лекарство. Появится, когда Гайдар не раз испытает ребят силой доверия. А мне кажется, что самой-самой первой тимуровской командой были эти вот мальчишки и девчонки, которые с таким доверием окружили одного из жильцов своего дома, чувствуя в нем огромное уважение к себе, к своей личности.

В Библиотеке-музее А. П. Гайдара всегда много ребят. Здесь комсомольцы торжественно прощаются со своими пионерскими галстуками, здесь октябрят принимают в пионеры...

В строгом строю стоят дети с красными галстуками на груди.

— Отряд, равняйся! Смирн-но! Салют Гайдару!

С магнитофонной ленты доносится уверенный, спокойный и в то же время тревожный голос писателя Аркадия Гайдара:

«Ребята! Беспрестанно гудят паровозы. Уходят длинные эшелоны. Это ваши отцы, братья, родные, знакомые идут на фронт — туда, где отважная Красная Армия ведет с врагами бой, равного которому еще никогда на свете не было... Этот суровый, грозный год покажет, кто из вас действительно трудолюбив, стоек и мужествен.

В этом году вы должны будете не только хорошо учиться, не только крепить дисциплину — эту основу победы в тылу и на фронте,— вы должны будете много работать, помогая старшим дома, во дворе, на заводе, в поле — повсюду и всем, чем можете...»

Гайдар разговаривает с ребятами о самом важном, о самом главном. О Родине, о нашей Советской стране. «Пришло время и вам — не словами, а делом — показать, как вы ее цените, бережете и любите». Тревога Аркадия Гайдара за судьбу своей Отчизны из далекого 1941 года передается нынешнему поколению ребят. Каждый из них задумывается: а на что я способен? Что буду делать, если придет беда? С кого буду брать пример?

И в музее Гайдара ребята находят ответ на эти вопросы. Они будут брать пример с писателя Гайдара. Они будут брать пример с пионеров-героев. Они будут стремиться стать похожими на многих людей, с которыми их ежедневно знакомит Библиотека-музей — замечательный пионерский памятник любимому писателю Гайдару.

Василий БЕРЕЗА,
директор Библиотеки-музея А. П. Гайдара,
член Всесоюзного штаба Тимура

Вход только

...Само собой, мы приостановились, увидев такую надпись на одном из домов города Днепропетровска. И подумали: если за этой загадочной дверью хозяйничают только дети, нас, как гостей, они встретят дружелюбно.

К тому же не написано: «Не заглядывать взрослым!» Поэтому мы, переполненные любопытством, приоткрыли дверь детской мультстудии «Веснянка».

В глазах зарябило от многоцветья детских рисунков. Сверху вниз, наискосок, они были развешаны по всем стенам, а с потолка свисали необычные конструкции из камышей, пластилина и цветной бумаги.

На нас пытливо таращились глазницы пестрых масок, а со столов гримасничала целая груда кукольных рожиц.

А шум, спор какой — вы только прислушайтесь...

Какими бывают лошади в яблоках?

Белые в серых или серые в белых? Вернее, не лошади, а мыши, которые превратились в лошадей в яблоках и отвезли Золушку прямо на бал. Тут четырехлетняя Наташа Алексеева из экспериментальной группы малышей-мультипликаторов и говорит ребятам: «Вот какие!» — и протягивает рисунок. На рисунке лошадь была в настоящих яблоках, румяных, с хвостиками, прямо с ветки.

И принялись ребята тут же про лошадь в настоящих яблоках сказку сочинять.

А второклассница Лена Лебедь — ее в альбом зарисовывать.

«Была у ковбоя обычная, но очень любимая лошадь. И как-то скакал ковбой на ней по прерии и мечтал о лошади в яблоках. И так размечтался, что наехал на всем скаку на яблоню. Яблоки и осыпались прямо на лошадь. И поскакала она дальше вся в яблоках. Ковбой устал, слез с лошади, увидел это и очень обрадовался. Он взял одно яблочко и надкусил его. Тут лошадь повернула к нему голову, и он дал ей кусочек тоже. Теперь он любил ее еще больше.

И поскакали они дальше...»

А пока все сочиняли сказку, Наташа... цокала. Она цокала, будто лошадь копытами по сухой глине.

Преподаватель экспериментальной группы Виктория Викторовна Буйвит записала Наташин голос на магнитофон и сказала: «Вот это история! Хороший фильм получится. Надо попробовать снять его и озвучить Наташиным цоканьем».

Все ребята согласились, а сами принялись дальше небылицы сочинять.

Как судак говорить научился

У Вани Бершадского собака ушла гулять с судаком. И дело было так.

«Жил-был один чудак-судак. Он очень хотел научиться говорить. Но вместо слов у него получалась всякая бессмыслица из пузырьков: «Б-М-Х-М-Ш!» А еще судак хотел дружить. По правде сказать, он и говорить-то хотел научиться ради дружбы. Но рыбы его не понимали и расплывались в разные стороны. Однажды на речке был шторм. В шторм попал Ванин щенок и стал тонуть. И тогда судак посадил его себе на спину и повез к берегу.

— Спасибо! — пролаял ему щенок.

— Пожалуйста! — вдруг вышло у судака.

И тогда у судака выросли ножки, и пошел он со щенком по суше гулять».

— В общем, победила дружба! — заметил солидно Антон Киктенко.

Антон дружить умеет и всегда своим друзьям помогает. Но однажды у него чуть не получилась «помощь наоборот». Вот как было.

Пятиклассник Антон помогал Виктории Викторовне: шел между столами и собирал стихи ребят на вольную тему. И вдруг

На этих страницах — кадры из настоящих мультиков. Сняли их в настоящей мультипликационной студии. Имя у этой студии тоже есть — «Веснянка». Но есть в этой студии кое-что необычное. Хотите узнать что — почитайте.

видит: Андрей Кривошеев, его лучший друг, сидит в уголке и карандаш грызет...

«Шла сороконожка и ела все кругом...» —

написал Андрей первую строчку. А дальше никак.

— Ты не сдавай,— шепчет ему Антон,— спрячь листок и выбросишь потом незаметно, раз не выходит.

Тут Виктория Викторовна заглянула через Андреево плечо и прочитала про сороконожку: «...ела все кругом...»

— А ты нарисуй, Андрей, что она все-таки ела. Что ей могло встретиться по дороге?

Андрей прямо простым карандашом на том же листочке набросал домик с забором, солнышко с тучками и ненасытную сороконожку, которая все это разом и проглотила. Получилось так выразительно, что Антон воскликнул: «Вот обжора-то!» Это он о сороконожке.

— Давайте так и назовем фильм — «Обжора»,— сказала Виктория Викторовна и положила Андрейкину сороконожку в конверт «Будущие фильмы». Вместе с лошадью в яблоках и судаком.

— Вот здорово!— обрадовался Антон.— Я-то хотел сороконожку выбросить, а она теперь на экране оживет, задвигается, а потом и... лопнет от обжорства.

«Вот до чего доводит жадность!» —

— сказал Антон, когда объевшуюся сороконожку разорвали на части. Иначе как покажешь на экране, что она лопнула? Бумажные кусочки сороконожки ребята разложили на стекле, немного раздвинув, и щелкнули камерой. Еще раздвинули — и еще щелкнули. И так, пока вся сороконожка не разлетелась в разные стороны.

На экране получился взрыв.

Пока снимали фильм, даже в одних футболках запарились. Из-за ярких ламп, софитов, в съемочной всегда стоит жара. Но капля пота с Андрейкиного подбородка упала прямо на солнце, и... все пришлось переделывать.

Новое солнце ребята опять уложили на нижнее стекло. Это «задний план». По краям стекла — кубики, на кубиках — второй стеклянный этаж, с сороконожкой. Это «передний план». Сверху если посмотреть: солнце высоко и далеко, а сороконожка близко, бредет по дорожке. Потом у ребят разгорелся спор: озвучивать фильм или нет? Но нам пора было уходить. Мы тихонько прикрыли за собой дверь с цветастой надписью: «Вход только ребятам!»...

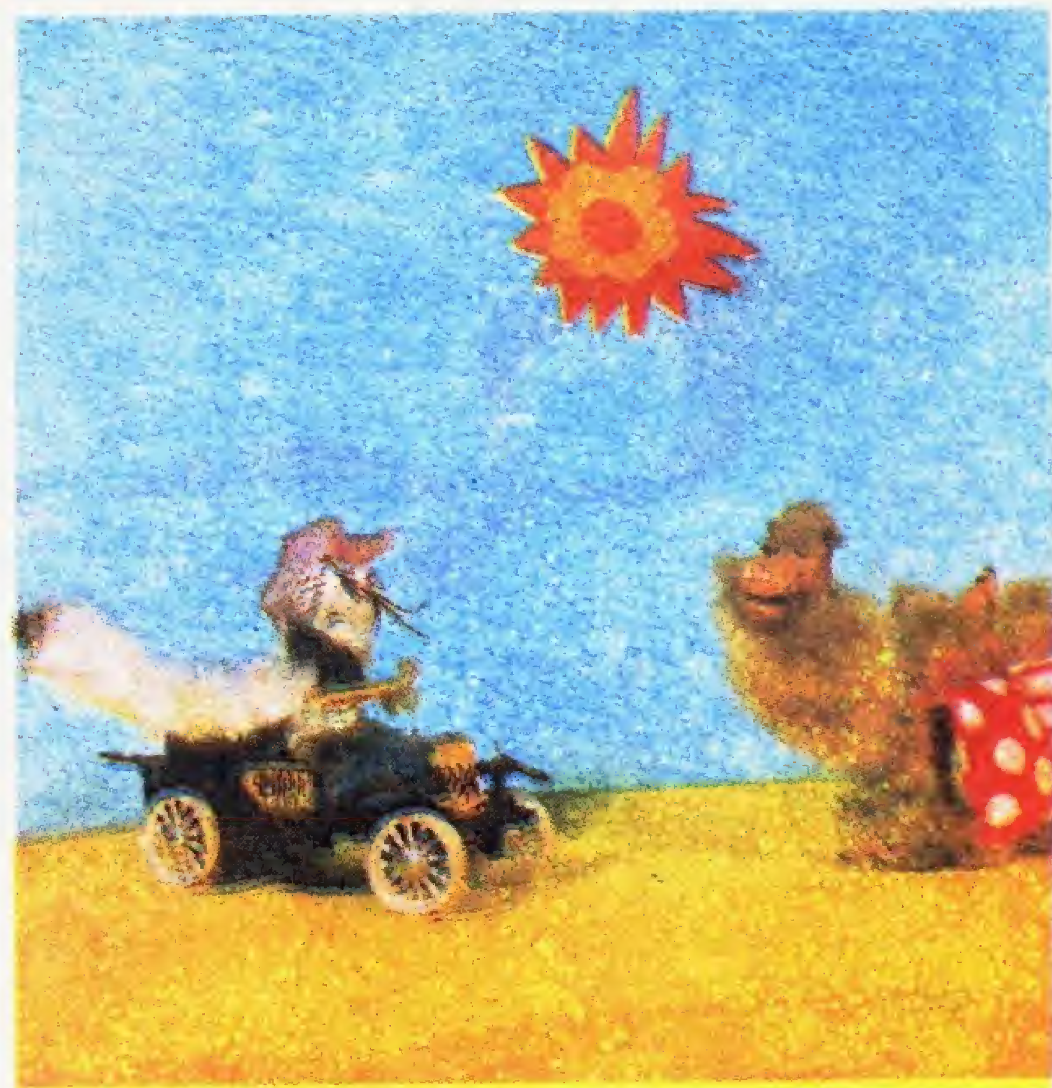
* * *

Понравились вам, ребята, Наташина лошадь и Андрейкина сороконожка? И вы тоже можете сами сочинить занимательную историю и снять по ней фильм. Конечно, не в любом городе или поселке есть студия с кинокамерой и всем необходимым для съемок оборудованием. Но обыкновенный фотоаппарат не такая уж редкость, верно? И поэтому в любой школе вместе с учителем физики или вожатым можно делать диафильмы.

Придумайте интересную историю. Нарисуйте героев на бумаге, потом вырежьте их, разложите на стеклах — сделайте то же самое, что Андрей с Антоном. Над стеклами с рисунками укрепите фотоаппарат. Подумайте над освещением. И не забывайте: самое главное — фантазия, выдумка, воображение! Тогда успех будет обеспечен. «Лошадь в яблоках», например, недавно «доскакала» до самого Парижа и привезла в Днепропетровск высшую награду кинофестиваля детских мультфильмов — Гран-при (Большой приз).

А. АРХАРОВА,
Л. МАКАРОВА.

Фотографии М. МАТУСА.

Сегодня в нашем клубе звучат голоса ребят, участников антивоенных митингов.

Мы, октябрята, пионеры и комсомольцы Беленьковской восьмилетней школы, присоединяем свои голоса к Обращению СИМЕА «Дети хотят мира!». Мы говорим:

«Нет — военным пожарам!»

«Нет — крылатым ракетам!»

«Школы — вместо ракет!»

«Счастливое детство — детям Земли!»

Мы хотим, чтобы нас услышали в штаб-квартире НАТО, там, где планируют новые войны, где мечтают о военном превосходстве, откуда стремятся запугать людей мифом о «советской угрозе».

Миру — мир!

**Ученики Беленьковской восьмилетней школы Одесской области.
Всего сто пять подписей.**

Сверстник, товарищ, друг! Мы призываем решительно бороться за мир!

Мы живем в трудное время. Гибнут дети Ливана и Палестины, Сальвадора и Никарагуа, Гватемалы, Гондураса, Гренады... Империализм стремится развязать новый мировой военный пожар.

Мы хотим, чтобы у всех детей была родина, чтобы дети дружили, жили весело и радостно, как живут советские ребята. Мы не хотим, чтобы наше небо бороздили крылатые ракеты, чтобы рвались бомбы и снаряды.

Пусть услышат наше твердое слово поджигатели войны: «Не дадим взорвать мир!»

**Кожекова Зуля, Волошина Лена, Гусейнов Бахтияр и другие.
Всего двадцать подписей. Город Чарджоу, школа-интернат № 3.**

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Сегодня впервые в этой рубрике мы представляем журнал афганских пионеров «Пишаханьг». В переводе на русский язык «Пишаханьг» означает «Пионер».

Для афганских детей

Когда афганские ребята читают «Пишаханьг», то перелистывают его с конца. Дело в том, что афганцы, как и многие другие народы Востока, пользуются арабским алфавитом. Слова и предложения при этом они пишут и читают справа налево. Поэтому и книги, и газеты, и журналы печатаются как бы наоборот: первая страница у них там, где у нас — последняя.

У журнала есть еще одна особенность. В нем половина статей на языке дари, другая половина — на языке пушту. Эти языки схожи между собой так же, как, скажем, русский и украинский. На дари и пушту говорит бо́льшая часть афганцев.

С первых номеров «Пишаханьг» начал с ребятами разговор об истории Демократической Республики Афганистан. Молодое поколение должно знать, как нелегко далась трудящимся свобода, в каких тяжелых условиях приходилось вести борьбу с тиранией авангарду революции — Народно-демократической партии.

Многие годы партия упорно боролась против реакционного помещичьего режима в Афганистане. Членов партии выслеживали, бросали в тюрьмы, убивали из-за угла. Именно так, от рук наемного убийцы, погиб в апреле 1978 года один из руководителей партии Мир-Акбар Хайбар. Это злодейское убийство всколыхнуло всех простых афганцев. Началась Апрельская революция.

Трудящиеся свергли реакционный режим. Сейчас народное правительство проводит в стране прогрессивные реформы, распределяет помещичьи земли среди крестьян, борется с негра-

мотностью. Все это вызывает ярость и злобу у помещиков и аристократов. На их стороне и международный империализм. Враги Апрельской революции убивают мирных жителей, жгут посевы, дома, школы, разрушают дороги.

Строить новую жизнь помогают народной власти пионеры. Вот один лишь пример. Уезд Панджшир долгое время был базой контрреволюционных банд. Части афганской армии уничтожили бандитов, но после сражения остались сожженные здания, мосты. Вся страна помогала восстанавливать уезд. Пионеры Кабула через журнал «Пишаханьг» обратились к афганским ребятам с призывом собрать для детей уезда учебники, тетради, игрушки, одежду. Сотни пионерских посылок было отправлено в Панджшир в ответ на это обращение.

Вы помните, что герои замечательной повести Аркадия Гайдара «Тимур и его команда» в первую очередь помогали тем малышам, женщинам, старикам, чьи мужья, братья, отцы служили в Красной Армии. Примеру тимуровцев следуют сегодня и афганские пионеры. Журнал «Пишаханьг» дает советы, как лучше организовать тимуровскую помощь. И не случайно «Пишаханьг» начал печатать повесть «Тимур и его команда».

Молод еще «Пишаханьг» — первый номер его вышел в апреле 1982 года. Но журнал успел уже понравиться ребятам. Пожелаем же ему всегда быть впереди на маршрутах пионерских дел.

Е. КИСЕЛЕВ

---

8 ФЕВРАЛЯ — ДЕНЬ ЮНОГО ГЕРОЯ-АНТИФАШИСТА

Ребята! В десятом номере нашего журнала за 1982 год мы напечатали очерк В. Арсирия «Поиск продолжается» о работе кидовцев школы № 10 города Махачкалы. Среди героев поиска юных махачкалинцев — Борис Митрофанович ФИЛАТОВ. Сегодня он гость клуба «Товарищ». Борис Митрофанович рассказывает об одном эпизоде из своей жизни.

МАЛЬЧИКИ ИЗ БУХЕНВАЛЬДА

Бухенвальд... Сюда фашисты привозили людей, обреченных на смерть или вечную каторгу.

Восьмой блок был детским. В нем жили ребята разных национальностей от семи до пятнадцати лет. Конечно, детям приходилось намного труднее, чем взрослым, и подпольщики Бухенвальда всеми силами боролись за их жизнь, стремились вселить в сердца маленьких узников надежду на освобождение.

С весны 1944 года по заданию подполья я работал в так называемой «пакеткоманде». Мы разгружали посылки, приходившие в лагерь от родственников узников и международной организации Красный Крест, и распределяли их по блокам. Распределяли то, что оставалось,— бóльшую часть посылок забирали охранники. В первую очередь мы старались что-то передать детям.

Однажды меня тайком подозвали Николай Симаков и Иван Ногаец, руководители подполья советских военнопленных.

— Вот что, Борис,— сказал Ногаец,— тебе поручается поставить на ноги двух хлопцев из восьмого блока. Помоги им питанием и... вообще ты, учитель, знаешь, как поддержать детей. Хлопцы очень слабенькие.

Ребят звали Сашей и Николаем. Родом они были откуда-то с Украины. Помню только фамилию Николая — Зозуля.

На мальчиков страшно было смотреть, так они отощали. Жизнь в них едва теплилась. Каждый день я приносил им кусок хлеба или черпак лагерной баланды. Иногда целиком отдавал свой паек.

Все свободное время, когда удавалось, старался быть с ребятами. Украдкой от охранников мы забирались на склон горы Эттерсберг. В тихую погоду из ближайших селений доносилось петушиное пение и лай собак. В такие минуты я боялся смотреть мальчикам в глаза. Не передать, сколько в них было тоски, страдания, горя.

Как бы ни приходилось тяжело самому, я делал все возможное, чтобы отвлечь ребят от грустных дум. Часто рассказывал ребятам свою историю, как сила воли помогла мне выжить. В конце 1942 года меня бросили в «палату смертников» блока № 7. Так называлась палата, в которой лежали больные узники. Редко кто выбирался отсюда живым.

Дни моей жизни тоже, казалось, были сочтены. Я страшно отощал, ноги опухли, и я не мог ходить. К тому же простудил легкие. Но вот однажды в какой-то старой немецкой газете, валявшейся в палате, я увидел фотографию родного города Калуги. Во мне как будто все перевернулось. Смерть стояла рядом, а я ее не замечал. Только одна мысль сверлила мозг: выжить, выжить, выжить!.. Полгода я боролся за жизнь. Недуг стал отступать. Любовь к Родине и желание вернуться в родные края победили смерть.

Мальчики каждый раз с волнением слушали мой рассказ. Я чувствовал, что он не оставляет их равнодушными.

Иногда удавалось достать клочок бумаги и огрызок карандаша. И тогда начинался урок: я рассказывал о Ленине, о Москве, о Калуге и Циолковском, учил ребят писать и считать. Мальчикам очень нравились такие занятия. Пусть ненадолго, пусть в концлагере, но они снова ощущали себя учениками.

Наша дружба продолжалась до декабря 1944 года. В конце декабря большую группу военнопленных отправили в один из страшных филиалов Бухенвальда — Ордруф. Там строили подземный завод и стартовую площадку для ракет «Фау».

В ту группу попал и я.

Печальным было наше расставание. Узники Бухенвальда не имели права плакать, но на этот раз мы не сдержали слез.

Судьба оказалась благосклонной к нам — мы снова встретились. В начале апреля 1945-го с приближением американских войск фашисты погнали узников Ордруфа обратно в Бухенвальд. Марш продолжался несколько дней. Без пищи, без воды. С ночевками в открытом поле. Отставших расстреливали на месте. Дорогу от Ордруфа в те дни устилали сотни трупов.

Мне повезло. Я выжил в том страшном походе, дошел до Бухенвальда. Здесь меня и разыскали Саша с Колей. Они повзрослели, возмужали. Теперь уже ребята заботились обо мне: перевязали раны на ногах, раздобыли хлеба...

После войны я долго разыскивал Сашу и Николая. Но безуспешно. Однако надежды не теряю по сей день. Может быть, в поисках мне помогут кидовцы?

От редакции. Свои письма, ребята, направляйте по адресу: 248600, г. Калуга, ул. Театральная, 51, кв. 5. Филатову Борису Митрофановичу. Или в журнал «Пионер».

А. САХАРОВ

Мост через реку Умбилус

Эрнесту Ферейра рыбачил на берегу реки Умбилус. Он внимательно смотрел на оранжевую воду и старался уловить рукой малейшее дрожание лески. Послышался протяжный хлюпающий звук. Это за излучиной реки из воды вылез гиппопотам. Испуганная рыба теперь долго не притронется к живцу.

Эрнесту досадливо сплюнул. Жди, когда успокоится речное царство.

По оранжевой дороге в сторону Саламанки прошли двое парней с поклажей на плечах, видимо, отправились наниматься на строительство трассы. А может, как и отец, хотят работать на лесоповале. На другом берегу появилась женщина с огромной бельевой корзиной на голове. Женщина шла, уперев руки в бока, а корзина покачивалась у нее на голове.

Воздух был полон звуков, какими богата только саванна. Но среди них один Эрнесту мог уловить из тысячи — это шуршание прибрежного тростника.

В тростнике жил крокодил. Давний и лютый враг Эрнесту. Стоило Эрнесту в пылу рыбалки слишком далеко зайти в воду или ступить на плот, сколоченный отцом для переправы на другой берег, как крокодил бросался к мальчику.

Эрнесту ненавидел и боялся крокодила. Если бы можно, он никогда не пришел сюда, чтобы никогда не видеть этого речного чудовища. Но Эрнесту должен идти на берег реки каждый день. Потому что для него рыбалка была не детской забавой, а работой. В его возрасте каждый житель саванны уже помогает семье, добывает хлеб насущный.

Отец Эрнесту трудился на лесоповале. Он уходил туда пешком на восходе солнца в понедельник, а возвращался лишь в субботний вечер. Весь воскресный день отец отдыхал — бродил среди хижин и очагов, сидел под деревом и слушал старенький, хрипящий транзистор. А чаще всего выходил на оранжевую грунтовую дорогу, что вела в сторону трассы, и смотрел на проходящие мимо грузовики. Они шли из Саламанки и Понте де Оро, от самого океана, везли щебенку, и другие стройматериалы, и еще уйму новостей.

И весь воскресный день Эрнесту уже не ловил рыбу. Он был рядом с отцом. А вечером слушал его рассказы о лесоповале. Он даже мог представить могучих людей с топорами в руках, которые валили вековые эвкалипты. И урчащие тягачи, которые волокли их к трассе. И огромные, груженные лесом автоплатформы, отправляющиеся в Мапуту. Автоплатформы проходили Саламанку еще на умеренном ходу, потом осторожно, погромыхивая, въезжали на мост через реку Умбилус — мост, который соединял их край со столицей республики,— а дальше уже мчались во всю прыть. Они спешили, их ждали везде. Лес очень нужен республике. Иногда в понедельник утром Эрнесту провожал отца на работу. Он шел с ним мимо рощи красного дерева, потом мимо банановых деревьев и молодого соснового леска. Там, где начиналось болото, он обычно прощался с отцом и лишь раз или два проводил его до самой трассы, до того места, где густые заросли тензивы подступают почти к самому мосту. Мост оставался слева, а отец уходил направо. Эрнесту не бывал дальше этого моста, но считал, что знает о своей стране почти все. Он знал, что трасса, которую прокладывает его отец, упирается в бухту, на берегу которой стоит самый прекрасный город в мире — Мапуту.

Он знал, что долгие годы в белых домах Мапуту жили белые люди, португальские колонизаторы, что они нежились на золотистых пляжах Понте де Оро, а им, коренным мозамбикцам, туда путь был заказан.

Народная революция изменила жизнь Эрнесту и тысяч таких, как он. Теперь в белых домах Мапуту живут африканцы, а в Понте де Оро купаются чернокожие ребятишки. Знает Эрнесту и то, что весь урожай кукурузы, сахарного тростника и чая, который выращивает его мать на клочке земли, отвоеванном у саванны, принадлежит теперь его семье и не надо отдавать урожай белому фермеру в Саламанку в уплату за землю.

Он никогда не был в Понте де Оро, но знал, что там кончается земля Мозамбика и начинается земля Южно-Африканской Республики.

От Понте де Оро лишь два километра до границы с ЮАР. С той стороны через джунгли и болота, от истоков реки Умбилус, тайно, минуя посты Народной армии, идут бандиты. Они взрывают нефтехранилища и убивают людей, пускают под откос поезда и отравляют питьевые источники. Эрнесту никогда не видел бандитов, но люто ненавидел их...

Жара немного спала. Эрнесту закрепил леску двумя большими голышами и прилег на берегу. Он смотрел в подернутое дымкой небо и думал о том, как велик мир и сколько в нем интересных вещей: и звери, и птицы, и тягачи, и автоплатформы, и трасса, и мост через реку Умбилус... Вдруг он услышал почти над головой быстрый гортанный говор.

Эрнесту приподнял голову и увидел солдат, одетых в форму Народной армии Мозамбика. Солдаты подходили к берегу реки, выйдя, видимо, из леса. В руках у них были автоматы. Двое несли плоские зеленые коробки.

Эрнесту чуть было не поднялся и не выбежал им навстречу: не часто увидишь так близко бойцов Народной армии,— как вдруг один из солдат сказал: «Вон он, проклятый мост. Через час от него останутся одни щепки!»

Солдаты спустились к реке, разделись по пояс и стали обмываться. Они негромко переговаривались между собой, и Эрнесту догадался, что никакие это не бойцы Народной армии, а вражеская банда. Бандиты пришли с чужой стороны, чтобы взорвать мост через реку Умбилус. Эрнесту понял еще, что такая же банда направилась в среднее течение реки — к железнодорожному мосту, а третья пробирается сейчас к реке Лимпопо. Ее задача — тоже взорвать мост.

Солдаты плескались и разговаривали открыто, не боясь проходивших мимо грузовиков. Водители махали им из кабин руками. Солдаты в ответ кивали и улыбались. Кто мог знать, что это за люди на самом деле?

Потом бандиты оделись, взяли свои автоматы и двинулись к лесу. Эрнесту догадался: они будут выходить к мосту не по дороге, какой обычно отец уходит к Саламанке, а по опушке леса, чтобы не попадаться на глаза патрулям Народной армии. Бандиты, сообразил он, пройдут рощу красного дерева, потом уйдут вправо, так как за рощей начинается большое болото. Дорога и лес на несколько километров отодвинутся от реки. На этот путь уйдет не меньше часа. Как же опередить бандитов? Как предупредить охрану моста?

Эрнесту выскочил на дорогу, надеясь встретить машину. Но дорога на этот раз была пустынна: ни пешехода, ни повозки, ни машины. И тут Эрнесту вспомнил: плот! У него же есть плот! По реке при ее стремительном течении он скорее достигнет моста, чем по суше. Подгонит плот к берегу у самого моста и расскажет солдатам боевого охранения о бандитах.

Эрнесту прыгнул на плот, отвязал его от прибрежного куста и оттолкнулся веслом. Быстрое течение подхватило плот и понесло на середину реки. Эрнесту погрузил весло в воду, выровнял плот так, чтобы его не кружило. В тот же миг взгляд выхватил из оранжевой пучины крокодила. В следующее мгновение крокодил исчез с глаз. Но Эрнесту почувствовал, что там, в глубине мутного потока, тяжелым снарядом несется за ним давний враг...

Плот неожиданно качнуло так, что Эрнесту чуть было не свалился в воду. Он оглянулся и увидел, что крокодил, беззвучно раскрывая розовую пасть и цепляясь за бревна короткими лапами, пытается влезть на плот!

Эрнесту закричал, что есть силы ударил по крокодильим лапам. Крокодил соскользнул в реку, но тут же начал новый приступ. Эрнесту вновь поднял весло и опять ударил крокодила по лапам, а потом стал спихивать его со скользких бревен. Плот развернулся по течению и теперь несся боком, качаясь на волнах, как яичная скорлупа. Эрнесту стоило большого труда сохранить равновесие.

На какое-то время крокодил скрылся из виду, но мальчик знал, что хищник не отступит. Не в его правилах отпускать добычу, когда она плывет сама в пасть.

И вот новая атака. Крокодил с разгона ткнулся в плот, выкидывая далеко вперед передние лапы и отчаянно мотая хвостом по воде, будто попался на крючок.

Никогда еще так близко не видел Эрнесту разъяренного царя рек. Страх и отчаяние охватили мальчика.

Краем глаза Эрнесту уловил, что уже проплывал мимо болота. Бандиты должны быть далеко позади. Он опередил их, намного опередил. Ах, если бы не это чудовище... Собрав всю волю и силы, Эрнесту снова принялся молотить веслом по лапам и страшной крокодильей пасти. Он, наверно, отбился бы, но тут случилась беда: изловчившись, крокодил ухватился за весло. Раздался треск, и в руках Эрнесту остался лишь маленький обломок. От досады Эрнесту готов был разрыдаться. Теперь он безоружен против своего врага.

Огромная тень моста легла на плот. Эрнесту отчаянно закричал: он не мог причалить к берегу и испугался, что река пронесет его мимо патруля. Он уже не думал о крокодиле и смертельной опасности, нависшей над ним. Все мысли сейчас были там, на мосту...

Его услышали. От берега наперерез плоту устремилась моторная лодка с солдатами боевого охранения.

Крокодил, заслышав звук мотора, поспешно нырнул в реку.

...Эрнесту сидел рядом с дежурным, пил чай и смотрел, как тот время от времени выходил на трассу навстречу проезжающей автомашине. Поднимал руку, приказывая остановиться, и проверял у водителя документы. Мост жил обычной жизнью.

Эрнесту допивал вторую кружку вкусного горячего чая, когда неподалеку раздались резкие дробные звуки. Будто кто-то швырял орехи на лист железа. Одну горсть швырнул, вторую, третью... Потом звуки стихли.

— Ну вот и все,— просто сказал дежурный.— Они не прошли.

Рисунок Л. ХАЧАТРЯНА.

Олег Семенович СМИРНОВ, автор этого очерка,— партизан Великой Отечественной войны. Он стал партизаном сразу же после окончания школы. Немудрено, что пишет он о партизанской жизни.

СХВАТКА

Шел июль 1943 года.

Трехмоторный транспортный самолет «юнкерс-52» не спеша летел над полями и перелесками Псковщины. На его борту двадцать фашистских офицеров улетали отдыхать в Ригу.

Изредка пилоты переговаривались по рации с базой. Опасаться гитлеровцам вроде бы было нечего: внизу оккупированная войсками Гитлера территория, на всех полустанках железной дороги — зенитки, рядом — большой Идрицкий аэродром, откуда по первому сигналу поднимутся в воздух истребители прикрытия.

Но случилось непредвиденное. Внезапно отказала рация. С перебоями стала работать левая группа моторов, отключился правый двигатель. Машина начала терять высоту и управление. В иллюминаторы пилоты и офицеры-отпускники увидели, что летят над заболоченной, поросшей кустарником низиной. А за ней на косогоре стояла одинокая деревушка...

В тот день партизанский пулеметчик Михаил Трусов был отпущен на один день — навестить родителей. До войны Михаил работал на машинно-тракторной станции, сначала прицепщиком, потом трактористом. А с лета сорок второго года воевал в партизанской бригаде, в отряде Булыгина. И ровно год не был в родных местах.

Сидели, разговаривали. Старики рассказывали, как зверствуют фашисты, а Миша — как фашистов бьет, о рейдах по тылам врага, о боях с карателями, о «рельсовой войне», о засадах, о дальней разведке...

И вдруг сестра, сидевшая у открытого окна, вскрикнула. К дому шли незнакомые люди. Они были вооружены.

Михаил глянул в окно. Сразу определил, что к деревне приближаются партизаны. А еще через секунду понял, что это отряд Чеснокова, из его же бригады. И возвращается он из ночного рейда.

Только расположился отряд на привал, как услышали все шум самолетных моторов. А через минуту увидели, как «юнкерс-52» упал за деревней.

Чесноковцы бросились к самолету, стали окружать его.

Офицеры успели выскочить из «юнкерса» и теперь пытались скрыться в кустарнике.

Михаил с детства знал в этом лесу каждый кустик и сразу понял, что офицер, которого он догонял, спрятался на крохотной полянке.

— Стой! — крикнул Михаил.— Бросай оружие! Руки вверх!

Офицер пристально смотрел на него, как бы оценивая положение. На ремне у Трусова он увидел только нож. Карабин Михаил впопыхах оставил в доме. Фашист выхватил «вальтер», прицелился и выстрелил. Пуля оцарапала висок, алая струйка пробежала по щеке. Гитлеровец выстрелил еще раз. Теперь пуля впилась в левую руку выше локтя. Следующая задела плечо, две другие навылет пробили грудь. Фашист стрелял почти в упор.

Трусов шел на врага, сжав в руках нож.

У офицера в обойме осталось четыре патрона. Он стрелял... Две пули впились в правое бедро Михаила. Снова два выстрела подряд: одна пуля ударила в грудь, другая — в левую ногу.

Гитлеровский офицер судорожно потянулся к кобуре за новой обоймой, надеясь быстро перезарядить пистолет. В этот момент Михаил Трусов, сделав нечеловеческое усилие, ударил врага ножом в грудь. Гитлеровец рухнул. Михаил упал рядом. Его нашли без памяти в багульнике, когда партизаны уже выиграли бой.

Партизанский хирург насчитал восемь ранений, три из которых пришлись на грудь. Положение было безнадежное.

Одну за другой хирург извлекал пули, но Михаил не приходил в сознание. Вводили камфору, ложечкой вливали в рот бульон. Молодой организм отчаянно боролся.

А через три месяца партизан Михаил Трусов снова воевал в партизанской бригаде. В составе краснознаменной стрелковой дивизии Михаил Трусов с боями дошел до Германии и штурмовал Берлин...

Борис КАМИР,
заслуженный работник культуры РСФСР,
зам. главного редактора издательства «Детская литература»

ВЛАСТИТЕЛЬ ДУМ

РАССКАЗ О БЫЛОМ

Рисунки В. ДУДКИНА.

За долгую-долгую издательскую жизнь у меня собралось немало дорогих сердцу книг с фирменным знаком: «Детиздат ЦК ВЛКСМ», «Детгиз», «Детская литература». Книги эти как живые существа, горячие, говорящие, добрые, умные. Независимо от того, когда они увидели свет — пятьдесят лет назад или только вчера, они для меня всегда новы, современны, любимы.

И все же в книжном этом братстве есть одна книжечка, которая если бы и была одной-единственной, все равно считал бы себя счастливым человеком...

Из заветного уголка достаю тоненькую, в размер ученической тетради книжку в плотном картонном переплете, оклеенном светлой, теперь уже слегка выцветшей бумагой. На верхней половине обложки фотография юноши, скорее подростка, в мохнатой папахе, с лицом, на котором едва-едва пробиваются штришки усов. Темные спокойные глаза смотрят пристально, и вы чувствуете в них что-то очень глубокое, свое...

Под фотографией название книги: «Детство и юность Владимира Маяковского» и имя автора: «А. А. Маяковская». Посвящение на первой странице: «Памяти моего сына» — не оставляет сомнений. Да, эту книжку написала мать поэта Александра Алексеевна Маяковская, «дорогая моя милая и родная мамочка», как обычно обращался к ней Владимир Владимирович. На титульном листе подзаголовок: «Из воспоминаний матери». Книжка увидела свет тридцать лет назад. Выпущена детским издательством в 1953 году.

...Года за полтора до этого зимним февральским днем у нас в редакции побывала Людмила Владимировна — сестра поэта. Пришла посмотреть, «подержать в руках», как сказала она, издание знаменитой поэмы «для детков» «Что такое хорошо и что такое плохо» с иллюстрациями художника Алексея Федоровича Пахомова.

Людмила Владимировна, сама художница, тонкий знаток рисунка и цвета, была удивлена и обрадована.

Серия — «Мои первые книжки. Библиотечка детского сада». Тираж — 500 тысяч экземпляров. А рядом с этой тоненькой книжицей в мягкой обложке лежит книга большого формата с мальчиком на переплете. Мальчик читает: указательный палец правой руки поднят этаким восклицательным знаком. Смотрите: «В. Маяковский «Детям». И это тоже художник Пахомов. Он создал картинки ко всему маяковскому богатству, адресованному детям: «Конь-огонь», «Кем быть?», «Майская песенка», «Это книжечка моя про моря и про маяк»... Все, все.

— Володя бы одобрил вполне. Пахомов прочитал его и понял, как никто другой.— Людмила Владимировна листает страницу за страницей, рассматривает каждый рисунок.

Инна Ивановна Кротова, товарищ по редакции, делится с гостьей нашим замыслом, просит Людмилу Владимировну написать о Маяковском. Для школьников и пионеров. Предложение это встречает решительный отказ:

— Не считаю себя вправе браться...

— А если только о детстве? Здесь, на Мало-Черкасском, мы давно лелеем эту мысль.

— На Мало-Черкасском... Да-да, Володя хорошо знал этот дом, и я как-то провожала его сюда в «Комсомолку».

Это любопытно. Наше издательство помещалось и помещается сейчас на Дзержинской площади в Мало-Черкасском переулке, где в начале 30-х годов находилась редакция «Комсомольской правды». Владимир Владимирович часто вышагивал нашими коридорами. Нагибал голову, когда входил в редакционные комнаты: для него, ростом чуть не в сажень, все двери были низкие...

— Знаете, товарищи,— Людмила Владимировна явно смягчилась,— я посоветуюсь с мамой. Если хотите, дня через два созвонимся.

...На днях, уже готовя этот рассказ о былом, я поехал по адресу, оставленному тогда Людмилой Владимировной. Легко нашел дом № 6 в Студенецком переулке на Шмитовском проезде и, поднявшись на 3-й этаж, остановился перед невысокой, тускло окрашенной дверью. Медный кружок с выпуклыми буквами «Прошу позвонить» приглашал разок-другой провернуть металлический лепесток.

Тогда, в 1952 году, на звонок, проигравший за дверью, откликнулась Александра Алексеевна, мама Владимира Владимировича. Она ждала нас, встретила, как добрых знакомых, пригласила к столу «попить чайку с крендельками, их Володя очень любил».

В ту пору Александре Алексеевне было 85 лет. Невысокая, худенькая, с гладко зачесанными седыми волосами, она была само обаяние, сама доброта. Пытливые глаза, пожатие твердой руки, весь облик располагал к себе. Трепетное состояние Инны Кротовой и мое легко понять: мы в гостях у матери Владимира Владимировича Маяковского, слышим ее тихий и вместе с тем такой четкий и ясный голос, что, кажется, доходит до тебя не только каждое сло-

во — каждая буква, каждый звук. Подумалось, не отсюда ли **его** манера разговаривать, бесконечно уважительная к человеку и одновременно твердая, когда рассержен — резкая, бьющая наотмашь.

— Садитесь, товарищи, Люда мне говорила. Очень хочу помочь, но сами знаете, годы и...— Александра Алексеевна хлопочет за столом, подвигает чашки, сахар, крендельки.— Володя здесь бывал у меня часто. После каждой поездки непременно. Не доведется прийти — позвонит... «Алло? Мама?..» — Голос у нее еще тише.— Знаете, слышатся мне иной раз шаги в прихожей, будто палка постукивает и дверь вот-вот откроется...

Людмила Владимировна успокаивает маму.

В тот первый день мы пробыли у Маяковских довольно долго, условились встретиться еще.

— Люда мне поможет, запишет, а письма, фотографии вот здесь, в шкатулке, она у меня всегда под рукой.

Александре Алексеевне все было интересно. Инна Ивановна улыбалась.

— Студенткой бегала в Политехнический слушать Маяковского. Всеми правдами и неправдами пробиралась туда...

А у меня сложилось по-иному.

В классе легкий рабочий гуд. Потрескивают перья, вдетые в ручки-вставочки. Перья ученические с золотым отливом, на плечиках выдавлено загадочное «86». Стеклянные чернильницы-непроливашки мы приносим из дома. Тетради, перья и фиолетовые чернила получаем в классе.

За окнами большой черноморский город. Улицы тонут в купах белых акаций и каштанов. Лепестки акации вкусные, сладкие. Положишь в рот — отобьешь голод, а каштаны — конские, их не съешь, они попусту манят глаз круглыми блестящими бочками.

Кончилось страшное время белогвардейщины. Советское теперь навсегда.

Мы ученики единой советской трудовой школы! Ходим в одесскую школу № 20 имени Льва Николаевича Толстого. Учимся с радостью, с восторгом. Перед началом уроков учителя торжественно приветствуют нас: «Здравствуйте, товарищи!» — и на перекличке по классному журналу обращаются к каждому на «вы».

На черной доске, занявшей чуть ли не всю стену, великолепным учительским почерком выведено мелом: «Части речи. Имя существительное...». Упражнения и задания мы тщательно переписываем с доски в свои тетрадки.

И вдруг. В руках у преподавателя русского языка Аркадия Аркадьевича Автономова аккуратно сложенная газета. «Сейчас я помогу вам усвоить науку». С этими словами он раскрывает газетный лист и громко читает, выделяя каждое слово и вовлекая нас в торжество взрывного стиха:

Бейте в площади бунтов топот!
Выше, гордых голов гряда!
Мы разливом второго потопа
перемоем миров города.

Дней бык пег.
Медленна лет арба.
Наш бог бег.
Сердце наш барабан.

Есть ли наших золот небесней?
Нас ли сжалит пули оса?
Наше оружие — наши песни.
Наше золото — звенящие голоса...

Класс цепенеет. Такого еще никто и никогда не слышал.

Новое? Не просто новое. Ошеломляющее. Конечно, доходит не сразу, но когда с учительской подмогой смысл был постигнут, каждый из нас почувствовал себя грамотнее, умнее. В тот первый год новой ученической жизни мы были убеждены, что школьный час со стихами Маяковского нам дала Советская власть, дала вместе с хлебом, школой, ученической тетрадью...

Тогда на уроке в трудшколе мы не знали того, что сам Маяковский о первых прочитанных в детстве революционных стихах в своем «Я сам» скажет так: «Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединились в голове». Именно это же чувствовали и мы, впервые услышавшие его стихи.

Аркадий Аркадьевич продолжал:

— Радости пей! Пой!
В жилах весна разлита.
Сердце бей бой!
Грудь наша — медь литавр.

Товарищи! Это написал Маяковский. Называется «Наш марш». Газета пришла к нам с опозданием на три года, но поэт нисколечко не повинен. Наш марш — истинно наш! Поблагодарим поэта!

С этого классного часа стихи Маяковского и новая, советская жизнь стали для нас одним целым.

В конце урока Аркадий Аркадьевич сказал:

— Пушкинское «Властитель наших дум» было адресовано Байрону. А мы с вами отнесем эти прекрасные слова к поэту Владимиру Маяковскому. Согласны, товарищи?

Класс громыхал.

Школьный год стал годом поэта. Один-единственный экземпляр «Облака в штанах» был зачитан до дыр. Друг друга мы встречали стихами:

У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огрóмив мощью голоса,
иду — красивый,
двадцатидвухлетний.

Изумлялись гениальному предвидению:

Где глаз людей обрывается куцый,
главой голодных орд,
в терновом венце революций
грядет шестнадцатый год...

Страстно хотели приблизить к себе и испытать чувство, о котором говорил поэт:

—Allo!
Кто говорит?
Мама?
Мама!
Ваш сын прекрасно болен!
Мама!
У него пожар сердца,
Скажите сестрам, Люде и Оле,—
ему уже некуда деться...

Мог ли я, тогдашний школьник, живший где-то на черноморском юге, предположить, что пройдут годы, десятки лет, и я на самом обыкновенном послевоенном московском троллейбусе поеду на краснопресненский Шмитовский проезд, войду в Студенецкий переулок, поднимусь на 3-й этаж и встречусь — подумайте только — с мамой великого поэта Александрой Алексеевной, прикоснусь к ее руке, услышу рассказ о сыне?! Нет, такая фантастическая мысль мне в голову и прийти не могла.

...Февральский вечер выдался холодный, дождливый. Стоять у приземистого здания театра оперетты было неуютно и, по здравому размышлению, бесцельно. Публика шла степенно и важно, не обращая внимания на шумную братву, томившуюся у подъезда. В самом деле, чего ждать? Билеты проданы, да и в кармане «ни копья...». Уходить, уходить надо, и поскорее. Кепка и куртка промокли, подметки чавкают.

В следующее мгновение произошло такое, что ни представить, ни понять было невозможно. Театральная дверь под наружным крохотным козырьком, с которого струей стекал дождь, неожиданно распахнулась, и вся наша безбилетная «шпана» беспрепятственно втолкнулась в переполненный партер, оттеснив и ошарашив видавших виды билетерш. Средний проход — он был единственный в зале — сразу заполнился, помню только сплошные мокрые затылки, и мне пришлось шмыгнуть куда-то вправо и с тыла втиснуться в крайнюю ложу бенуара...

Гроза нарастала: «Безобразие!» «Черт знает что!!!», «Не дают спокойно сидеть!!!». Солидная публика в чинных креслах партера и лож шумит, размахивает руками, кричит.

Именно в этот момент по залу разнесся громовой голос, начисто перекрывший партерный писк и визг:

— Граждане, успокойтесь! Это я разрешил впустить молодых. Пусть слушают. Ваши оплаченные места никто не тронет. А они постоят.

Перед рампой в середине пустой сцены с одиноким затрапезным обшарпанным стулом стоял он — Маяковский. Высокий, крупный, мощный. Коротко стрижен. Белоснежный воротник рубахи со строгим тем-

Владимир Маяковский — ученик Строгановского промышленно-художественного училища, 1910 год.

ным галстуком. Публику успокоил и замолк. Крепко сжал рот.

Таким в 20-х февральских числах 1924 года я впервые увидел и услышал Владимира Владимировича. Пасмурный вечер закончился солнечно и запомнился на всю жизнь. Не только я, все мы были им осчастливлены. Великий, щедрый человек!

А Маяковский разговаривал, читал, отвечал на вопросы.

Из зала:

— Кто, по-вашему, лучший из молодых?

— Отвечаю. Ваш земляк, поэт Семен Кирсанов.— И как бы на одном вздохе: — А ну-ка, Семец, выходите-ка сюда.

Худой, быстрый, улыбчивый, совсем юный, семнадцатилетний Кирсанов взлетает на сцену по утлой лесенке. На лице его радость. Становится рядом слева. Смотреть — умора. Владимир Владимирович выше его головы на две, не меньше. По какому-то неуловимому взгляду отошедшего в сторону Маяковского Кирсанов начинает:

— «Бой быков». Маяковскому.

Голос у него острый, высокий, срывающийся на верхних нотах. Трагическая и трогательная история быка, погибающего ради беснующейся знати — «веера, эполеты, веера»,— захватывает зал. И у Маяковского на лице боль. «...А бык даже крикнуть не может: ой! Он давится хриплым:— Ммм-уу...»

Зал затихает. Владимир Владимирович подходит к своему молодому другу, бережно, по-дружески, по-отечески охватывает его плечи опущенной левой рукой, пристально смотрит в зал. «Смотрите, каков! Настоящий помощник. Доверяю!»

— Спасибо, Сема!

Во вторник, 6 июля 1926 года, севастопольская газета «Маяк коммуны» извещала: «Сегодня в клубе имени Шмидта состоится в первый раз в Севастополе вечер поэта Владимира Маяковского». Накануне комсомольский агитпроп Ростик Собченко спрашивает: «Слышал?» «Слышал». «Будешь?» «Обязательно». «Давай, приветствуй от нашей комсомолии»...

В фойе клуба пустовато. Окошечко в углу с надписью «Касса» едва освещено. Под белесой электрической лампочкой на шнуре скучающая кассирша. Скоро начало, а в фойе человек десять — пятнадцать, не больше. Перешептываемся, ждем. Появляется какой-то солидный дядечка с брюшком — заведующий клубом. Несет несусветную чушь насчет того, что лекция отменяется, так как, видите ли, он не получил обусловленной договором суммы... Его перебивают, стыдят, но с него как с гуся вода, ему все нипочем.

Ситуация невероятная. Собравшиеся облегченно вздыхают, когда в фойе входит сам Маяковский. Шаг отбивает тяжелой палкой. Рассержен до крайности. Зол, возмущен. Ему дают дорогу, и он, не замедляя шага, каким-то ловким движением вмиг оказывается на стуле у окна и со стула, сверху, чуть подавшись вперед, чтобы его лучше слышали, говорит:

— Все объясняю сам!

Собравшиеся узнают, что местные дельцы вечер не подготовили, сорвали, условия договора не выполнили, вдобавок все сваливают на него, Маяковского, кроют нехорошими словами.

— Я готов хоть сейчас выступить бесплатно, но зав,— Владимир Владимирович скашивает глаза в сторону человечка с брюшком.— лекцию самочинно отменил.— И, чеканя каждое слово, добавляет: — Если товарищи севастопольцы хотят меня слушать, подайте заявку в ВЦСПС, и я немедленно к вам явлюсь!

И вот его уже окружили, наперебой успокаивают.

Владимир Владимирович спрашивает, далеко ли до райкома партии.

— Близко! Проводим!!

— О-т-т-лично!

Старинное массивное здание обращено фасадом к Графской пристани, сквозь колонны которой просвечивает море. Справа от клуба, чуть поодаль, на противоположной стороне улицы Ленина, белый двухэтажный дом, выложенный из инкерманского известняка. Это и есть райком. От клуба несколько шагов.

Еще не стемнело. Редкие в этот час прохожие наблюдали живописную сцену: высокий человек с открытой головой вышел из клуба и, сойдя с тротуара, размахивая палкой, крупно шагнул на мостовую. За ним еле поспевала стайка ребят...

Спустя два дня севастопольцы прочитали в газете письмо Владимира Владимировича. «Приношу большое извинение всем собравшимся 6 июля на мою несостоявшуюся лекцию. Причина срыва лекции — неумелость организаторов и их нежелание не только выполнить заключенный договор, но даже входить в какое-нибудь обсуждение по этому поводу». В своей приписке редакция полностью подтвердила доводы, высказанные автором письма, и еще раз подчеркнула, что «т. Маяковский, изъявивший готовность выступить бесплатно, был лишен этой возможности».

Слово свое Маяковский сдержал. История эта имеет отличное завершение. В следующем году

Александра Алексеевна Маяковская среди пионеров, 1938 год.

Владимир Владимирович вновь приехал в Севастополь. Город и флот ждали любимого поэта. Готовились к встрече, как к празднику. Литературный вечер превзошел все ожидания.

Уже за час-полтора до назначенного времени народа пришло столько, что вместительный зал клуба «Пролетарская кузница» впустить всех не мог. Но люди не расходились, и у здания клуба на улице Карла Маркса собралась тысячная толпа. Движение прекратилось. Веселые летние вагончики трамвая, открытые для входа и выхода, застыли по обе стороны улицы.

Южный вечер окутал город. Стемнело. Из больших, настежь открытых окон клуба бьет яркий свет. Улица притаила дыхание. Внимание всех — туда, к верхнему этажу. И трудно поверить, но я свидетельствую: огромное скопище людей, окруживших здание клуба «Пролетарская кузница», слушало выступление поэта, стоя на тротуарах и мостовой. И ни один человек не ушел.

А вечер свой Владимир Владимирович построил точно так, как замыслил еще в прошлом году: «Разговор-путешествие», «Стихи и поэмы о разных странах», «Новые стихи».

Маяковский разговаривал с Севастополем.

Севастополь слушал Маяковского.

Незабываемый вечер 5 августа 1927 года.

Молодая литература города рождалась в цехах Морзавода, на кораблях Черноморского флота, в мастерских Военпорта, на стройках Коммунхоза и железнодорожных станционных путях. В местных газетах — городской и военно-морской — вышли первые литературные страницы. Литобъединение получило право послать делегата в Москву на I съезд пролетарских писателей. Делегат Севастополя (слово мне было дано в самом начале) выполнил наказ своих товарищей, спросил с трибуны: чем объяснить, что Маяковского нет на съезде, кто и почему отталкивает его от пролетарской литературы?

Ответ легко было найти на страницах выходившей тогда газеты с многообещающим названием: «Читатель и писатель». В дни работы съезда, а именно 5 мая, «ЧиП» поместил статью «Маяковский». Последняя фраза в ней звучала так: «Он идет вместе с миллионами живых людей, тяжелой и бодрой большой дорогой истории». Хорошие слова, верная оценка, но «чиповцам» это не по нутру, и они «подвесили» к статье редакционное примечание, в котором откровенно признались, что с такой характеристикой не согласны «вследствие резко субъективной оценки творчества Маяковского, слабые стороны которого автором не освещены».

В. В. Маяковский, 1928 год.

Вот какая складывалась обстановка. Маяковского на всех перекрестках обзывали «попутчиком». Дельцы от литературы хотели ударить его как можно больнее. А он срывал с себя этот оскорбительный ярлык и бросал в лицо обидчикам:

Мы рядом
пойдем
дорожной пыльцой.
Одно
желание
пучит:
мне скучно —
желаю
видеть в лицо,
кому это
я
попутчик?!

Через несколько месяцев после съезда, 22 декабря 1928 года, на вечере в Доме Герцена недвусмысленно заявил: «Я считаю себя пролетарским поэтом, а пролетарских поэтов ВАППа — себе попутчиками». Проходит еще двенадцать дней. 3 января 1930 года пишет заявление, просит принять его в ассоциацию пролетарских писателей, мотивирует кратко и категорично: «...в осуществление лозунга консолидации всех сил пролетарской литературы...»

В этом он весь.

Маяковский предвосхитил будущее, видел день, когда литературные силы Страны Советов объединятся и образуют единый, многонациональный, окрыленный ленинским знаменем Союз писателей СССР. Полувековую дату этого знаменательного события советские люди отмечают в августе этого года.

Александра Алексеевна обладала удивительным даром — рассказывала живописно, ярко. Послушаешь ее и будто побываешь в тех местах, где жила семья, где росли дети — сестры Люда и Оля, младший, Володя.

В селе Багдади дома разбросаны далеко друг от друга. Вокруг сады, виноградники, огороды. Лес, населенный хищниками, подходил так близко к дому, что ночью подкрадывались шакалы и слышен был дикий вой. Дальше за селом — неприступные горы с нехожеными тропами, перевалами, ущельями, пещерами.

Как-то возвращались домой с гор. Было темно и жутко, стояла полная тишина, и только шумела река. Зажглись факелы. В свете огня увидели змей, переползавших дорогу. Боялись наступить на них. Подбадривали себя песнями, и эхо голосов отдавалось в густом лесу...

Володя рос любознательным, интересным мальчиком, и все охотно проводили с ним время. Книги полюбил с четырех лет, постоянно просил прочитать что-нибудь «правдушное». С первой самостоятельно освоенной книжкой произошел конфуз. «Какая-то «Птичница Агафья». Если б мне в то время попалось несколько таких книг — бросил бы читать совсем» — это признание из автобиографии «Я сам». Слезливый, сюсюкающий детский рассказ Клавдии Лукашевич вызвал отвращение.

— Возненавидел подобное чтиво на всю жизнь,— говорит Александра Алексеевна.

В семь лет Володя выучился ездить верхом на лошади, и отец брал его с собой в разъезды по лесничеству. С сестрой Олей любили бывать на водяных мельницах, смотрели, как крестьяне мелют кукурузные зерна, любовались водопадами, с шумом обрушивающейся водой. Охотно знакомились с крестьянами, свободно разговаривали по-грузински.

Запомнился эпизод с чури. Громадные кувшины для вина выставили во двор — помыть и почистить. Володя залез в чури и сказал Оле: «Отойди подальше и послушай, хорошо ли звучит мой голос?» Стал читать «Пастуха» Майкова: «Был суров король дон Педро...» Чтение получилось отличное — громкое, звучное.

Продолжались наши беседы, подвигалась вперед и рукопись. Перед глазами «весомо, зримо» проходила жизнь семьи Маяковских. После смерти отца переехали в Москву. Здесь все было ново. В тринадцать лет Володя выглядел на несколько лет старше, был развит не только физически, но и умственно. Иван Богданович Караханов, знакомый семьи, который занимался с Володей, характеризовал его как очень

серьезного, вдумчивого, политически грамотного и подготовленного для революционной работы.

Именно на эти годы ранней юности пришлась его подпольная работа. Царская полиция три раза арестовывала несовершеннолетнего Маяковского, охранка дала ему кличку «Высокий». После выхода из тюрьмы он решил «делать социалистическое искусство». Учился в Строгановском промышленно-художественном училище. Оттуда исключили за пренебрежительный отзыв о буржуазном искусстве.

Пришла пора стихов. Однажды сказал маме: «На столе у меня на клочках бумаги и на папиросных коробках записаны слова и строчки стихов, которые мне нужны,— не убирайте и не выбрасывайте их».

Вступление его в литературу тогдашнее «общество» приняло враждебно и шумно. Нападали нещадно, ругали. Но он не оставался в долгу, отвечал остроумно, резко, убежденно.

Александра Алексеевна особенно волнуется, когда вспоминает, как Владимир Владимирович встретил Великий Октябрь, день 7 ноября 1917 года.

— Володя считал этот день ярчайшим и счастливым в своей жизни. Он приветствовал революцию и с гордостью говорил: «Моя Революция!»

К концу работы над рукописью Александра Алексеевна приберегла для нас подарок — показала сохраненные за много лет фотографии. Рассматривали их, радовались за будущих читателей книжки: они увидят уникальные снимки. Володя Маяковский с сестрой Олей, снимок 1896 года. Село Багдади, снимок 1893 года — года рождения поэта. Володя Маяковский с отцом и матерью на балконе дома в крепости Багдади, снимок 1900 года. Табель Володи Маяковского, ученика 1-го класса Кутаисской гимназии...

Александра Алексеевна вспоминала, что, когда сын еще был подростком, она рассказывала ему о прошлом семьи. Он запомнил слова матери и спустя много лет в стихотворении «Нашему юношеству» писал:

Я — дедом казак,
другим —
сечевик,
а по рождению
грузин.

Дедушка Константин Константинович Маяковский происходил из казаков Запорожской Сечи. Дедушка Алексей Иванович Павленко, отец Александры Алексеевны, служил в Кубинском полку на Кубани. Бабушка Ефросинья Осиповна Маяковская, урожденная Данилевская,— двоюродная сестра писателя Данилевского. Бабушка Евдокия Никаноровна Павленко, мать Александры Алексеевны, в юности жила на Кубани в станице Терновской.

— У нас в Москве есть близкий родственник Аркадий Первенцев, сын моей двоюродной сестры. Он тоже из станичных мест. В трудную минуту Аркадий Алексеевич и его жена Вера Тихоновна всегда с нами. Ближе их у нас сейчас никого нет...

Было приятно сказать Александре Алексеевне, что мы в детском издательстве хорошо знаем и ценим писателя Первенцева — автора романа «Кочубей» и книги «Честь смолоду», которая в те дни у нас печаталась.

С горечью говорила Александра Алексеевна, что ей приходилось слышать о сыне недобрые слова, мол, груб он и несдержан.

— Неправда это! Володя был чутким, внимательным и нежным сыном и братом, приходил всем на помощь, выручал. Каждый приход приносил много радости, бодрости, новизны... Придет, бывало. Если вдруг останется ночевать,— Александра Алексеевна показывает на комнату рядом с той, где мы сидели,— наутро что-то долго не показывается, стесняется беспокоить меня и сестер...

Осенью 1953 года книжка воспоминаний Александры Алексеевны Маяковской «Детство и юность Владимира Маяковского» была отпечатана, и к нам пришли первые экземпляры.

В те дни Александра Алексеевна тяжело болела, не вставала с постели, но все же книжечку свою увидела и, дотронувшись до нее истонченной, дрожащей рукой, долго вглядывалась в свежеотпечатанные страницы, мысленно как бы повторяя про себя последние строки воспоминаний: «И чем дальше идет время, тем больше людей у нас и во всем мире ценит и понимает творчество Маяковского. Это приносит мне большое счастье».

Отдел ведет А. ПЛЕШАКОВ.

Научный консультант — доктор биологических наук, профессор А. В. ЯБЛОКОВ.

Рысьи тайны

Есть в семействе кошачьих зверь, о котором мы очень мало знаем. Зверь этот скрытный, осторожный, ночной... Рысь! Действительно ли забирается она на деревья и прыгает оттуда на свою жертву? И на кого охотится рысь? Может ли одолеть кабана, оленя? А с волком какие у нее отношения? А с лисицей? На все эти вопросы ответил мне биолог-охотовед Анатолий Семенович Желтухин, когда я приехал к нему в Центрально-лесной государственный заповедник.

...Следов вокруг нас на свежем снегу было много. Вот заячьи узоры... А здесь прошла лиса-охотница... Вот кабаньи следы-стаканчики... Но где же рысий след?

— Рысь свои следы старается спрятать,— объясняет мне Анатолий Семенович.— Если есть бесснежные пятна или плотно смерзшийся снежный покров, то именно там она и пройдет. Впрочем, и по рыхлому снегу может ходить, почти не проваливаясь,— лапы у нее очень широкие, мохнатые... Вот здесь, смотрите, рысь встретилась с кабаном. По следам видно, что кабан поднялся со своей лежки, постоял немного, внимательно изучая незваного гостя, а потом пошел прочь. Рысь же прошла за кабаном метров двадцать и свернула в сторону... Не по зубам ей этот зверь. Но кабаньи тропы в глубоком снегу она часто использует. И волчьи тоже. А вот с самими «серыми разбойниками» старается не встречаться. Если не успеет вскарабкаться на дерево — разорвут, были такие случаи. По деревьям рысь хорошо лазает. Но то, что бросается с них на свою добычу, неправда. Она подкарауливает жертву, затаившись где-нибудь возле лесной тропы, или осторожно подкрадывается, а потом настигает большими прыжками. Основная добыча рыси — зайцы-беляки. Но ест она и мелких грызунов. Иногда охотится на копытных — косулю, пятнистого оленя... С куницами и лисицами у рыси напряженные отношения. Ведь эти хищники — ее конкуренты, так как тоже охотятся на зайцев и грызунов.

При случае рысь нападает на куниц и на лисиц и без особого труда с ними справляется. Но все-таки подобные встречи бывают редко.

— Эти подробности рысьей жизни я узнал по следам,— продолжал Анатолий Семенович.— А с самим зверем встречался нечасто, очень уж он осторожен. Конечно, читать следы — дело непростое. Но если быть терпеливым, наблюдательным, природа непременно приоткроет свои тайны...

В нашей стране численность рыси сейчас довольно большая — 20—30 тысяч. Пока этому зверю не угрожает исчезновение. Но в местах густонаселенных, давно освоенных человеком, рысь уже нуждается в охране! А один из ее подвидов занесен в Красную книгу СССР. Это туркестанская рысь, которая живет в Средней Азии и Казахстане.

В. СТОЯНОВ.

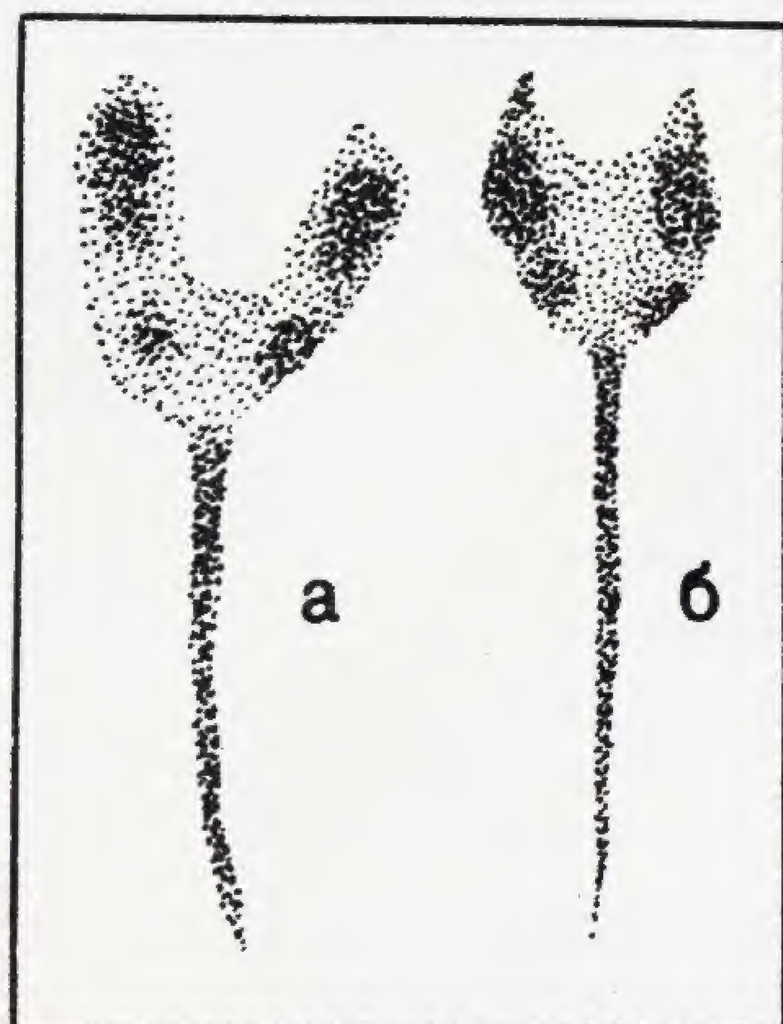
Город под снегом

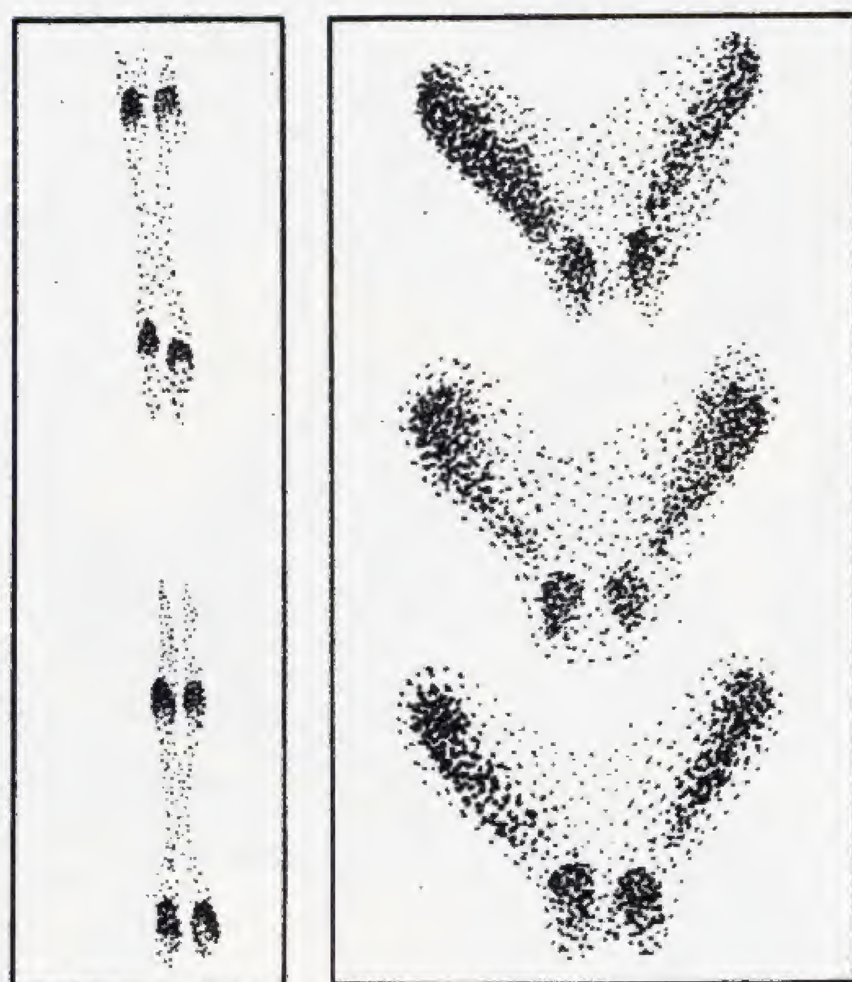
Проходя по лесу на лыжах, мы не представляем себе, сколько у нас под ногами невидимых тоннелей, перекрещенных, перепутанных, и сколько шныряет по ним туда-сюда суетливых маленьких жителей — мышей и полевок. Целый город под снегом! Мыши и полевки зимой не впадают в спячку, очень много бегают. Специальные исследования (с помощью меченых атомов!), которые были проведены в Подмосковье, показали, что, например, рыжая полевка за сутки может пробежать от 400 до 1178 метров!

Чем питаются все эти зверьки? Грызут укрытые снегом травы, кустарники. Многие растения зимуют зелеными, и это особенно привлекает грызунов: в зеленом корме много витаминов. Собирают зверьки семена и плоды, осыпавшиеся еще осенью с деревьев и трав. Часто в подснежных ходах можно встретить выеденные желудевые скорлупки. А на поверхности снега, куда зверьки иногда выбираются, особенно по ночам, они отыскивают орешки липы, ягоды рябины и прочие семена и плоды, которые попадаются.

Конкурс наблюдательных

Мыши и полевки по поверхности снега передвигаются прыжками. На рисунке вы видите их следы. Какой след принадлежит полевке, а какой — мыши?

А на этом рисунке — чьи следы?

Ласки и горностаи охотятся на грызунов, часто забираются для этого в их подснежные тоннели. Оба хищника зимой становятся белыми. Они и в остальном похожи: оба маленькие, ловкие, гибкие... Как же различить ласку и горностая?

Открытие!

Незнакомка с Окинавы

Открытие произошло случайно. В мае прошлого года в холмистой местности Ямбару на японском острове Окинава под колеса машины попала перебегавшая шоссе крупная птица. Вид этой птицы был удивительный. Крепкие ноги и клюв — яркого красного цвета. Белые полосы на голове — от глаз до шеи — резко выделялись на коричневом оперении. Длина тела птицы превышала тридцать сантиметров. Судя по всему, она не умела летать.

Такой птицы прежде никто на Окинаве не видел. Не знали ее и в других частях земного шара. Знакомство с пернатой бегуньей стало настоящей сенсацией в орнитологии — науке, изучающей птиц. Орнитологи дали ей название раллус Окинавы. Они определили, что раллус ничего общего не имеет с маленьким страусом, на которого он так похож, а является самостоятельным видом отряда пастушковых. Пастушковые широко распространены на земле. К ним относятся наши бегающие коростели, водяные пастушки и курочки, лысухи, погоныши. Живет раллус, как и его сородичи, в густых зарослях, быстро бегает и очень пуглив. Вероятно, поэтому люди его так долго не замечали.

И. ВЕЧНАЯ.

Как помочь синицам

Ученые советуют

В городах всегда зимует множество синиц. Появляются они с первыми холодами, когда голодно становится в окрестных лесах. Прилетают синицы туда, где их подкармливали в предыдущий год. И все свое многочисленное потомство приводят с собой!

Лучшие зерновые корма — подсолнухи и конопля или запасенные с осени семена дыни, тыквы, арбуза. Не выбрасывайте остатки белого хлеба: их можно высушить, растолочь и, сдобрив небольшим количеством любого топленого животного жира, положить в особую кормушку, не доступную никаким птицам, кроме синиц. Это перевернутая плоская консервная банка с просунутой через отверстие в дне палочкой. За палочку кормящиеся синицы будут держаться. В тепле приготовленный корм должен быть рассыпчатым. На морозе жир застывает, и корм хорошо держится в перевернутой банке...

Нередко говорят, что синицы добром платят нам за зимние о них заботы, собирая летом насекомых. Это верно. Но важнее другое. Обратите внимание: в мороз, вьюгу, гололедицу синиц на кормушке много. В оттепель, в ясный день совсем мало. Где же они? Да здесь, неподалеку. Пока позволяет погода, собирают в окрестностях кормушки зимующих насекомых — обшаривают стволы и ветви яблонь и других деревьев, добираются даже до самых тонких веточек. Подобная работа под силу только синицам. Так что еще зимой они сполна вознаградят нас за заботу о них.

Но разве только поэтому должны мы подкармливать синичек?! Конечно, нет. Должны потому, что это чудесные, славные птицы, всегда радующие нас своим бойким нравом, ярким оперением...

К. БЛАГОСКЛОНОВ.

Фотография Н. ДЕЛЬВИНА.

Татьяна КОТЕНЕВА

Новый район

Мы живем в районе новом.
Он красивый, наш район.
Чистый воздух. Бор сосновый
Обступает с трех сторон
Наш балкон.
Замечательный район!
Жаль, от центра
Удален...

Мы живем здесь третий год.
Я расту, и он растет.
Только с каждым днем все реже
По своим делам я езжу.
Даже авиакружок
Посещать и то не смог.
Не доклеил я свой «Ил»:
Ездить не хватило сил.
Что поделаешь, район
Удален.

Хоть жалей, хоть не жалей,
Бросить мне пришлось хоккей,
Потому что стадион
Удален.

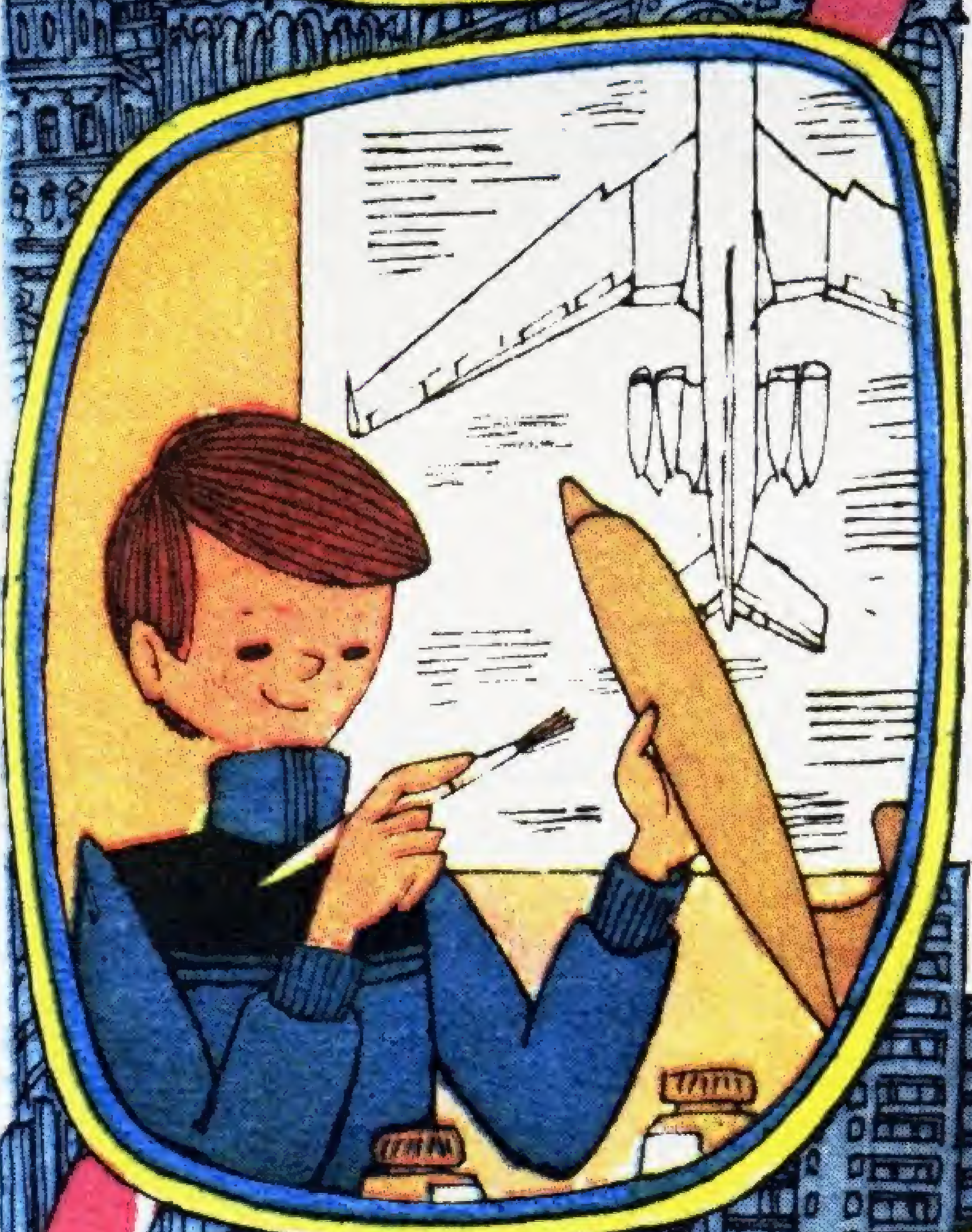
Перемены!
Перемены!
Мой картонный «Ил» спасен!
Новый радиус подземный
Дотянулся в наш район!
И у нас на радость всем
Загорелась буква «эм».

Я повсюду успеваю.
Я опять в хоккей играю.
Регулярно, раз в неделю,
Клею авиамодели.

Мы живем в районе новом.
Под балконом — бор сосновый.
Здесь у нас зимой и летом
Очень дышится легко.
И при этом, и при этом
Центр совсем недалеко!

Первый поезд

Первый поезд,
Первый поезд,
Первый поезд голубой!
Из депо выходит поезд —
Он прозрачный,
Он пустой.

Перегоны,
Перегоны...
Рельсы весело звенят.
Заполняются вагоны,
Как в любое время дня.

Он везет ночных рабочих,
Пассажиров на вокзал
Или тех, кто этой ночью
Охранял, лечил, спасал.
Тех, кто солнышко встречает.
Тех, кто раньше птиц встает.
Но ни одного лентяя
Первый поезд не везет!

Первый поезд,
Первый поезд,
Первый поезд голубой!
Встань пораньше.
Первый поезд
И тебя возьмет с собой!

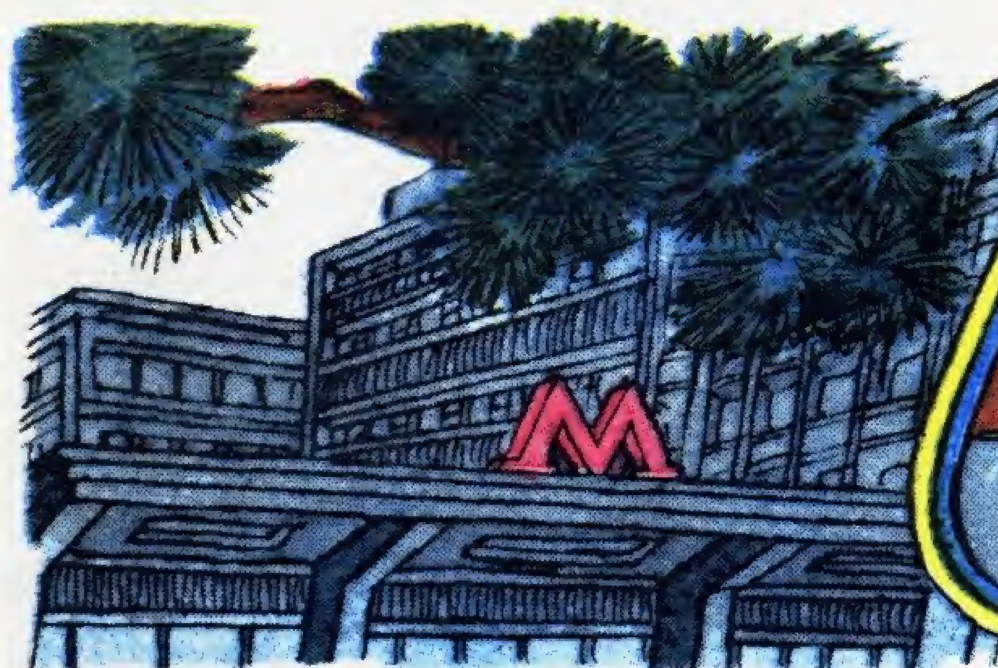

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Элизабет ФЭНСЕТТ

СИДИТ КОШКА НА ОКОШКЕ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

— Повторите за мной,— сказала учительница.— «Сидит кошка на окошке», три-четыре...

— «Сидит кошка на окошке»,— послушно произнесли все, кроме Синди.

— Синди! — Мисс Пэл посмотрела на девочку.— Почему ты не повторяешь вместе со всеми?

— Потому что это глупый стишок, мисс Пэл,— ответила девочка.— Там, где я родилась, кошки не сидят на окошках, это очень большие звери. Они трехметрового роста и все цветные, как радуга.

Класс громко рассмеялся.

— Ты меня совсем не слушаешься, Синди,— огорченно заметила учительница.— Боюсь, что мне придется пожаловаться директору. Урок окончен,— добавила она, обращаясь ко всему классу. Ребята окружили Синди, и все вместе побежали играть.

Мисс Пэл нерешительно стояла перед дверью в кабинет школьного психолога. Наконец она собралась с духом, громко постучала и вошла. Волнуясь, она присела на краешек стула, который предложил ей мистер Эли.

— В моем первом классе есть одна упрямая девчонка,— начала учительница,— и я не знаю, что с ней делать. Сегодня она отказалась повторить стишок про кошку на окошке. Сказала, что кошки никогда на окошках не сидят. По крайней мере там, где она родилась.

— А она сказала, где это? — спросил психолог, стараясь не рассмеяться.

— Нет, но девочка говорит, что на ее родине кошки трехметрового роста!

Мистер Эли задумчиво посмотрел на учительницу.

— Как вы себя чувствуете, мисс Пэл? — спросил он.

— Прекрасно!

— Дома все хорошо?

— Послушайте! — воскликнула учительница.— Я пришла, чтобы поговорить о своей ученице, а не о себе. Если вы не хотите мне помогать, я и без вас справлюсь с Синди. Всего доброго!

— Она хорошо училась,— нерешительно начала мисс Клауд, учительница третьего класса,— а теперь стала упрямиться и делать все наоборот.

— Наоборот? — переспросил психолог.— Значит, она ходит задом наперед и пишет справа налево?

— Нет, но... Например, задала я им сочинение на тему «Мой дом», и знаете, что написала эта девочка? Фантастический рассказ! Вот ее тетрадь.

Психолог внимательно прочел несколько страниц.

— Да...— проговорил он, помолчав немного,— но ведь это...

— Вот именно! — воскликнула мисс Клауд.— Я просила их быть искренними, а не сочинять сказки!

— Вы думаете, у девочки чересчур развито воображение? — спросил мистер Эли.

— Вполне возможно. Знаете, что я сделала после того, как прочла эту писанину?

— Что?

— Задала им новое сочинение, такое, чтобы эта девочка могла проявить свою фантазию.

— Правильное решение.

— Нет, не правильное. Вот, полюбуйтесь! — И мисс Клауд протянула психологу еще одну тетрадь. Мистер Эли прочел несколько строк и поднял глаза.

— Что, скучно? — спросила мисс Клауд.— Мне

Там, где я родилась, кошки не сидят на окошках, это очень большие звери.

тоже. Я просила их пофантазировать, вообразить неведомую планету, а девочка преспокойно описывает нашу Землю!

— И как она это объясняет?

— Говорит, что Земля и есть чужая планета.

— Вот как? Знаете что, мисс Клауд, я бы хотел взять у вас сочинение «Мой дом» и прочесть его внимательно. Мне, может быть, удастся докопаться до чего-нибудь интересного.

— Пожалуйста. Я и сама собиралась просить вас об этом. Только я никогда не называю имена учеников, на которых жалуюсь.

— Я понимаю,— ответил мистер Эли.

Мисс Клауд закрыла за собой дверь, а доктор Эли встал и принялся расхаживать по кабинету. Он дважды налетел на кушетку — больно ударился; сварил себе кофе, сел, опять поднялся, подошел к окну, задернул шторы. Потом вернулся к кушетке, лег и глубоко задумался.

Школьный психолог обязан помогать учителям находить общий язык с детьми. И, если нужно, распределять учеников по классам. Но... Доктора волновало сейчас другое. Дело в том, что мистер Эли писал фантастические рассказы! А история о странной девочке могла бы стать отличным сюжетом.

Он принялся листать тетрадь ученицы мисс Клауд. И очутился вдруг в чудесном чужом мире — со странными людьми, животными, домами. Он даже немного позавидовал обитателям этой таинственной планеты... Так, а вот и кошки! Трехметрового роста, цветные, как радуга. Не о таких ли рассказывала Синди, ученица мисс Пэл? Странные эти кошки. И откуда они тут взялись? Может быть, автор сочинения знакома с Синди?

В дверь постучали, и доктор закрыл тетрадь.

— Войдите.

На пороге появилась мисс Тримбл.

— Я преподаю историю и рисование, мистер Эли,— сказала учительница.— И у меня есть один ребенок... На уроках истории эта девочка удивляет

меня своими знаниями. Честно говоря, нам с ней давно пора поменяться местами.

— Ну, не может быть,— приличия ради запротестовал психолог.

— Поверьте, доктор, это так. Она может назвать всех английских королей со времен Альфреда Великого. А однажды она сказала мне, кто будет следующим монархом в нашей стране через сто лет и даже кто будет царствовать потом. Иногда мне кажется, что эта девочка способна смотреть в будущее на тысячу лет!

— Удивительно! — воскликнул мистер Эли.

— А на уроках рисования,— продолжала мисс Тримбл, присев в кресло,— эта ученица рисует очень странные пейзажи: непривычные цвета, удивительные дома, непохожие на нас люди и огромные кошки. Конечно, каждый ученик может рисовать то, что хочет... Но я чувствую себя так, будто мне пытаются сказать то, чего я не в силах понять.

— Мисс Тримбл,— взволнованно спросил психолог,— могу я узнать имя этой ученицы?

— Ее зовут Синди,— ответила учительница,— Синди Элиана.

Мистер Эли вздрогнул. Идея, которая пришла ему в голову, больше подходила для его нового фантастического рассказа...

— Я сейчас иду в класс,— прервала его размышления мисс Тримбл.— Если хотите, можете пойти со мной.

Девочка сидела в уголке у окна. Рыженькая, красивая, она посмотрела в глаза вошедшему, и доктор Эли испытал острое ощущение тайны.

— Здравствуй, Синди,— сказал доктор. Она улыбнулась.

— Мне нравятся твои картины,— продолжал психолог,— и сочинения просто замечательные. А вот у мисс Пэл, кажется, есть причины сердиться на тебя.

— Мне очень жаль,— ответила Синди,— но ее методы безнадежно устарели. Преподавать так, как она, больше нельзя, даже на этой планете. Мне надо еще столькому научить вас. И самой многому научиться. Не хватает времени. И приходится бывать в нескольких местах сразу.

— Разве на твоей планете нет такой категории, как время? — спросил мистер Эли.

— Нет. Мы так непохожи на землян... Но скажите, как вы догадались, кто я?

— Я психолог.

Она удивленно посмотрела на него.

— Мисс Пэл рассказала мне о тебе, мисс Клауд показала твои сочинения, а мисс Тримбл решила нас познакомить.

— Психолог,— задумчиво повторила девочка.— Это интересно.

— Я еще и писатель,— добавил мистер Эли.— Не очень удачливый, правда. И все же надеюсь, что когда-нибудь мне повезет.

— Вам повезет,— произнесла Синди так, будто знала это наверняка.

— Серьезно? Ты знаешь, я задумал отличный рассказ. Можно мне написать о тебе и твоей планете?

— Пожалуйста,— с улыбкой ответила Синди.— Но в таком случае вам стоит еще заглянуть в нашу школьную столярную мастерскую.

— Итак? — строго спросила директор школы мисс Сим.

— Все эта девочка,— начала мисс Пэл.— Она высмеивает меня, говорит ужасные вещи... Что кошки бывают трехметрового роста.

— Ничего удивительного. В ее возрасте все дети говорят чепуху.

Мисс Пэл опять открыла рот, но в этот момент раздался стук в дверь.

В комнате появилась мисс Клауд.

— Я, кажется, не вовремя,— сказала она и повернулась, чтобы уйти. Но в этот миг дверь распахнулась, и на пороге выросла фигура мисс Тримбл.

— Да...— нахмурилась мисс Сим,— похоже, четверть будет не из легких. Рассказывайте.

— Я должна знать имена этих школьниц,— строго проговорила директор, выслушав всех.— Как их зовут?

— Синди Элиана,— хором сказали учителя и удивленно посмотрели друг на друга. Первой пришла в себя мисс Пэл.

— Минутку! — воскликнула она.— Синди не может учиться в третьем классе. Ей всего шесть лет.

— Нет, ей восемь,— ответила мисс Клауд.

— Десять! — вскричала мисс Тримбл.

— Так в каком же она все-таки классе? — растерянно спросила мисс Сим.

— В первом, разумеется,— сказала мисс Пэл.

— В третьем! — запротестовала мисс Клауд.

— Да нет же, девочка учится в пятом! — воскликнула мисс Тримбл.

У мисс Сим голова пошла кругом.

— Подождите, я сейчас позвоню секретарю.

Выхватив из рук девушки-секретаря общий журнал, мисс Сим стала нетерпеливо его листать.

— Час от часу не легче,— растерянно сказала она,— здесь не записана никакая Синди Элиана.

— Что вы сказали, мисс Сим? — В кабинет вбежал мистер Ли, учитель труда.— Кто там у вас не записан?

— Синди Элиана,— озадаченно ответила директриса.

— Синди? Но она учится у меня. Вы бы видели, макеты каких необычных зданий клеит она из фанеры, каких странных животных выпиливает лобзиком...

— Сколько же ей все-таки лет? — проговорила мисс Сим и озадаченно посмотрела на коллег.

— Двенадцать,— ответил мистер Ли,— а что?

— Мне кажется,— сказала мисс Сим,— нам всем пора обратиться к доктору Эли!

— Шестилетняя Синди, отказавшаяся повторить стишок про кошку, Синди восьми лет, написавшая два странных сочинения... Синди, которая в десять лет отлично знает историю и может предсказывать будущее. Три разные девочки. Впрочем, разные ли? Возможно ли, что все они одно и то же лицо? Наверное, возможно. Где-нибудь в другом мире...— Мистер Эли замолчал.

— Честно говоря, ничего другого я от вас и не ждала,— вздохнула мисс Сим.

— Если вы хотите знать мое мнение,— проговорила мисс Клауд,— то слушайте. Мне кажется, все эти Синди — одна и та же непослушная девчонка, которая водит нас за нос. Она научилась прикидываться то шестилетней, то десятилетней и пользуется этим.

— Чепуха! — рассердилась мисс Сим.— Безразлично, сколько Синди в нашей школе. Главное, что все они разыгрывают нас, и по крайней мере трое из них лгут, когда отвечают, что их фамилия Элиана. Я сейчас изменю расписание, и после обеда классы, в которых учатся эти девочки, будут заниматься

одновременно. Тогда и посмотрим, сколько их на самом деле.

— Мы имеем дело с одним существом,— упрямо сказал мистер Эли.— Но это существо способно являться в нескольких лицах. Так что даже если мы обнаружим Синди во всех четырех классах, это еще не будет доказательством того, что она...

— Что она? — насмешливо спросила мисс Сим.

— А почему бы и нет? Почему вы не можете поверить в то, что Синди прилетела с другой планеты, чтобы рассказать нам о ней и чему-то научить?

— Лично меня она ничему не научила,— заявила мисс Пэл.

— Ну, довольно! — вмешалась директриса.— Сразу же после обеда я сама пойду в те классы, где появляется Синди.

Учителя ждали, волновались, молчали. Даже мисс Сим притихла.

Синди оказалась во всех четырех классах, и воспоминание о ее зеленых смеющихся глазах действовало директрисе на нервы, хотя она и была уверена, что видела всего лишь сестер-близнецов.

Девочки вошли все вместе и выстроились в ряд. Их можно было различить только по росту, в остальном же они выглядели совершенно одинаково.

— Я прошу объяснить ваше, мягко говоря, необычное поведение,— проговорила директриса.— Совершенно очевидно, что вы сестры. Назовите вашу фамилию.

— Элиана,— хором ответили девочки.

— В школьном журнале такой фамилии нет.

— Мы сейчас все объясним,— сказала двенадцатилетняя Синди.— Дело в том, что мы совсем недавно прибыли из... из другой страны и не смогли записаться ни в одну школу, потому что занятия уже начались. Поэтому мы решили просто ходить на уроки.

— Просто ходить на уроки? — Мисс Сим нахмурилась.— Э... ну ладно. Так кто из вас Синди?

Мистер Эли затаил дыхание.

И тогда двенадцатилетняя Синди сделала шаг вперед.

— Мисс Сим, мы просто баловались, простите нас, пожалуйста. Синди зовут меня.

На кушетке рядком сидели
мисс Клауд, мисс Тримбл и мистер Ли.
А у стола стояла улыбающаяся зеленоглазая девушка.

Психолог грустно взглянул на девочек, и они отвели глаза.

— Трудно сказать, к чему привело бы это баловство, если бы мы не положили ему конец,— холодно произнесла мисс Сим.— Скажите вашим родителям, что они должны получить специальное разрешение, если хотят, чтобы вы и дальше учились в нашей школе. Понятно?

— Да, мисс Сим.

Не глядя на мистера Эли, девочки вышли из кабинета.

— Жаль...— протянул мистер Ли.— Моя Синди так хорошо работала лобзиком...

— А как моя рисовала! — воскликнула мисс Тримбл.

— А у моей было такое воображение! — всплеснула руками мисс Клауд.

— Ну, а моя просто грубиянка,— сухо проговорила мисс Пэл.

Мистер Эли промолчал. Настроение у него было неважное. Еще бы, ведь он пытался убедить учителей в том, что Синди Элиана — гость с другой планеты. Более того, он сам в это поверил и теперь чувствовал себя так, будто его предали.

Под насмешливыми взглядами преподавателей он вышел в коридор. Увидев его, десятилетняя Синди остановилась и улыбнулась.

— Ну и одурачили вы меня,— тихо сказал психолог.— Интересно, зачем вам это понадобилось?

— Никто вас не дурачил,— возразила девочка.— Я просто не могла рассказать правду вашей директрисе.

— Почему же?

— Потому что тогда пропала бы история, которую вы мечтали написать. Ведь чистую правду нельзя выдать за фантастику...

— Значит, ты все-таки не одна?

— Пока одна. До встречи, мистер Эли.

Она повернулась и пошла по коридору. Потом оглянулась и подняла ладошку. И в следующее мгновение доктор Эли увидел четыре машущие руки и улыбающиеся лица четырех Синди.

— Повторите за мной,— сказала мисс Пэл.— «Сидит кошка на окошке», три-четыре...

Учительница начальных классов снова была в своей тарелке. Сестры Элиана не вернулись в школу. Ушел и мистер Эли, новую книгу которого вот-вот должны были напечатать.

— «Сидит кошка на окошке»,— послушно повторили ученики. Молчала только девочка, которая сидела в самом уголке у окна.

— Каролина! — строго обратилась к ней мисс Пэл.— Почему ты не повторяешь стишок?

— На моей родине кошки не сидят на окошках,— ответила девочка. Мисс Пэл побледнела.— У нас кошки трехметрового роста,— продолжала Каролина.— И все цветные, как радуга.

Учительница выронила кусок мела и бегом бросилась из класса. Она неслась по коридору так, будто за ней гналось привидение, и остановилась только перед кабинетом школьного психолога. Мисс Пэл перевела дух, постучалась, вошла и... открыла от удивления рот. Прямо перед ней на кушетке рядком сидели мисс Клауд, мисс Тримбл и мистер Ли. А у стола стояла улыбающаяся зеленоглазая девушка, которую мисс Пэл явно уже где-то видела.

— Рада вас видеть, мисс Пэл,— сказала она.— Меня зовут Синди Элиана. Я ваш новый психолог.

Перевел с английского А. ШАРОВ.

Сергей ПОГОРЕЛОВСКИЙ

Весьма опасно это —
не правда ли, друзья? —
когда кругом запреты:
НЕЛЬЗЯ!
НЕЛЬЗЯ!
НЕЛЬЗЯ!

Их чуть не миллионы:
«НЕЛЬЗЯ ломать кусты!»
«НЕЛЬЗЯ топтать газоны!»
«НЕЛЬЗЯ срывать цветы!»
«НЕЛЬЗЯ шуметь!»
«НЕЛЬЗЯ сорить!»
«НЕЛЬЗЯ...»
Да что там говорить!

А людям — вот ведь странно! —
запретное желанно.

Удержишься едва ли,
нетрудно нас понять...
А что, НЕЛЬЗЯ
нельзя ли
на МОЖНО поменять?

Напомнить нам про то,
что МОЖНО кое-что:

Беречь природу — МОЖНО,
и МОЖНО не шуметь,
и МОЖНО
осторожно
ходить — не как медведь.

И МОЖНО
(даже НАДО!)
самим соображать,
что МОЖНО
тех, кто рядом,
любить и уважать!

ПЕРЕМЕНКА

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ ЗООЛОГИИ

Учительница: Расскажи, какой образ жизни ведут летучие мыши?

Ученик: Они ведут висячий образ жизни.

Лена Рыбальченко,
г. Бердянск.

* * *

Учительница: К какому отряду относится еж?

Ученица: Еж относится к отряду колючих.

Таня Соловьева
и Лера Кисель,
г. Запорожье.

* * *

Учительница: Почему вымерли мамонты?

Ученица: Потому что на них наступил ледник.

Лена Травникова,
Ярославская область.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель: Какое дерево ты больше всего любишь в зимнее время?

Ученик: Банановую пальму.

Толя Антонов,
г. Пушкино,
Московская область.

НА УРОКАХ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница: Назови дикое животное!

Ученик: Леший!

Лиза Зеленюк,
с. Ростовановка,
Ставропольский край.

* * *

Учитель: Скажи, чем питается дятел?

Ученица: Деревом!

Оля Куценко,
г. Хабаровск.

НА УРОКЕ ХИМИИ

Учитель: Что представляет собой молекула воды?

Ученик: Три мокрых шарика.

Тома Минакова
и Марина Кладова,
г. Барнаул.

Из школьных сочинений

«До меня донеслось ржание коровы Буренки».

«Меня посещали мысли — одна за другой».

«По улице промчался синий, окрашенный в красную краску, автомобиль».

«Я мечтаю работать радиолокатором».

«У него были голубые глаза с родинкой на правой щеке».

«Погода, благодаря предсказаниям бюро прогнозов, установилась дождливая».

«К берегу подплыл баркас, и девочка бросилась ему на шею».

«На переменках мы катались по перилам с первого на третий этаж».

«Застенчиво улыбаясь одними глазами, он шмыгнул одним носом».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Алексей ГЛЕБОВ

АЛЬТАИР

РАССКАЗ

Было раннее утро. Варвара не торопясь разожгла дрова, еще с вечера уложенные в печи «колодцем». Тихо потрескивая, они разгорались, наполняя избу еле заметным запахом дыма. Поставив чугуны, Варвара подошла к шкафчику, взяла с верхней полки треугольный конверт, вздохнула. Вот уже шесть лет, как кончилась война, а она все читает это письмо, знает его наизусть.

«Дорогая Варвара Астаховна,— держа конверт в руке, вспоминала она.— Пишет вам старший сержант Степан Носков, фронтовой товарищ вашего сына Виктора...

Вчера после воздушного боя...»

Варвара перевела взгляд на Сережку. Сережка, младший сын ее, единственная в жизни надежда, крепко спал. На его щеке светилась розоватая полоска восходящего солнца. Полоска переместилась на откинутую руку, потом скользнула по спинке кровати, блеснула на стекле шкафчика, а Варвара все рассматривала своего младшенького, отмечая про себя, как все больше становится похож он на брата Виктора: такой же лобастый, и ямочка на подбородке такая же, будто кто мизинцем вмял...

Вспомнилось лето сорок второго года... Виктор так же, как и его ровесники, ждал призыва. Но в колхозе ребята работали исправно, понимая, что уйдут они — последние мужики на деревне,— и работать, кроме женщин и стариков, будет некому. Да так оно и вышло. Помогли допризывники скосить сено, а к осени ушли на фронт... Ну, не сразу, может, на фронт-то их взяли, подучили. Но чуяли бабы, что попадут ребята в самое пекло...

А дожди в ту осень лили не переставая. Размыло, развезло дороги, почернели изгороди. С полей потянуло прелым сеном. Вот наваждение-то, вздыхали бабы, так ведь и без корму коровы останутся, если эти проклятые дожди не окончатся... Может, силосовать начнем? Раньше в их местности редко силос закладывали...

Начали силосные ямы рыть. Три ямы вырыли. Сено из лугов на веревках через плечо охапками таскали. Сырое и тяжелое, ложилось оно в землю. И боялись все, не сгнило бы, тогда пропадет даром их работа...

Варвара держала в руках конверт, и перед глазами пробегали знакомые строчки:

«...В эскадрилье Виктор стрелком-радистом был... По-дружески мы его «Альтаиром» звали — это позывные его рации... Погиб в воздушном бою... Смертью храбрых...»

Сережка проснулся.

— Мама,— с укором сказал он, увидев в руках у матери «треугольник»,— ты опять письмо взяла. Опять растравляешь себя...

Она молча положила конверт обратно и стала собирать завтрак. А когда Сережа умылся и сел за стол, то и она его укорила:

— Ты Виктора помнишь ли, своего брата? Он ведь любил тебя. Небось, и забыл, как задачки с ним решал... Да и модели он тебя обучал строить...

— Звездное небо показывал,— вспомнил Сережка.— Созвездие Кита, Сириус, еще любимую свою звезду Альтаир.

— Альтаир! А ты знаешь, где она светит? — спросила Варвара.

— Забыл,— виновато ответил Сережка,— ну, может, найду, если небо будет чистое.

— Найди, сынок, обязательно найди. Нехорошо, что забыл.

Вечером она вышла на крыльцо и долго смотрела в небо, стараясь угадать, где она, эта далекая и близкая ей звезда Альтаир.

ЧАС В ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ

Внимание!

Мы открываем читальный зал «Пионера».

Приглашаются все, кто любит читать!

В нашем читальном зале любители книг ***узнают о новинках, познакомятся с любимыми писателями, смогут обсудить прочитанное.***

В читальном зале запрещается: ***шуметь, отвлекать друг друга, рисовать на книгах, заниматься посторонними делами.***

Завсегдатаями читального зала будут считаться те, кто примет участие в читательских конференциях, интересно расскажет о прочитанном, научится «лечить» книги.

Добро пожаловать!

Наш читальный зал находится на страницах журнала, поэтому каждый может вообразить его по-своему. Попробуйте представить себе читальный зал, свое любимое место в нем, товарища, который читает рядом, и... библиотекаря. (Если у вас получилось — напишите. Нам будет интересно узнать, что вы придумали.) Только, пожалуйста, не придумывайте имя библиотекарю — оно у меня уже есть. Меня зовут Анна Владимировна. Я постараюсь помочь вам в выборе книг, буду рада ответить на ваши вопросы.

Каждый из нас, выбирая в библиотеке книги, хочет найти в них ответы на свои вопросы, надеется с их помощью лучше понять себя и окружающих людей, мечтает чему-то научиться, а порой отдохнуть. Давайте и мы поступим именно так, выбирая книги для нашей первой встречи.

Думаю, многие из вас хотели бы прочитать книги о ребятах, ваших современниках, их заботах, отношениях с родителями, учителями, сверстниками. Поэтому я беру с полки новую книгу ленинградского писателя **Бориса Алмазова «Я иду искать».**

Эта книга напомнила мне об одной встрече. Недавно я столкнулась на улице со знакомым мальчишкой. Он весело шагал куда-то, поедая мороженое и глазея на прохожих. На ногах — новенькие кроссовки, на голове — вязаная шапочка с узором, и еще — модная куртка и джинсы. Вид у него был довольный, беззаботный, сияющий. Бывает так: встретишь человека и позавидуешь — как хорошо ему живется на свете!

Мы заговорили. Он радостно сообщил мне, что идет на день рождения, что в школе сегодня получил три пятерки, что в секции борьбы у него тоже большие успехи. Выходит, первое впечатление меня не обмануло. И тут вдруг выяснилось: дома у него осталась больная мама. Об этом мой знакомый сообщил спокойно, как о чем-то постороннем... Вот такого довольного собой человека я недавно встретила.

Знаете, этот мой приятель чем-то похож на Костю Макарова, героя книги Б. Алмазова. Костя тоже очень довольный жизнью и собой человек. Все у него рассчитано и продумано — что, когда и для чего он

делает. Уроки учит, чтобы не ругали учителя и чтобы купили новые джинсы родители. Общественной работой занимается, чтобы быть на виду, чтобы хвалили почаще, ставили в пример. А в конечном счете чтобы характеристика получилась — не подкопаешься.

И даже таким трудным и прекрасным делом, как поиск солдат Великой Отечественной, изображенных на старой военной фотографии, занимается Костя из соображений выгоды.

Так случается, что встреча с героями далекой войны открывает Косте глаза на подлинные жизненные ценности. Благодаря людям, к которым привела Костю выцветшая фотография, он понимает: бескорыстие, честность, самопожертвование — качества более ценные, чем стремление к выгоде, благополучию, комфорту.

Я уверена, что все вы любите книги с острым детективным сюжетом. И хочу предложить вашему вниманию книгу **М. Озерова «Выстрелы из-за угла».** В ней замысловатый сюжет, неразгаданные преступления, поиск и выстрелы. Но только герои в ней непридуманные. И кровь льется самая настоящая. Главное в этой книге — разоблачение сегодняшних, реальных, живущих на нашей планете врагов мира и прогресса. Тех, по чьей вине гибнут люди в Ливане и Сальвадоре.

Может быть, читателями этой книги будут ребята постарше, те, кто уже способен самостоятельно вникнуть в суть сложных проблем международной жизни. Умные, серьезные ребята.

Впрочем, думаю, хорошая книга всегда найдет себе друзей. И среди тех, кто читает выборочно: скажем, только сказки или фантастику, только про войну или только про животных.

Кстати, я знакома с людьми, которые относятся к сказкам как к «несерьезному» чтению. И считают, что сказка — это для маленьких детей. Большие буквы, яркие картинки, чудеса, волшебники.

Но весь вопрос в том, что вы сможете увидеть за этими чудесами. А увидеть можно многое. Историю народа, вечную попытку человеческого ума добраться до истины. Наши представления о прошлом и будущем.

Каждый из вас убедится в этом, если прочитает книгу английского писателя **Джона Рональда Толкиена.** Она называется **«Хранители».** Это **«Летопись первая из эпопеи «Властелин колец».** Написана книга была вскоре после второй мировой войны.

Джон Толкиен создал силой своего воображения целый сказочный мир. В нем живут разные народы, которые говорят на разных языках. Есть среди них и крошечные существа, и добрые волшебники, и темные силы. Писатель Толкиен был еще и профессором-историком, и многие его герои очень древние. Они жили еще в старинных легендах Уэльса, в сагах Ирландии и Исландии. Но в легендах и сказаниях, которые использовал Толкиен, не было удивительного народца — хоббитов. Нигде не упоминалась страна Хоббитания. Просто однажды профессор достал листок чистой бумаги и неожиданно для себя написал: «В земле была вырыта норка. В этой норке жил да был хоббит».

С тех пор хоббиты зажили на книжных страницах своей жизнью — любили, ненавидели, боролись с темными силами, сами становились лучше. В душах своих читателей продолжают они жить и сейчас, потому что эти вымышленные существа обладают подлинными чувствами, они плачут настоящими слезами и очень звонко смеются. Благодаря мастерству писателя делают они это так заразительно, что заставляют нас переживать и веселиться вместе с собой.

Читая эту сказку, мы учимся не только радоваться веселой выдумке сказочника, но и понимать — пусть на «сказочном» примере — законы истории. Учимся ее любить.

Любви к истории учит нас и книга известного критика **Станислава Рассадина «Круг зрения».** Как пишет автор в предисловии: «В книге речь пойдет не о том, что мы читаем, но что «зрим»...» В круг зрения автора книги попали экранизации классических произведений, фильмы на исторические темы. Ст. Рассадин смотрит те же фильмы, что и мы с вами, но, как профессиональный критик, видит порой гораздо больше нас. Потому что часто мы смотрим фильмы в кино или по телевизору о рыцарях или о войне 1812 года, о Древней Руси или Франции времен Людовика XIV и не предполагаем, что создатели картин нас... немного водят за нос. Ведь одеть артистов в костюмы, которые носили ТОГДА, заставить звучать старинную музыку и даже воспроизвести исторические события или сюжет классической драмы — еще не значит передать дух эпохи. Правду о том времени. С этой точки зрения и размышляет автор над фильмами, которые мы все смотрели: «Нос», «Собака на сене», «Звезда пленительного счастья»...

Если бы меня попросили сказать, что главное в этой книге, я бы сразу сказала: «Она учит думать».

Кстати, вы, наверное, заметили, что для первого разговора я выбирала книги, которые заставляют думать, напрягать силы души и ума. Потому что настоящего чтения без этого напряжения быть не может.

Те, кто захочет взять эти книги в библиотеке, должны знать, что выпустило их издательство «Детская литература».

А. ДРУЯНОВА

Рисунок В. ДУДКИНА.

Волшебное слово писателя

Виталий Валентинович Бианки родился в 1894 году — девяносто лет назад. Он писал книжки для ребят — совсем маленьких и постарше, и для взрослых. Писал Виталий Валентинович о природе — о растениях и животных, и о людях, которые изучают и охраняют их.

Как правило, писатель пишет о том, что больше всего любит и что лучше всего знает. Так случилось, что с самого раннего детства, наверное, только-только научившись ходить, Виталий Бианки сразу же попал в компанию птиц, зверей, деревьев и цветов.

Отец писателя был известным ученым — специалистом по птицам. С весны до поздней осени вся семья Бианки жила в деревне, окруженной густыми лесами.

В этих лесах отец проводил почти все время и, как вспоминал потом Виталий Валентинович, «рано начал брать меня с собой. Он каждую травинку, каждую птичку и зверюшку называл мне по имени, отчеству и фамилии. Учил меня узнавать птиц по виду, голосу, по полету...».

Так началось знакомство будущего писателя с природой, так появилась и росла любовь к ней. Огромная любовь, которую писатель пронес через всю жизнь и всегда старался передать людям.

Человеку, любящему и понимающему природу, жить интересней. Такой человек и добрее, и от него людям больше пользы. Однако не сразу открыл для себя Виталий Валентинович секрет, который помог ему рассказать людям об удивительном и прекрасном мире. Хотя мечтал об этом с детства. Может быть, с того дня, когда впервые попал в Зоологический музей. В музее было много птиц и зверей, но все они были неподвижными и холодными. А маленькому Виталию очень хотелось, чтобы «птицы пели и летали, чтобы звери бегали, чтоб все ожило».

Он даже думал: «Они нарочно так заколдовались, потому что кругом люди». И мечтал: **«Вот узнать бы такое слово, чтоб разом все расколдовать. Скажешь — и вдруг задвигаются звери, полетят птицы, бабочки, киты поплывут, писк, рев, шум поднимется. Ух, здорово!»**

Такое волшебное слово он нашел через двадцать с лишним лет, когда начал писать книги. Но прежде Виталий Бианки учился в университете, стал биологом и много путешествовал.

Это было вскоре после окончания гражданской войны. Советская республика восстанавливала разрушенные во время войны заводы и фабрики, отстраивала города, проводила железные дороги. Требовались древесина и нефть, каменный уголь и железная руда. Надо было изучать природу страны, хозяином которой стал народ. И вот в самые далекие уголки нашей страны отправляются экспедиции. В этих экспедициях участвовал молодой ученый Виталий Бианки.

Вряд ли предполагал он тогда, что станет писателем и эти походы и путешествия помогут ему. И он с уверенностью посоветует ребятам: **«Если хотите узнать родную землю по-настоящему, своими ногами пройдите по ней — по проселочным дорогам, лесным и полевым тропам и совсем без дорог».** Сам он прошел по тропинкам, дорожкам или совсем без дорог по горам Урала и Алтая, по берегам Волги и степям Казахстана.

И чем больше видел он, чем больше узнавал, тем сильнее хотелось ему рассказать обо всем этом другим людям.

Виталий Валентинович постоянно записывал свои наблюдения. К этому его приучил отец еще в

детстве. Вел подробные дневники Виталий Валентинович и в экспедициях. И возвращаясь в Ленинград, он привозил с собой толстые тетрадки, наполненные интересными записями. А когда стал их перечитывать, вспоминать увиденное и услышанное, удивляться и радоваться, ему вдруг опять, как в детстве, захотелось найти волшебное слово — слово писателя.

Это произошло в 1923 году. С тех пор в течение 35 лет Виталий Валентинович писал книги для ребят. «Лесная газета», «Кто чем поет», «Лесные были и небылицы» — всего около трехсот рассказов, сказок, повестей, очерков. Целая библиотека замечательных книг. И мне кажется, что читать книги Бианки надо не совсем так, как читаешь другие книги. По-моему, их надо читать два раза. В первый раз ты узнаешь все приключения зверей и птиц — узнаешь сюжет. Во второй — обратишь внимание на детали, которые могли ускользнуть от тебя, когда ты следил за сюжетом. А ведь в природе нет мелочей, нет пустяков, нет несущественного. И Бианки очень хорошо это понимал. Вот почему его книжки помогут тебе не только узнать что-то о повадках какого-нибудь зверя или птицы, но и многое понять в окружающей тебя природе.

А сколько радости доставит тебе лес, если ты по-настоящему поймешь и почувствуешь его красоту!

А сколько радости доставят тебе птицы, если ты полюбишь их по-настоящему, как любил их Виталий Бианки! **«Сдается мне, жить на нашей зеленой планете без птиц было бы ох как скучно! Как веселит глаз дивная расцветка их оперения! Как радует слух их чудесное пение! И как дух поднимает их легкий, свободный полет! А волшебное их искусство гнездостроения «без рук, без топоренка»! Изумляет меня, почему люди так мало внимания обращают на птиц?»**

Книги В. Бианки укажут тебе путь в Природу, дадут знания, а дальше — шагай сам, смотри, наблюдай, открывай, радуйся! И обязательно будь добр к природе. **«Ведь так приятно, так хорошо на душе становится, когда в тебя крепко верят и ждут от тебя только хорошего».**

Юрий ДМИТРИЕВ

Чемпион из Железноводска

Мы уже сообщали о большом успехе школьника из Железноводска Алеши Дреева, ставшего чемпионом мира среди юношей младшего возраста («Пионер» № 1).

Поздравляя Алешу с успехом, московские пионеры Сережа Баранцев и Витя Дубов просят более подробно рассказать о том, как Алеша занимается шахматами.

Выполняем эти пожелания.

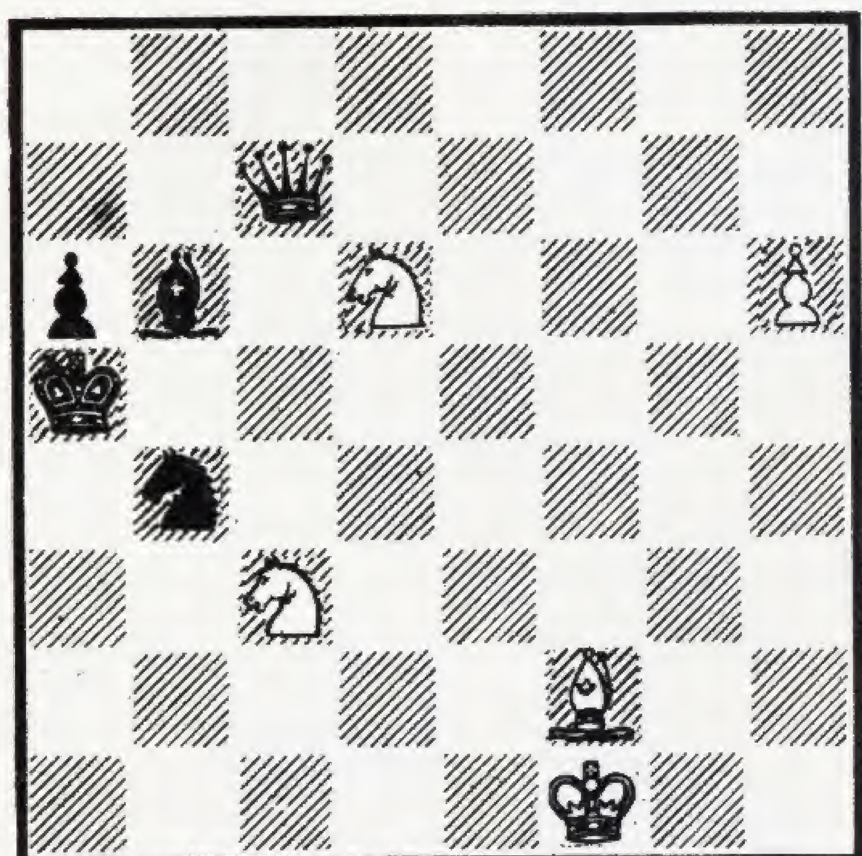
Алеше Дрееву четырнадцать лет. Учится он в девятом классе 1-й средней школы Железноводска.

Легко дается Алеше математика, но любимый его предмет — литература. Поскольку Алеше часто приходится выступать в соревнованиях, он научился заниматься самостоятельно, старается ни в чем не отстать от одноклассников.

В 1-й школе много спортивных секций. Алеша увлекается еще и футболом. Выступать в шахматных соревнованиях Алеша начал в школьной секции. Вначале играл в турнирах младших ребят, а потом стал побеждать старшеклассников.

В шахматах Алеша проявляет завидную самостоятельность, он много анализирует свои партии, разбирает партии гроссмейстеров, любит решать сложные задачи и этюды.

Алеша скромный, серьезный паренек. Он требователен к себе, самокритичен, и в этом залог новых его успехов.

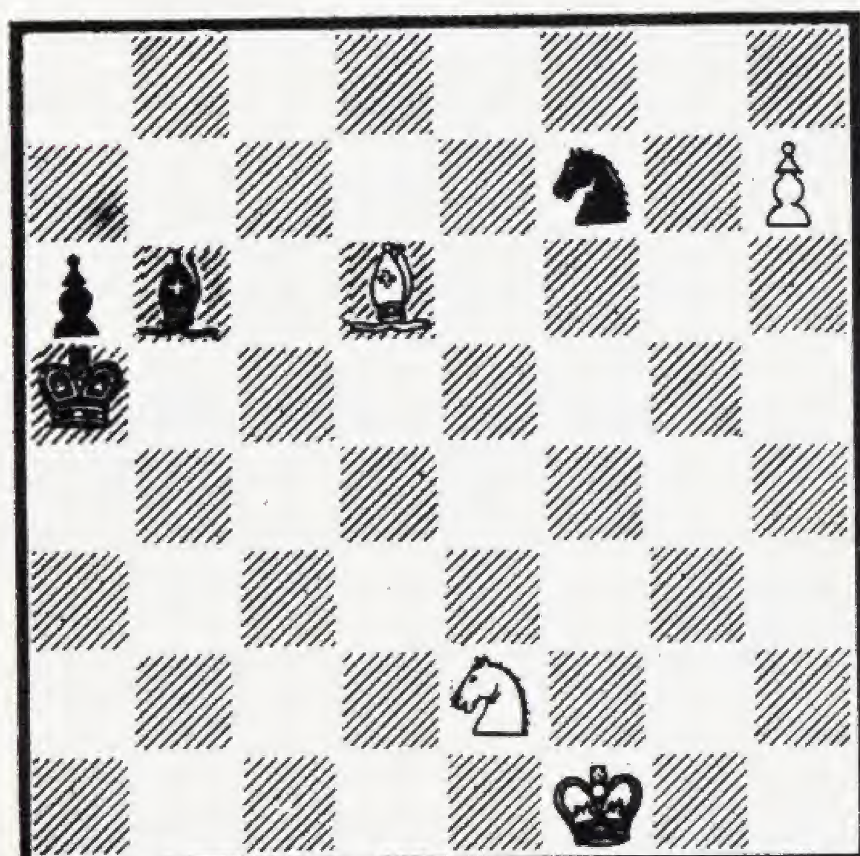
Этот этюд Г. Кинха впервые появился в печати более 60 лет назад.

По замыслу автора, белые начинают и выигрывают. Решение красиво и остроумно, поэтому этюд много раз помещался в различных книгах и журналах и всегда получал высокую оценку.

Вот основной вариант решения: 1. Cf2—c5! (очень красиво! Неожиданно черным приходится отдать ферзя) 1... Фc7:d6 (грозил мат конем на c4, а если 1... Ф:c5, то 2. Kb7 мат) 2. Cc5:d6 Kb4—c6 (необходимо задержать пешку «h». Плохо 2... Cd4 3. Cc7+ Cb6 4. h7) 3. Kc3—e2 Cb6—d8 4. Ke2—d4! Kc6:d4 5. Cd6—e5 Kd4—c6 6. Ce5—c3+ Kpa5—b5 7. h6—h7, и пешка прорывается в ферзи.

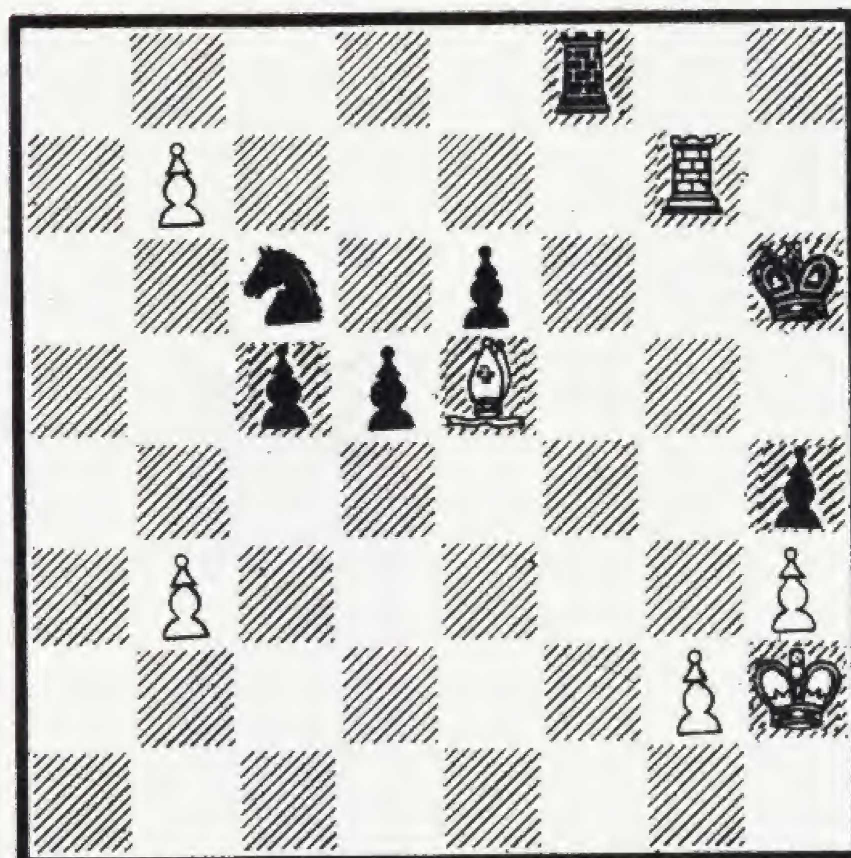
Но... закономерен ли выигрыш белых, не могут ли черные лучше распорядиться своими фигурами?

После длительных поисков Алеша утверждает: могут. Ошибочен ход 3... Cd8, надо играть 3... Kd8, подводя резервы к критическому полю h8. Возможно такое продолжение: 4. h7 Kf7.

5. Ce5 Kpb5 6. Kc3+ (Если черным удастся отдать коня за пешку, то это приведет к ничьей) 6... Kpc6! (Плохо 6... Kpc4 ввиду 7. Ke4 с угрозой 8. Kd6+) 7. Ke4 Cc7! 8. Cc3 Cf4! (Необходимо парировать ход 9. Kg5) 9. Kpf2 Kpd5 10. Kpf3 Ce5.

Ничья теперь неизбежна. Под острием анализа Алеши рухнул этюд, имеющий столь почтенный возраст.

Итак, Алеша показал, как надо бороться с далеко продвинутой проходной пешкой. А в этом окончании партии первенства мира с голландцем Ж. Пиккет советский школьник превосходно использовал силу пешки b7. Партия закончилась так: 54. Лg7—c7! Kc6:e5 (Если 54... Kb8, то просто 55. Cg7+) 55. Лc7—c8 Лf8—f2 (Хитрая ловушка, если теперь 56. b8Ф, то 56... Kf3+ 57. Kph1 Лf1 мат) 56. Kph2—g1! Лf2—b2 57. b7—b8Ф Лb2—b1+ 58. Kpg1—h2. Черные сдались.

«Белая ладья» в пути

Много соревнований прошло уже в нашем клубе «Белая ладья».

Завершились первенства пионерских дружин, упорно сражались ребята в районных и городских турнирах.

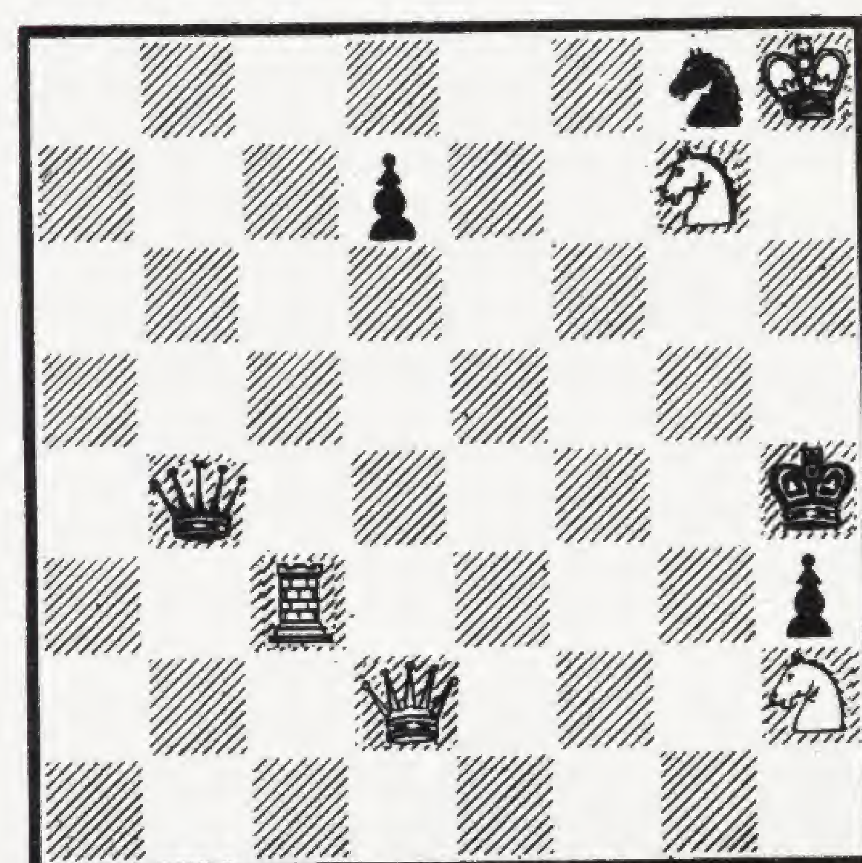
Напишите нам, друзья, много ли ребят участвовало в этих соревнованиях, как они были организованы, шлите интересные партии.

Если вам не удалось оформить получение спортивных разрядов, шлите нам в редакцию таблицы ваших турниров, заверенные пионервожатым и учителем физкультуры. Судейская коллегия клуба присудит вам спортивные разряды.

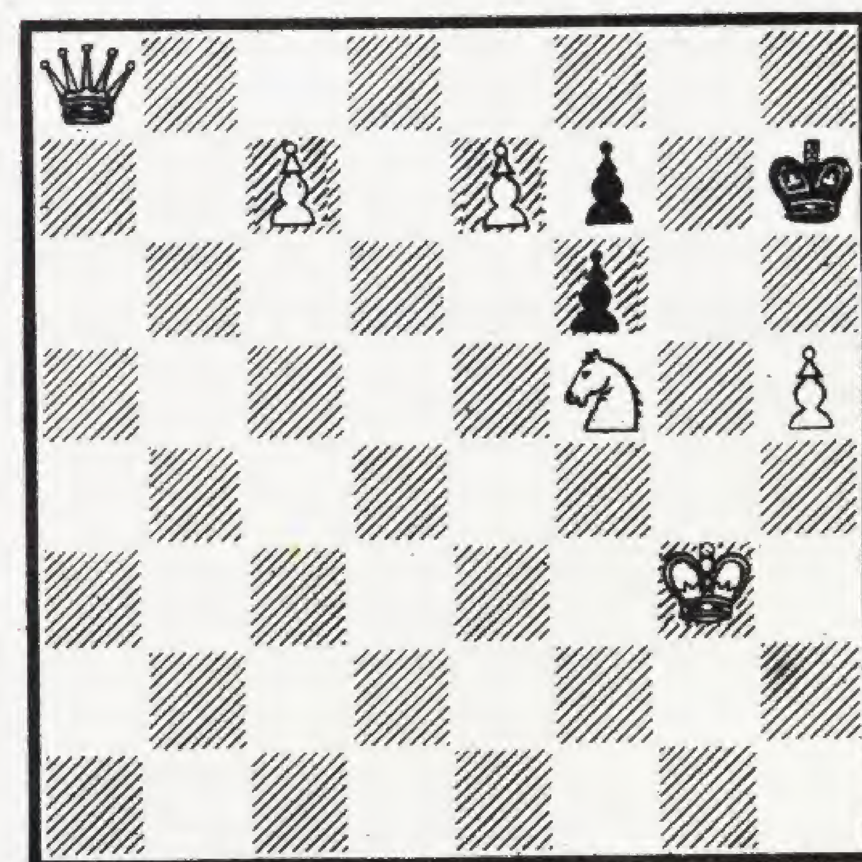
Наш конкурс

В очередной наш конкурс мы включаем две с половиной задачи. Не удивляйтесь, именно $2^1/_2$ задачи.

15 победителей конкурса получат награды.

Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода.

И в этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода.

И еще «ползадачи». Снимите на последней диаграмме пешку f7. Задание не изменяется — мат в два хода, но путь к цели станет иным.

Ждем ваших писем, ребята. Решения надо отсылать не позже чем через месяц после получения журнала.

ПЕРЕМЕНКА

Читатели «Пионера» — любители эстрады и особенно пародий — попросили в своих письмах рассказать о Владимире Винокуре. Вопросов к нему много: почему он стал именно пародистом, а не просто певцом, над чем он сейчас работает, с каких лет он начал говорить «чужими голосами»?

Этот последний вопрос задала первым популярному артисту эстрады ***Владимиру ВИНОКУРУ*** *корреспондент «Переменки»* ***Регина Дубовицкая.***

Винокур. В школе я был просто влюблен в артиста Анатолия Дмитриевича Папанова и знал наизусть все его роли. Неожиданно для самого себя я заговорил «голосом» Папанова на уроке физики. Помню, отвечаю я закон Ома, а весь класс во главе с учителем покатывается от смеха...

Корреспондент. И после столь удачного дебюта на уроке физики вы решили стать пародистом?

Винокур. Ничего подобного! Я тогда, как говорится, спал и видел себя оперным певцом! Я поступил в ансамбль песни и пляски Курского Дворца пионеров. И меня «за высокие достижения в области вокала» направили в «Артек». На одном из музыкальных конкурсов я получил диплом первой степени и золотую медаль. А вручил мне эти награды первый космонавт Земли — Юрий Гагарин. Вернувшись из «Артека», я стал отдавать музыке еще больше времени. Самым популярным певцом тогда был Муслим Магомаев. И стоило только ему по радио спеть новую песню, как я ее тут же повторял на нашем школьном вечере. Для меня была самая большая похвала, когда мои одноклассники говорили: «Ой, он поет совсем как Магомаев!» И я старался вовсю...

Корреспондент. Наверное, после одного из таких школьных вечеров вы и решили всерьез заняться пародиями?.. Угадала?

Винокур. Нет! Я же вам сказал, что в школе я мечтал только о вокальной карьере! Поэтому-то после армии я и поступил на музыкальный факультет ГИТИСа. И вот здесь мое умение подражать голосам известных артистов...

Корреспондент. ...очень помогло?

Винокур. Наоборот! Оно мне постоянно мешало. Готовясь к экзаменам, я обычно прослушивал пластинки с записями известных певцов. Ну, и, конечно, старался петь, как они. А в результате?.. В результате мои учителя на экзаменах обычно разводили руками и говорили: «Когда ж ты наконец запоешь своим голосом?» — и ставили в зачетку «неудовлетворительно»...

Корреспондент. И все-таки, Володя, институт вы благополучно окончили, работали в Московском театре оперетты, затем в ансамбле «Самоцветы»... Как же вы превратились в артиста разговорного жанра?

Винокур. Во всем виноват случай! Во время одного нашего концерта на сцену почему-то не вышел пианист. Песню уже объявили, а начать мы не можем. И тогда наш руководитель Юрий Маликов, чтобы как-то заполнить паузу, «приказал» мне стать на несколько минут Магомаевым. Я начал что-то петь и говорить голосом Муслима Магомаева. Тут как раз нашелся пианист. Я собрался было уходить со сцены, а публика меня не отпускает! Пришлось мне импровизировать и голосом Папанова... Вот после этого концерта Юра Маликов и предложил мне попробовать выступить с музыкальными пародиями... Я это сделал и до сих пор так и не могу остановиться.

Корреспондент. Ну, а сейчас более каверзный вопрос: как вы относитесь к своей популярности?

Винокур. Ну, насчет популярности — это, я вам скажу, все весьма относительно. Както вместе с известными хоккеистами я принял участие в радиопередаче «С добрым утром!». И когда на следующий день пришел на концерт и, как обычно, попросил зрителей задавать мне вопросы, то самый первый был такой: «А вы правда знакомы с самим Михайловым?!» И только я ответил утвердительно, посыпался град вопросов, касающихся исключительно хоккеистов. А после концерта ко мне подошел мальчишка лет тринадцати, протянул фотографию наших хоккеистов и попросил дать «развернутый автограф»...

Корреспондент. То есть как это «развернутый»?

Винокур. Он просто продиктовал: «Пишите: «Вся тройка — мои большие друзья» — и распишитесь. А то мне в классе никто не поверит, что я был на концерте, на котором выступал друг знаменитых хоккеистов!»

Корреспондент. Как мне кажется, с «аудиторией до шестнадцати» вы на концертах встречаетесь не так уж часто?

Винокур. На концертах—да. Зато теперь я стал одним из ведущих передачи «Радионяня». И в новой программе для ребят я буду выступать не только с пародийными номерами, но и петь.

Корреспондент. И последний вопрос. Что вы можете пожелать читателям «Переменки»?

Винокур. Никогда, ребята, не расставайтесь со своей мечтой, и тогда она обязательно сбудется!

Фотография Л. ЛАЗАРЕВА.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

УМА ПАЛАТА

Рисунки А. Вовиковой.

ВЗРОСЛЫЕ в ПАЛАТЕ

Когда клонился день к закату,
Вчера в семнадцать сорок пять
Ворвались взрослые в палату:
— И мы! И мы хотим играть!

Я в этом страшном шуме-гаме
Достал свой фотоаппарат...
Щелк-щелк — и снимок перед вами,
Где вместе взрослые стоят.

Я снял — средь общего веселья! —
Отдельно ряд гостей потом.
Прошу всмотреться в лица — все ли
Есть и на снимке групповом?

Живживка

Ценный советчик

Нигде такого ералаша
Вы не найдете, как во мне:
Над кашалотом вьется каша,
Лежит копирка на копне,
Конец опередил начало,
День вслед за вечером идет,
Косится шайба на шакала,
Парит над белкой бегемот,
Соль на хвосте у соловья,
И на свистке сидит свинья!

И все равно при всем при этом
Ко мне приходят за советом!
Советчик очень неплохой —
Скажите, кто же я такой?

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 1

Капитан Перо ищет помощника

Ракета на старте: первая ступень — 661+161=822; вторая ступень — 266+656=922; третья ступень — 661+261=922.

Ребята! Двадцать наград вручил Совет «Ума Палаты» самым сообразительным из вас за победу в конкурсе «Все на ловлю слонов!». Поздравляем победителей!

Продолжается конкурс «Созвездье Пса за полчаса!». Призы ждут будущих лауреатов. Ждем ваших писем.

Совет «Ума Палаты»

КОРАБЛИ И МОНЕТЫ

На всех кораблях, которые вы видите, выпущены монеты, изготовленные из самой марки. Стоимость каждой новой выпускаемой монеты постоянно равна номиналу, обозначенному на ее марке. Проверьте, будет ли справедливо, если все монеты из желтого овала будут обменены на все монеты из оранжевого.

Друзья! Ни пуха ни пера!
(Решенья найдены?.. Ура!)

Рыба, птица, фрукт, цветок

Капитан Перс ищет помощника

Карандаши перехватили записку Резинок, принесли ее мне и попросили расшифровать. В записке всего четыре строчки:

СОБОКРПЕРУНЬЕ
НОДЯСТИЕТЛ
АСБРЯНИАКСОРС
АСЕДУТРА

Я дал Карандашам такой совет:
Рыбу, птицу, фрукт, цветок
Надо выбросить из строк.
И останется у вас
Расшифрованный приказ.
Попробуйте и вы это сделать!

Контрольный диктант

Как-то на тренировке я получила травму. Сама себя наказала за неосторожность. Рука очень болела, и мне наложили гипс. В тот же день мы в классе писали контрольный диктант по русскому языку. Честно говоря, хотелось собрать портфель и «сбежать», чтобы не чувствовать боли и не видеть, как каракули на тетрадном листке будто смеются над моей беспомощностью.

Я старалась успокоить себя тем, что в спорте без травм не обойтись и что слезы после травмы — не стыдно. И старалась писать как можно разборчивее. Только ничего у меня не получилось.

Диктант я все-таки сдала учителю. И когда увидела под своими каракулями «пятерку», обрадовалась так, как еще никогда в жизни не радовалась.

Листок с контрольным диктантом был свидетелем моей первой победы над собой.

Теперь все прошло, гипс с руки сняли, и она совсем не болит. Как прежде, хожу на тренировки и тружусь до седьмого пота. Когда иду домой и загребаю ногами снег, кажется, что в легких, пушистых снежинках целая тонна — так устаю. Но каждый раз я вспоминаю слезы над контрольным диктантом и ту радость, которую подарила мне победа над собой.

Лена РУДАКОВА,
с. Волово, Липецкая обл.

Не ошибись, д'Артаньян...

Однажды мы собрались в классе, чтобы обсудить концертную программу классного вечера. И стали раздумывать над разными интересными номерами. Кто-то стихи хорошие предложил, кто-то песню вспомнил, но не хватало юмора, сценки какой-нибудь. Тогда мы решили полистать подшивку «Пионера» и просмотреть все «Переменки». Там почти всегда печатаются небольшие фельетоны.

Выбрали мы юмореску Л. Прудовского «Ошибка д'Артаньяна», распределили роли. После долгих споров и шумных репетиций сценка наконец получилась что надо. Ребята на вечере смеялись до упаду! После удачной «премьеры» мы решили показать эту сценку нашим подшефным, включив ее в концертную программу, которую мы подготовили им в день вступления в пионеры... Хохотали даже учителя.

А потом к нам вдруг подошли старшеклассники и попросили выступить на их классном вечере. Это для нас было высшим признанием. Все говорят, что хорошая у нас получилась сценка, почти как в «Ералаше». Нам даже самим нравится, и играем мы ее с удовольствием. А ведь не было бы никакой сценки, не ошибись д'Артаньян...

Вера КУЗНЕЦОВА,
п. Подзь, Коми АССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.12.83.
Подписано к печати 19.12.83. А 02825. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,85.
Усл. кр.-отт. 31,17. Тираж 1 670 000 экз. Изд. № 75. Заказ № 1876.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Вучко ждет гостей

А. ПОЛЕХИН

Знакомьтесь: этого симпатичного лукавого волчонка зовут Вучко. Он младший брат нашего Миши-олимпийца, талисман XIV зимних Олимпийских игр в югославском городе Сараеве. Придумал и нарисовал Вучко художник Йоже Тробец. И вот теперь, весело подмигивая из витрин магазинов, с рекламных щитов и плакатов, Вучко указывает гостям Сараева дорогу к главным аренам Олимпиады. Давайте вместе с гостеприимным Вучко и совершим экскурсию по городу.

Сараево — столица Социалистической Республики Босния и Герцеговина, одной из шести равноправных республик, входящих в состав СФРЮ. Первые люди поселились в этих местах в третьем тысячелетии до нашей эры. Уже в нашу эру сюда пришли римляне. Остатки их крепостей и сейчас можно увидеть рядом с современными зданиями курорта Илиджа. Потом здесь создали свое государство славяне. Но в средние века оно пало под ударами турецких завоевателей. Турки-османы и основали в 1507 году Сараево. По-турецки «сарай» означает «дворец».

270 лет славянские народы изнемогали под турецким игом. А в 1878 году одних завоевателей сменили другие — Австро-Венгерская империя. Не затихала борьба против непрошеных гостей. 28 июня 1914 года молодой патриот студент Гаврило Принцип совершил покушение на престолонаследника Австро-Венгрии эрцгерцога Фердинанда. Выстрелы в Сараеве были использованы империалистами как предлог для начала первой мировой войны. А соотечественники увековечили память о своем отважном земляке весьма своеобразным способом: на набережной реки Миляцки в бетон навсегда впечатаны его следы...

После первой мировой войны Босния и Герцеговина вошли в состав независимого югославского государства.

Героической страницей истории Сараева, как и всей Югославии, стала борьба против фашистских оккупантов. После победы над «коричневой чумой» в стране установилась народная власть.

Сегодня Сараево — четвертый по населению город Югославии. В нем почти полмиллиона жителей. Они очень любят спорт и прежде всего — горные лыжи. Хотя средняя температура воздуха в январе здесь всего полтора градуса тепла, снег на окрестных горах Требевиче, Яхорине, Белашнице и плато Игман лежит почти 200 дней в году. Это и позволило сараевцам пригласить Белую Олимпиаду. Кстати, еще никогда зимние Игры не проводились в таких южных широтах.

Не так давно полюбоваться зимней панорамой Сараева с окрестных гор было невозможно: многие тысячи печей и каминов топились углем, и город застилал дым. Теперь воздух над олимпийской столицей чист и прозрачен. Помог советский природный газ, который пришел сюда из далекой Тюмени. Так что олимпийцы в Сараеве могут дышать полной грудью — не то что в Лос-Анджелесе, который готовится принять летние Игры, а воздух его отравлен смогом.

Несколько лет назад в Сараеве возвели культурно-спортивный центр «Скендерия». Он станет одной из самых «горячих точек» Олимпиады. На ледовых аренах будут состязаться хоккеисты и фигуристы, отсюда же, из главного пресс-центра, поведут олимпийские репортажи почти пять тысяч журналистов из разных стран. Для них, как и для спортсменов, построена многоэтажная «деревня». После Игр обе «деревни» — и спортивная, и журналистская — превратятся в новые жилые районы Сараева. И как тут не вспомнить, что в столице предыдущих Игр — американском городе Лейк-Плэсиде — спортсменам пришлось ютиться в... будущей тюрьме для малолетних преступников...

В облике Сараева причудливо переплетаются современность и старина. И это придает городу особое очарование. Стоит немного отойти от «Скендерии» — и мы окажемся в древней Башчаршии. Тесные проходы между домами, крошечные лавчонки, мастерские, кофейни и курильни, мечети и минареты, заунывные песнопения мусульманских священников-муэдзинов — ну, прямо шестнадцатый век! Над Башчаршией всегда стоит перезвон сотен маленьких молоточков. Это народные мастера превращают листы меди и серебра в прекрасные чеканные изделия. И не только своим талантом щедры умельцы из Башчаршии. Многие из них перечислили в фонд подготовки к Олимпийским играм свои сбережения.

Каждый сараевец и многие жители из других краев Югославии постарались помочь организаторам Игр. Парни и девушки из молодежных отрядов «Сараево-84» прокладывали автомобильную магистраль, которая связала город с плато Игман. Там будут состязаться биатлонисты, лыжники, прыгуны с трамплина. Строители на склоне Требевича соорудили уникальную ледовую трассу. На ней можно

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.

одновременно проводить состязания по санному спорту и бобслею. Таких универсальных трасс нет больше нигде. Сараевские школьники и студенты вызвались поработать на Олимпиаде гидами, переводчиками, продавцами, операторами ЭВМ. Уже за год до начала Игр Сараево отрапортовало: к Олимпиаде все готово! Сам президент Международного олимпийского комитета поблагодарил горожан за активное участие в подготовке к Олимпиаде и сказал, что Игры в Сараеве наверняка пройдут отлично.

8 февраля в 14 часов 30 минут по местному времени в чаше над стадионом «Кошево» вспыхнет олимпийский огонь. По традиции он будет зажжен от солнечного луча в древней Олимпии — это произойдет 29 января,— а затем самолет и эстафета бегунов пронесут его через Грецию и Югославию до Сараева. Более ста тысяч гостей со всего света соберутся в столице XIV зимних Игр. Белая Олимпиада-84 станет новым праздником мира, молодости, дружбы, спорта. Ну, а мы вместе с симпатичным Вучко будем внимательно следить за выступлениями спортсменов разных стран, учиться у них мужеству, настойчивости, благородству, мастерству.

Сараево — Москва.